

**Татьяна Добрусина А. В. Добрякова Алексис де
Токвиль Айзек Азимов Майкл Коуни Джек
Уильямсон Джеймс Боллард Бен Бова Кэролин Ив
Гилмэн Колин Уилсон Татьяна Добрусина**

Сверхновая американская фантастика, 1994 № 05

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 05

FineReader 12

«Сверхновая американская фантастика, 1994 № 05»: Издательство

«Ладомир»; Москва; 1995
ISBN ISSN 1029-2675

Аннотация

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction». Выходит с июля 1994 г.

Номер 5

ПРОЩАНИЕ С АЙЗЕКОМ АЗИМОВЫМ

FB2 книгу сделал mefysto

Fantasy & Science Fiction
СВЕРХНОВАЯ ноябрь 94
американская фантастика

СВЕРХНОВАЯ

американская фантастика

№ 5

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ЮБИЛЕИ... ЮБИЛЕИ

Первый номер нашего американского журнала-прародителя вышел

осенью 1949 года и назывался он тогда «The Magazine of Fantasy» — «Журнал фэнтези». Вторая часть названия — «и научной фантастики» — появилась вместе со вторым номером.

Эдвард Ферман, более двух десятилетий редактировавший «F&SF» (будем впредь именовать американский журнал так), вспоминает, что под №1 в архивах журнала значится контракт, подписанный в 1946 году со Стюартом Палмером на публикацию рассказа «Ищите и обрящете» (Stuart Palmer «Seek and Ye Shall Find»). С тех пор число рассказов и повестей, увидевших свет на страницах «F&SF», превысило несколько тысяч.

Надо сказать, что с самого своего возникновения «F&SF» мыслился основателями-редакторами Энтони Бучером и Фрэнсисом Маккомасом как полигон для молодых авторов и для развития НФ произведений «малой формы». Типичными для журнальной фантастики 30-40-х годов были сериалы, в «F&SF» же принципиально печаталось очень немного повестей с продолжениями. Возможность быстро опубликовать свежий рассказ, не дожидаясь своей очереди, чтобы вклиниться между сериалами, или нескорого выхода антологии, привлекала уже именитых писателей: Роберта Хайнлайна, Авраама Дэвидсона (впоследствии несколько лет редактировавшего «F&SF»), Джека Уильямсона, Теодора Стерджена, Филипа Дика, Альфреда Бестера, Томаса Диша, Брайана Олдисса, Харлана Эллисона и многих других.

Самым постоянным автором «F&SF» стал, конечно, Айзек Азимов, который из номера в номер вел рубрику «Из записной книжки ученого», в которой опубликовал 399 очерков на всевозможные темы из истории науки с «забегами», так сказать, в будущее. В нашем юбилейном, «полукруглом» пятом номере «Сверхновой» мы помещаем одну из последних статей Азимова — «Кое-что задаром», опубликованную незадолго до его смерти. И мужественное прощание уходящего мастера с читателями. Что не означает, несомненно, окончательной разлуки с любимым автором: наши читатели еще не раз смогут прочесть ироничные и информативные очерки Азимова на наших страницах.

Именно в «F&SF» впервые увидели свет широкоизвестные повести и рассказы, которые успели полюбить уже и наши читатели: «Цветы для Элджернона» Дэниэла Киза (апрель 1959), «Гимн Лейбовицу» Уолтера Миллера-младшего (апрель 1955), «Селектра шесть-десять» Авраама Дэвидсона (октябрь 1976), «В поисках Св. Фомы Аквинского» Энтони Бучера (январь 1959).

Традиционно «F&SF» включал помимо шести-семи прозаических произведений и «Записной книжки ученого» разделы книжных обзоров, рецензии на новые фильмы, изредка печатались стихи. Временами возникал раздел переписки с читателями, но вести его постоянно мешал график выпуска номеров — слишком большой разрыв между «репликами», как при космической связи по мере удаления от родной планеты. Поэтому на настоящий момент от рубрики «переписка» отказались, порекомендовав читателям для более непосредственного отклика пользоваться современными средствами общения через электронную почту и другие виды компьютерной связи. Хотя, вне всякого сомнения, каждое письмо внимательно прочитывается в редакции, и читательское мнение учитывается при подготовке очередных номеров.

Страницы «F&SF» время от времени оживляют карикатуры — не сказать, чтоб всегда веселые, но освежающие восприятие. Пару из них мы

вам предлагаем посмотреть. Внутри «F&SF» почти с самого основания живет существо — и то улыбается в конце веселого рассказа, то грустит вместе с читателями над печальным концом.

С годами менялось оформление, «F&SF» обрастала новыми рубриками, но без дробности — базовые сохранялись. Одно из нововведений 90-х — рекомендательные рецензии «Книги, которые стоит поискать», где говорится о том, на что стоит обратить внимание ориентированному на фантастику читателю помимо своей любимой НФ. Советчик — Скотт Орсон Кард, человек необычайно эрудированный и работоспособный — иногда просто удивительно, как его хватает на все, за что он берется. Рубрику кинообзоров долгое время вел Харлан Эллисон. Он делал свои обзоры в специфической манере — со множеством отступлений личного характера, вовлечением читателей в очередную шумиху, возникшую вокруг того или иного фильма, а зачастую просто обсуждал с читателями волновавшие его самого злободневные проблемы. Теперь рассказывает о кинофантастике Кэйти Майо, которой, напротив, присущ лаконизм, который читатели «Сверхновой» еще смогут оценить. Научная рубрика после Азимова перешла к Брюсу Стерлингу, иногда к нему подключается Грегори Бенфорд.

Американцы доверяют вкусу редакторов «F&SF» — более десяти раз журнал в целом и Эдвард Ферман как его редактор получали премию «Хьюго». Стабильно растет число подписчиков. В последние три года главным редактором стала Кристин Кэтрин Раш. Вы уже знакомы с ее «Святыми грешниками» и рассказом «Наилучшие пожелания». Под ее руководством журнал не изменил направления, но, может быть, стал более смело смешивать фэнтези и НФ. И в публикациях журнала всегда ощутим пульс всей планеты, а не только Америки, как ни высокопарно это может показаться. Очень характерен для стиля «F&SF» рассказ Джеймса Болларда «Военная лихорадка». И хоть в Бейруте, слава Богу, пушки смолкли, рассказ сегодня будоражит даже сильнее, чем вчера. Сытый, как известно, голодного не разумеет. Но как отвратительно, когда такой сытый вдруг задается целью «уразуметь» то, что можно лишь ощутить сердцем, и ставит эксперимент...

Оригинальность замысла и исполнения в полной мере свойственны ветерану жанра Бену Бове («Жестянка, полная червей»), и Кэролин Ив Гилмэн — автору «Медоваров», и Майклу Коуни, чья повесть «Умри, Лорелей» звучит как горький смех на океанском ветру.

Пока в мире много тревоги, ею будут полниться и лучшие фантастические произведения — «Эра птиц» ветерана фантастики Джека Уильямсона и «Паразиты сознания» почти классика английской фантастики Колина Уилсона. Получив новый перевод романа, уже выходившего в нашей стране в двух версиях (Н. Коптюг и А. Шабрина), редакция долго не могла решить — стоит или нет включать его в нашу «Сверхновую». Однако перевесило соображение замечательной своевременности «Паразитов». Поэтому в юбилейном номере предлагаем вашему вниманию первую часть романа в переводе Сергея Фролова — первую публикацию романа Уилсона в Москве (предыдущие версии издавались в Нальчике и в журнале «Сибирские огни»).

Есть тревоги, но есть и надежда, и с ней в сердце мы будем еще не раз обращаться к фантастически богатым законам «F&SF». Юбилейный осенний номер у нас всегда будет толстым и, надеемся, не разочарует вас.

Лариса Михайлова

Колин Уилсон

ПАРАЗИТЫ СОЗНАНИЯ

Августу Дерлету, подсказавшему идею этой книги

«Прежде, чем я умру, я должен найти способ поведать об одной сокровенной тайне, о которой я еще не говорил — нет, речь пойдет не о любви и не о ненависти, и не жалости или презрении, а самом дыхании жизни, которое врывается в наш мир свирепым потоком из неведомых далей и привносит с собой безграничный ужас хладнокровной мощи нечеловеческих существ...»

Бетран Рассел
(из письма к Констанции Маллесон,
1918 г. опубликовано в книге «Мое философское развитие»)

© Colin Wilson. Mind Parasites.

© by the author, 1968

Перевод С. Фролова

Мы не приносим извинения за то, что посвятили весь третий том «Кембриджской Истории Атомного века» публикации этого важного документа, известного под названием «Паразиты сознания», автор — профессор Гилберт Остин.

«Паразиты сознания» — документ, смешанный по своей структуре, он состоит из различных записок, магнитофонных записей и письменного изложения бесед с профессором Остином. Его первое издание в объеме вдвое меньшем, чем нынешнее, было осуществлено вскоре после исчезновения профессора Остина в 2007 году, но еще до того, как экспедиция капитана Рамзая обнаружила «Палладу». В то время документ состоял в основном из записей, сделанных по просьбе полковника Спенсера и магнитофонных материалов, хранившихся в библиотеке Лондонского университета под номером 12—ХМ. В следующее издание 2012 года были включены расшифровка стенографической записи, сделанной 14 января 2004 года Лесли Первизоном, выдержки из двух статей Остина, написанных для журнала «Историкал Ревью» и его предисловие в книге Вайсмана «Исторические размышления».

В новом издании сохранен прежний текст в полном объеме, а также включены новые данные из так называемого «Досье Мартинуса», долгие годы хранившегося у миссис Остин и ныне

переданного во Всемирный Исторический Архив. Редакторы указали в сносках¹ источники, откуда были взяты различные разделы документа, и использовали пока что не опубликованные автобиографические записи Остина, сделанные им в 2001 году.

Ни одно из изданий «Паразитов сознания» не претендует быть истиной в последней инстанции. Нашей целью было лишь изложение событий в форме связанного рассказа. Там, где мы сочли нужным, были добавлены выписки из философских работ Остина и небольшая выдержка из предисловия к книге «За что мы благодарны Эдмунду Гуссерлю», изданной Остином и Райхом. По мнению редакторов, данное изложение событий ставит перед собой целью доказать их собственную точку зрения, изложенную ранее в работе «К разгадке тайны «Паллады», однако стоит подчеркнуть, что это не было для них главным. Они лишь пытались издать все относящиеся к этой истории материалы и уверены в том, что эта цель будет достигнута лишь тогда, когда Северо — Западный университет дополнит настоящее издание публикацией «Полного собрания сочинений Гилберта Остина».

Г. С. и В. П.

Колледж Св. Генриха, Кембридж, 2014 г.

(Этот раздел написан под редакцией Г. Ф. Спенсера на основе магнитофонных записей д-ра Остина, сделанных им за несколько месяцев до исчезновения.)

В такой запутанной истории, как эта, нет определенной начальной точки, так что вряд ли я смогу последовать совету полковника Спенсера: «Начни сначала и продолжай до конца». Как раз с самого начала события тяготели к бессвязности. Пожалуй, лучше всего просто рассказать мой вариант истории борьбы с паразитами сознания, а остальное я оставлю на суд историков.

Лично моя история началась в тот самый день 20 декабря 1994 года, когда я вернулся домой после собрания в Мидлсексском Археологическом Обществе, где я прочел лекцию о древних цивилизациях Малой Азии. Вечер получился живым и вдохновляющим — нет большего удовольствия, чем выступать на темы, близкие твоему сердцу, да еще и перед внимательной аудиторией. Добавьте к этому прекрасный ужин, завершившийся превосходным кларетом урожая 1980 года, и вы поймете, в каком приподнятом настроении я возвращался в свою квартиру в Ковент-Гарден.

Зайдя в прихожую, я услышал сигнал телескрина, однако едва я подошел к нему, как сигнал прекратился. Включив блок, фиксирующий звонки, я обнаружил, что звонили из Хемпстеда, а по цифровому коду абонента догадался, что это был Карел Вайсман. 23.45 —поздновато, да и спать очень хочется — я решил перезвонить ему с утра, однако, раздеваясь перед сном, я почувствовал себя неуютно. Мы с Карелом очень старые друзья, и он частенько названивал мне в позднее время — просил найти для него что-нибудь в Британском Музее, где я нередко провожу свое утро. Но сейчас какая-то неясная внутренняя тревога не давала мне покоя; я подошел в халате к телескрину и набрал его номер. Ответа долго не было. Я уже было собрался дать отбой, как на экране

¹ В основном, пропущенных в этом популярном издании. Прим. авт.

появилось лицо его секретаря:

— Вы слышали новость?

— Какую? — спросил я в ответ.

— Доктор Вайсман мертв.

Я настолько был ошеломлен, что пришлось присесть. Собрав остатки разбегающихся мыслей, я спросил:

— Откуда же я мог слышать?

— Об этом сообщили все вечерние газеты.

Я сказал, что только вошел в дом.

— Да я вижу, — ответил он. — Я весь вечер пытался дозвониться к вам. Вы не могли бы приехать к нам прямо сейчас?

— Но зачем? Чем я могу помочь? Кстати, как самочувствие миссис Вайсман?

— Она до сих пор в шоке.

— Да как же это случилось?

Бомгарт ответил, не меняя выражения лица:

— Он покончил с собой.

Помню, что я тупо смотрел на него несколько секунд, а затем взорвался:

— Что за чушь?! Это же невозможно!

— К сожалению, в этом нет никаких сомнений. Пожалуйста, приезжайте поскорей.

Он собрался отключить контакт. Я заорал:

— Вы что, с ума меня решили свести? Да что там произошло наконец?!

— Он принял яд. Это все, что я знаю. Но в письме он велел связаться с вами как можно быстрее, так что приезжайте. Мы все очень устали.

Я вызвал геликэб и принялся одеваться, поминутно повторяя в оцепении, что этого не может быть. Карела Вайсмана я знал лет тридцать еще со студенческих дней в Уппсале². Он был во всех отношениях замечательным человеком — умным, проницательным, терпеливым, обладал огромной энергией и подвижностью. Этого не может быть. Такой человек никогда не пойдет на самоубийство. О да, я, конечно, слышал, что мировая статистика самоубийств увеличилась с середины века в пятьдесят раз и что иногда с собой кончают люди, от которых этого совсем не ждешь. Однако известие о том, что Карел Вайсман покончил жизнь самоубийством, равносильно сообщению о том, один плюс один равно трем. В этом человеке не было ни единого атома саморазрушения. При любых обстоятельствах он был меньше всего неврастеником и наиболее целостной личностью из всех, кого я знал.

Интересно, могло ли это быть убийством? А вдруг его убил агент Организации Центральноазиатских сил? Мне приходилось слышать и не такое — во второй половине восьмидесятых годов политическое убийство превратилось в точную науку. Вспомним гибель Хаммельмана и Фуллера — пример того, что даже ученые, работающие в сверхсекретных условиях, не могут чувствовать себя в безопасности. Однако Карел — психолог, и, насколько я знаю, он никоим образом не был связан с правительством. Основные его доходы поступали от огромной промышленной корпорации, которая платила ему за разработку способов борьбы с конвейерным

неврозом³ и за исследования в области общего подъема производительности.

Бомгарт уже ожидал меня на крыше, куда приземлилось такси. Как только мы остались одни, я тут же спросил:

— А может быть, это убийство?

— Конечно, не исключено, но пока нет оснований для этой версии. В три пополудни он удалился к себе в кабинет поработать и просил, чтобы его не беспокоили. Окно у него было закрыто. Я просидел в приемной два часа. В пять его жена принесла чай и обнаружила его мертвым. Он оставил письмо, написанное от руки. Яд принял из стакана, который сполоснул в раковине.

Через полчаса я убедился, что мой друг действительно покончил с собой. В противном случае его убийцей должен быть Бомгарт, во что я никогда не поверю. Как истинный швейцарец, Бомгарт отличался умением владеть собой, но даже он был настолько подавлен и находился в таком смятении, что невозможно было представить себе, какой актер способен симулировать такое состояние. С другой стороны, осталось письмо Карела. Со времени изобретения Помроем электронно-сравнительной машины подделка подписей стала одним из редчайших преступлений.

Покинул я этот дом скорби в два ночи, так и не поговорив ни с кем, кроме Бомгарта. Своего мертвого друга я не увидел, да и не особенно стремился к этому, зная, до чего ужасны лица погибших от цианистого калия. Эти таблетки он достал у одного душевнобольного пациента буквально вчера.

Само по себе письмо оказалось весьма странным — в нем ни слова сожаления по поводу добровольного ухода из жизни. Написано оно было дрожащей рукой, но в довольно ясной форме. В нем он объявлял о том, какая часть имущества должна отойти сыну, а какая — жене. Он также просил меня стать его душеприказчиком и заняться судьбой его научных бумаг, упоминал о той сумме денег, которая полагалась мне, а также о тех деньгах, что могут понадобиться для публикации его работ. Мне дали фотокопию — оригинал забрали полицейские, — но и по ней было видно, что письмо подлинное. На следующее утро электронный анализатор подтвердил это.

Да уж, более чем странное письмо: три страницы, написанные с очевидным спокойствием. Но почему он просил связаться со мной немедленно? А может, стоит поискать разгадку в его бумагах? Бомгарт уже подумал об этом варианте и целый вечер перебирал их, однако не нашел ничего, что бы оправдывало поспешность Карела.

Основная масса документов касалась его работы в Англо-Индийской Компьютерной Корпорации — в них разобраться было под силу лишь представителям фирмы. Среди остальных бумаг — множество работ по экзистенциальной философии, трансакционизму Маслова⁴ и прочее. Была там и почти законченная рукопись книги об использовании психоделических наркотиков.

Вот в ней-то и должен быть ключ к разгадке, решил я.

3 Нервное расстройство, связанное с монотонной работой.

4 Психоаналитический метод Авраама Маслова (род. 1908). американского психолога.

Еще в Уппсала мы с Карелом часто обсуждали проблемы смерти, границ человеческого сознания и многое другое. Я даже делал доклад о «Египетской Книге Мертвых», которая в оригинале называется «Ру ну перт эм хру», что значит — «Книга движущихся при свете дня». Больше всего меня заинтриговали символ «ночь души» и все опасности, подстерегающие бесплотный дух во время ночных странствий в Аментет⁵.

Однако Карел упорно советовал мне изучить «Тибетскую Книгу Мертвых», отличавшуюся от египетской как небо от земли, а затем сравнить их обе. Ныне любой студент знает, что «Тибетская Книга» является документом буддистов, религиозная традиция которых не имеет ничего общего с древнеегипетской. Сравнить эти две книги мне показалось пустой тратой времени, занятием для изощренного педанта. Однако Карел добился своего и зажег во мне определенный интерес к самой «Тибетской Книге», о которой мы проговорили немало вечеров. В ту пору психоделические наркотики были почти недоступными — благодаря нашумевшим книгам Олдоса Хаксли об его опыте с мескалином они стали откровением для наркоманов⁶. Впрочем, мы нашли статью Рене Домалья⁷, где он описывает сходные эксперименты с эфиром. Домаль окунул носовой платок в эфир, а затем приложил его к носу. Как только он потерял сознание, его рука опустилась, и он пришел в себя. После этого он попытался описать собственные видения в состоянии эфирного наркоза, записи страшно заинтересовали нас.

Главная мысль Домалья не отличалась от вывода, сделанного многими мистиками: несмотря на то, что он был «без сознания», его собственные переживания казались намного реальней опыта обыденной жизни.

Как бы мы с Карелом ни отличались друг от друга, тут мы пришли к одному заключению: наша ежедневная жизнь есть нереальность. После этого нетрудно понять рассказ Чжуан-цзы⁸ о том, как ему приснилось, что он — бабочка и чувствует все то, что должна чувствовать бабочка и как, проснувшись, он вдруг ощущает, что не может определить: кто он — Чжуан-цзы, которому снится, что он — бабочка или бабочка, которой снится, что она — Чжуан-цзы.

Почти месяц мы с Карелом экспериментировали с сознанием. После рождественских каникул мы пытались три дня продержаться без сна, подстегивая себя кофе и сигаретами. В результате мы почувствовали, что совершили гигантский скачок в познании самих себя. Помнится, я сказал: «Если бы можно было жить так все время, то исчезла бы надобность в поэзии, потому что я мог видеть дальше любого поэта». Также мы попробовали эфир и четыреххлористый углерод, но этот опыт показался уже менее интересным. В какой-то момент я почувствовал, как резко обострилось мое внутреннее зрение — состояние, которое мы иногда

5 Запад, царство мертвых в египетской мифологии.

6 Имеются ввиду книги С. Хексли «Врата к самопознанию» (1954) и «Небеса и Преисподняя» (1955)

7 Рене Домаль (1906-1944) — французский журналист, интересовавшийся вопросами парапсихологии

8 Ч ж у а и — ц з ы (ок. 369-268 до н. э.) — китайский философ, один из основателей даосизма

переживаем во сне, но оно было кратким, и я едва что-либо запомнил. Он эфира разболелась голова, поэтому после двух попыток я решил бросить это дело. Карел же считал, что его результаты сходны с домалевскими, правда, с некоторыми отличиями. Помню, как заинтересовали его маленькие черные точки, которые он увидел в состоянии наркоза. Впрочем, тяжелые последствия опытов и его заставили бросить их. Позже, став психологом-экспериментатором, он получил доступ к мескалину и лизергиновой кислоте⁹ и настойчиво советовал мне испытать их. Но я к этому времени имел уже другие увлечения, поэтому отказался. Об этих увлечениях я расскажу подробнее.

Столь затянутое предисловие стало необходимым, чтобы объяснить, почему я догадался о смысле последней просьбы Карела Вайсмана. Я ведь археолог, а не психолог, но я его старый друг и, к тому же, когда-то разделял его интерес к проблемам нашего сознания и его пределов. Интересно, вспоминал ли он в последние минуты о наших бесконечных ночных разговорах в Уппсала, о частых посиделках с пивом в маленьком ресторанчике над рекой и о полуночных попойках в моей комнате.

Что-то беспокоило меня, какая-то смутная неопределенная тревога, похожая на ту, что заставила позвонить вчера в полночь в Хэмпстед. Впрочем, что теперь об этом говорить — я решил забыть обо всем. В день похорон я уже был Гебридских островах, куда меня вызвали обследовать замечательно сохранившиеся на острове Гаррис останки людей неолита. А по возвращении я обнаружил на своей лестничной клетке несколько ящичков с бумагами. В тот момент я ни о чем, кроме своих людей эпохи неолита, и думать не мог, поэтому, пересмотрев первый ящик и обнаружив среди прочих бумаг папку с надписью: «Восприятие цвета животными при недостатке эмоций», в сердцах пнул по этому ящику ногой. Потом зашел в квартиру, открыл «Археологический журнал» и наткнулся на статью Райха об электронной датировке базальтовых статуэток, найденных в турецком храме Богазкее. Я позвонил Спенсеру в Британский Музей, затем поехал к нему. Следующие сорок восемь часов я существовал, ел, дышал, не думая ни о чем, кроме статуэток Богазкее и отличительных черт хеттской скульптуры. Это-то и спасло меня. Несомненно, что Цатоггуаны только и ждали моего возвращения, чтобы увидеть, догадался я о чем-нибудь или нет. К счастью, я был полностью занят лишь моей археологией. Мой разум плавно дрейфовал в безбрежных морях прошлого, убаюкивая себя историческими событиями. Ему была чужда психология. Пожалуй, если бы я вдруг вознамерился изучить бумаги моего друга в поисках причины самоубийства, то в считанные часы мой мозг был бы оккупирован и уничтожен.

Бр-р, даже вспоминать страшно — я был окружен злобным чуждым разумом. словно водолаз, опустившийся на дно морское и увлеченный поисками сокровищ затонувших кораблей, я не замечал, как за мной следят холодные глаза осьминога в засаде. А ведь я мог запросто заметить их, как это случилось позже, на раскопках Черной Горы в Турции, однако мной слишком овладели открытия Райха. Они попросту вытолкнули из головы всяческие воспоминания о погибшем друге.

Я полагаю, что в течение нескольких недель я был под постоянным и тщательным контролем со стороны Цатоггуанов. Как раз в то время я

9 Составляющая часть наркотика ЛСД.

решил вернуться в Малую Азию, чтобы прояснить кое-какие проблемы, возникшие после критики Райхом созданной мною системы датировки. Я снова поражаюсь, до чего спасительным оказалось мое решение: должно быть, оно окончательно убедило Цатоггуанов в моей безвредности. Карел сделал ошибку, что поручил свое наследие мне — едва ли он смог бы найти менее надежного душеприказчика. О да, конечно, я чувствовал угрызения совести из-за неразобранных ящиков и даже пару раз заставлял себя покопаться в них, но всякий раз меня охватывало одно и то же чувство полного безразличия к проблемам психологии, и я снова захлопывал ящик.

В последний раз я даже задумался, а не попросить ли уборщицу спалить где-нибудь это добро, но тут же устыдился столь аморальной идеи и отверг ее; честно сказать, я даже не ожидал от себя таких мыслей. Откуда же мне было знать в ту пору, что это были не мои мысли.

Потом я частенько задумывался над тем, был ли план моего друга сделать меня своим душеприказчиком давно обдуманым, или он решился на него в последние минуты жизни, находясь в отчаянии. Ведь если в этом был хотя бы какой-то смысл, то тогда Цатоггуаны об этом сразу же бы узнали. Либо это было последней вспышкой сознания у одного из лучших людей нашего века, либо я был выбран *faute de mieux*¹⁰.

Ответ мы узнаем лишь в том случае, если получим доступ к архивам Цатоггуанов. Приятно тешить себя мыслью о том, что этот выбор — заранее продуманная стратегическая хитрость. Ибо, если провидение было на стороне Карела в момент его решения, то, несомненно, оно покровительствовало и мне в течение следующих шести месяцев, когда я размышлял о чем угодно, кроме бумаг Карела Вайсмана.

Уезжая в Турцию, я предупредил домовладельца, чтобы тот разрешил Бомгарту навещать мою квартиру: он изъявил желание навести порядок в бумагах. Я также переговорил с двумя американцами, издателями учебников по психологии, которые проявили интерес к наследию Вайсмана. Затем, полностью увлеченный проблемами, связанными с определением возраста базальтовых статуэток, я забыл на несколько месяцев о психологии.

Райх обосновался в лаборатории Турецкой Урановой Компании в Диярбакыре. В научном мире он был известен как авторитетный специалист по аргонному методу датировки человеческих и животных останков. Диапазон его исследований включал в себя период от зарождения человечества до правления хеттов, но с некоторых пор его интересы приняли несколько иное направление, поэтому он и хотел увидаться со мной в Диярбакыре, поскольку моя книга о цивилизации хеттов, изданная в 1980 году, считалась наиболее авторитетной по этой теме.

Райх показался мне весьма приятным человеком. Если взять историю начиная с 2500 года до нашей эры и заканчивая десятым веком нашей эры, то в этом периоде я ориентируюсь как рыба в воде. Что касается Райха, то он разбирался в отрезке от каменноугольного периода до наших

10 *Faute de mieux* (фр.) — за неимением лучшего.

дней и мог запросто рассуждать о плейстоцене¹¹... а это, считай, миллион лет до нашей эры — как будто это было делом вчерашнего дня. Однажды я был поражен, когда Райх, обследовав зуб мамонта, заметил, что вряд ли он лежит здесь с мелового периода — скорее, с конца триасового, то есть на 15 миллионов лет больше. И каково же было мое удивление, когда счетчик Гейгера подтвердил его гипотезу. Что и говорить — на эти вещи у него был сверхъестественный нюх.

Раз уж Райху пришлось сыграть значительную роль в этой истории, придется рассказать о нем подробнее. Он, так же как и я, был крупным на вид, правда, не за счет жировых излишков. У него были плечи борца и выступающий вперед подбородок, а вот голос — неожиданно мягкий и довольно высокий, видимо, сказались последствия перенесенного в детстве инфекционного заболевания горла.

Но главным различием между нами было то, как мы относились к прошлому.

Райх был до мозга костей ученым. Он был способен видеть формулы и цифры во всем, даже чтение десятистраничных отчетов о замерах радиосигналов могло доставлять ему неопишное удовольствие. «История должна быть точной наукой», — любил поговаривать он. Я же никогда не скрывал, что отношусь к истории с некоторой долей романтики. Даже в археологию я пришел через почти мистический опыт. Как-то я был на одной ферме и увлекся чтением случайно найденной книги Лэйарда¹² о Ниневийской цивилизации. Тут разразилась гроза, и я кинулся снимать развешенное на веревке белье. Прямо посреди двора была огромная серая лужа. Руки мои снимали белье, а голова находилась среди ассирийских холмов; заметив эту лужу, я не сразу сообразил, где я и кто я — лужа словно утратила свои черты и превратилась во что-то чуждое и далекое наподобие марсианского моря. С неба посыпались первые капли дождя, поверхность воды подернуло рябью. И тут я испытал блаженное чувство безграничной радости, доселе неведомой мне: я увидел Ниневию так же отчетливо, как и эту лужу. Вся история вдруг стала настолько реальной, что я почувствовал полнейшее презрение к собственному существованию здесь, посреди этого двора и с этим бельем в руках. Остаток вечера я пробродил, словно во сне, и с тех пор решил посвятить свою жизнь раскапыванию прошлого (в полном смысле этого слова), чтобы возвращать давно ушедшую реальность.

Позже вы поймете, насколько важное отношение все это имеет к моей истории. Да, по-разному мы с Райхом относились к прошлому и постоянно поднимали друг друга на смех, открывая очередные чудачества в характерах друг друга. Именно в науке видел Райх поэзию жизни, а прошлое для него служило подсобным материалом для собственных опытов. Я же относился к науке как служанке поэзии. Мой первый учитель сэр Чарльз Майерс, презиравший все, имеющее отношение к современности, укрепил и во мне подобные взгляды. Наблюдая, с каким усердием тот занимался раскопками, можно было подумать, что он никак не связан с нынешним веком: его удел — история, он взирает на нее, словно беркут с высокой скалы. Большинство человеческих существ

11 Наиболее длительная эпоха четвертичного периода.

12 Остин Ленри Лэйард (1817-1894) — английский археолог, прославившийся раскопками древнего ассирийского города Ниневии.

вызывало в нем содрогание и неприязнь: «Они мелкие и несовершеннолетние», — жаловался он мне как-то. Майерс внушил мне, что истинный историк прежде всего поэт, а потом — ученый. И еще он говорил, что презирает иных двуногих до такой степени, что начинает подумывать о самоубийстве, и лишь одно способно примирить его с окружающими: «У всех цивилизаций, — говорил он, — были не только взлеты, но и падения».

Первые дни в Диярбакире, когда дождь не давал проводить раскопки на Черной Горе, мы подолгу беседовали с Райхом, потягивающим пиво пинту за пинтой; я же предпочитал местный бренди — даже тут проявлялась разница в темпераментах.

В один из таких вечеров я получил письмо от Бомгарта. Довольно короткое письмо, где он сообщал о кое-каких бумагах в вайсмановском наследии, из которых следует, что еще задолго до смерти хозяин был не в своем уме: Вайсман считал, что «они» знают о каждом его шаге и постараются уничтожить его. Из записок было ясно, что речь шла не о людях, поэтому Бомгарт решил не спешить с переговорами по поводу публикации наследия Вайсмана, а дожидаться моего возвращения.

Разумеется, я был озадачен и заинтригован. В своей работе с Райхом мы добились кое-каких результатов — пора было поздравить друг друга и немного расслабиться, поболтать о чем-нибудь отвлеченном, поэтому в тот вечер разговор переключился на тему «сумасшествия» Вайсмана и его самоубийства. Двое турецких коллег из Измира тоже присоединились к разговору, и один из них сообщил любопытную вещь: оказывается, за последние десять лет в сельских районах Турции увеличилось число самоубийств. Вот тебе и на! Я-то думал, по крайней мере, деревенские жители имеют иммунитет против этого вируса, неуклонно прогрессирующего в городах.

Затем второй гость, доктор Омир Фуад рассказал о проводимых в его институте исследованиях — они изучают статистику самоубийств среди древних египтян и хеттов. Так, на одной глиняной табличке, адресованной хеттскому царю Арзаве, упоминается об эпидемии самоубийств во время правления царя Мурсилиса Второго (1334–1306 до н. э.), так же говорится и о подобных случаях в Хаттусасе, хеттской столице. Кроме того, на территории монастыря в Эс-Сувейдо недавно обнаружен папирус Менето, и в нем тоже говорится о суицидальной эпидемии во время правления Харемхаба и Сета Первого — примерно в эти же годы 1350–1292 до н. э.

Его напарник доктор Мухамед Дарга, поклонник исторического шарлатанства в шпенглеровской работе «Закат Европы»¹³, настаивал на том, что подобные эпидемии можно предугадать, зная возраст цивилизации и уровень ее урбанизации. Потом он долго разворачивал пространные метафоры о биологических клетках и их тенденции к «самоумерщвлению» именно тогда, когда тело перестает получать стимуляцию со стороны окружающей среды.

Все это показалось мне чужью. Как тут можно сравнивать, если в 1350 году цивилизации хеттов было около 700 лет, а египетской, по меньшей мере, вдвое больше. Да и вообще, у доктора Дарги была

13 Освальд Шпенглер (1880–1936) — немецкий философ и историк. Основное сочинение — «Закат Европы» об упадке европейской цивилизации.

догматическая манера подавать «факты», которая раздражала меня. Я начал горячиться — возможно, не без влияния бренди — и потребовал от гостей настоящих фактов и цифр. Они обещали их предоставить и, вынужденные возвращаться в Измир, покинули нас довольно рано.

А мы с Райхом втянулись в спор, который и запомнился мне как начало борьбы против паразитов сознания. Райх с его ясным научным интеллектом быстро взвесил все за и против и предположил за Даргой не Бог весть какой уровень беспристрастности ученого. Далее он сказал вот что:

— Обратимся к тем данным, которыми мы располагаем о нашей цивилизации. Что говорят они, например, о самоубийстве? В 1960 году в Англии покончили с собой 110 человек из миллиона жителей, а это вдвое больше, чем за сто лет до этого. В 1970 число это удвоилось, а к 1980-му увеличилось в шесть раз..

Поразительная память у Райха: казалось, он удерживает в ней всю статистику века. Лично меня обычно мутит от цифр. Но в тот момент что-то странное случилось со мной: я почувствовал внутри себя прикосновение чего-то холодного, будто обнаружил слежку со стороны какого-то опасного существа. Прошла минута, а меня по-прежнему знобило.

— Что, холодно? — спросил Райх.

Я кивнул и, когда Райх закончил свою речь и уставился в окно, где светили уличные фонари, сказал:

— Вот мы говорим, говорим, а в результате выясняется, что мы почти ничего не знаем о человеческой жизни.

— Мы знаем достаточно, чтобы ужиться друг с другом, — бодро ответил он.

Раздумывая об этом внезапном чувстве холода, я произнес:

— В конце концов, цивилизация — всего лишь сон. А если человека взять да неожиданно разбудить? Может быть, это — причина самоубийств?

Он понимал, что я имею в виду Карела Вайсмана:

— Может быть, только непонятно, что это за чудища, о которых он написал?

Это и для меня было загадкой. Мне никак не удавалось стряхнуть с себя мерзкое ощущение враждебного холода, которое все больше угнетало меня. Более того, в меня закрался страх, будто я столкнулся с какой-то неизбежностью, бедой, и она еще не раз будет возвращаться ко мне. Я был на грани истерики. Выпив полбутылки бренди, я оставался ужасающе трезвым — тело размякло от алкоголя, но я не мог отождествить себя с ним. Появилась жуткая мысль: так вот отчего растет число самоубийств — тысячи людей, так же как и я «пробудившихся» от абсурдной реальности нашего существования, просто-напросто отказались продолжать его. Сон истории подходит к концу. Человечество уже на пути к пробуждению — в один прекрасный день мы окончательно проснемся, и тогда произойдет всеобщий уход из жизни.

Я испытывал искушение как можно скорее уйти, чтобы развить эти ужасные мысли в одиночестве. Однако заставил себя рассказать об этом Райху. Не знаю, понял ли он меня до конца, но главное — он заметил, что со мной не все ладно, поэтому, осторожно подбирая нужные слова, внес спокойствие в мой разгоряченный рассудок. Он принялся рассказывать о совпадениях в археологии, иногда настолько невероятных, что они

невозможны даже в научной фантастике. Райх поведал о том, как Джордж Смит отправился из Лондона с абсурдной надеждой разыскать глиняные таблички с окончанием ассирийского эпоса «Гильгамеш» и действительно нашел их; о таком же «невозможном» открытии Шлиманом¹⁴ Трои и Лайардом Нимруда¹⁵ — это произошло так, словно неведомая сила судьбы толкала из навстречу открытиям. Приходится признать, что археология более других наук вынуждает верить в чудеса.

Райх стремительно развивал свою мысль:

— А коли ты с этим согласен, то пойми, что цивилизация вовсе не сон и не кошмар. Когда мы спим, мы принимаем логику сна, но стоит нам проснуться, и эта логика рассыпается. По-твоему, логика нашей жизни навязана нашими же иллюзиями. Ну, в таком случае, примеры с Лэйардом, Шлиманом, Смитом, Шампольоном, Роулинсоном и Боссертом решительно противоречат твоим умозаключениям, а ведь это реальные случаи, там произошли такие немыслимые совпадения, на какие решится не каждый писатель...

Мне пришлось согласиться с ним, и когда я задумался о странном роке, который привел Шлимана в Трою, а Аэйарда в Нимруд, то сразу же вспомнил о сходных примерах в моей практике — взять, хотя бы мою первую крупную находку, когда я откопал в Кадеше параллельные тексты на финикийском, прото-хатти и каниссийском языках¹⁶. До сих пор мне не забыть внезапного ощущения предначертанности, своего рода божественного предопределения наших судеб или тайного закона случайности. Все это я смутно почувствовал, когда очищал глиняные таблички от земли, потому что, по крайней мере, за полчаса до раскопок я уже знал, что меня ждет в этот день настоящее открытие. Я вонзил лопату в случайно выбранном месте, ни минуты не сомневаясь в этом выборе.

За какие-то десять минут Райх умудрился освободить меня от подавленности. Сам того не зная, я выиграл в тот вечер первую битву с Цатоггуанами.

(Примечание редактора: начиная с этого места магнитофонная запись дополнена автобиографическими записками профессора Остина, которые нам любезно предоставил библиотекарь Техасского университета. Эти записки были опубликованы университетом в отдельном издании работ Остина под названием «Разное». Ими я попытался дополнить магнитофонные материалы.)

В ту весну бог археологии был явно милостлив ко мне. Работа с Райхом оказалась настолько плодотворной, что я решил снять в Диярбакыре квартиру и пожить там хотя бы год. В апреле, незадолго до отъезда на Черную Гору, я получил письмо из «Стандарт Моторз энд Инжиниринг» последней фирмы Карела Вайсмана, в котором мне предлагали забрать бумаги Карела и спрашивали, на какой адрес их можно выслать. Я ответил, что писать мне можно на адрес «Англо-

14 Генрих Шлиман (1822-1890) — немецкий археолог, нашедший легендарную Трою.

15 Город в Ираке.

16 Древние языки хеттов.

Индийской Урановой Компании» в Диярбакыре, а бумаги Вайсмана лучше отправить на мой лондонский адрес или в Хэмпстед к Бомгарту.

Когда в 1946 году профессор Хельмут Боссерт впервые добрался до Кадирли, ближайшего города хеттов в районе Черной Горы, он столкнулся с главным препятствием — почти полным бездорожьём. Кадирли в те годы представлял из себя крохотный провинциальный городишко без электроснабжения. Теперь же это вполне современный, хотя довольно тихий город с двумя прекрасными отелями и аэродромом, куда лондонская ракета доставляет пассажиров из Британии ровно за час. Чтобы добраться от городка до Черной Горы, Боссерту понадобился целый день изнурительного пути пастушьими тропами, поросшими колючим ракитником. Мы же на своем вертолете долетели от Диярбакыра до Кадирли за час, и потом еще понадобилось 20 минут, чтобы добраться до Черной Горы. Уже два дня поджидала нас там аппаратура, заброшенная Райхом.

Расскажу немного о целях экспедиции. Вокруг Черной Горы, входящей в горную цепь Анти-Таурус, существует немало тайн. Так называемая «империя хеттов» пала в 1200 году до н. э. под напором варварских орд, среди которых преобладали ассирийцы. Однако Каратеп (Черная Гора), Каршемиш и Зинырли просуществовали еще 500 лет. Что происходило там все эти годы? Как удалось хеттам сохранить свою культуру в те беспокойные времена, когда их столица Хаттусас находилась в руках ассирийцев? Этим проблемам я посвятил десять лет жизни.

Я всегда был уверен, что ключ к разгадке Черной Горы лежит под ней самой, и искать его надо на такой же глубине, какой достигли раскопки кургана в Богазкее, где были открыты захоронения цивилизации более высокого уровня развития, старше хеттской на тысячу лет. Во время раскопок 1987 года мне удалось извлечь множество загадочных базальтовых фигурок, очень отличавшихся по манере резьбы от хеттских скульптур, найденных на поверхности — знаменитых быков, львов, крылатых сфинксов. Они были плоские, невыразительные — было в них что-то варварское. Их пытались сравнивать и с африканскими фигурками, однако сходства нашли мало. Клиновидные символы на статуэтках были явно хеттского происхождения, а не финикийского или ассирийского, и все же, не будь они найдены в этом районе, я бы никогда не отнес их к культуре хеттов.

Иероглифы представляли еще одну проблему. Со времени открытия Грозного¹⁷ наши познания в хеттском значительно углубились, хотя и в них есть пробелы, особенно там, где в тексте идет речь о религиозных ритуалах. (Представляю себе, как археологи будущего поломают голову над текстом католической литургии, особенно над символом креста и непонятными сокращениями.) Наверняка символы на базальтовых фигурках связаны с подобными ритуалами, поскольку почти три четверти из них мы не понимали. Одно из немногих расшифрованных предложений гласило: «До (или «под») Питканаса(ом) обитали Великие Древние». В другом мы прочитали: «Тудалияс поклонялся Абхоту Темному». Хеттский иероглиф «темный» мог также означать «черный», «нечистый» или

17 Бедржих Грозный (1879–1952) — чешский хеттолог. В 1917 году расшифровал клинопись хеттов. — Прим. перев.

«неприкасаемый» в индуистском смысле.

Мои находки вызвали многочисленные комментарии светил археологического мира. Сначала я решил, что фигурки относятся к прохеттской культуре, которая значительно отличалась от цивилизации, открытой в Богазкее, и от которой произошла сама клинопись хеттов. Питканас был одним из ранних правителей хеттов, примерно, в двадцатом веке до нашей эры. Если моя догадка верна, то из надписи следовало, что до Питканаса существовали прото-хатти, от которых хетты унаследовали письменность (слово «под» могло также означать, что их захоронения находились под хеттскими, как это было в Богазкее). Что же касается упоминания о Тудалиясе, правившем хеттами в восемнадцатом веке до нашей эры, то это еще одно свидетельство их преемственности от прото-хатт, у которых был бог Абхот Темный (или Нечистый).

Согласно моей версии, хетты приняли некоторые положения из религии своих предков в Каратепе и нанесли свои надписи на их фигурки в знак преемственности. Однако чем больше я размышлял над фактами (мы опускаем их, чтобы не усложнять повествования), тем больше начинал понимать, почему долгие годы после падения империи хеттов Черная Гора оставалась очагом их культуры. Что же за сила удерживала завоевателей от уничтожения Черной Горы все это время? Все что угодно, кроме силы оружия — находки свидетельствуют скорее о развитой художественной культуре, чем о военной организации. Тогда, может быть, гибкая политика нейтралитета? Но о каком нейтралитете можно говорить, когда через Каратеп, Зинырли и Каршемиш проходили главные пути на юг — в Сирию и Аравию? Нет, лишь одна сила могла отпугнуть воинственные племена — мистический страх. Наверняка авторитет Черной Горы и соседних городов основывался на какой-то мощной религии, возможно, магического характера. Вполне вероятно, что Каратеп был признанным центром магической культуры, наподобие Дельф, а иначе как объяснить эти странные изображения людей с птичьими головами, непонятных существ, похожих на жуков, крылатых быков и львов?

Райх не поддерживал мою гипотезу, и свое несогласие объяснял результатами датировки фигурок. Несмотря на то что они прекрасно сохранились, по возрасту они оказались на тысячу лет старше культуры прото-хатти. Позднее это подтвердил его «нейтронный датировщик». Безусловно, меня самого не устраивала моя предварительная датировка и я хотел знать точный возраст находок, однако оставалась главная проблема. Насколько я знаю, до третьего тысячелетия до н. э. в Малой Азии не существовало никаких цивилизаций, а если и были, то гораздо южнее Турции. Но кто же тогда изготовил эти фигурки, если не прото-хатти? Может, их завезли откуда-то с юга? Тогда откуда?

Первые два месяца нашей совместной работы Райх продолжал экспериментировать с «нейтронным датировщиком», используя мои фигурки как материал для исследований. И тут возникли совершенно абсурдные трудности. Возраст черепков из Шумера и Вавилона прибор устанавливал с предельной точностью, тем более, что у нас была возможность перепроверки, но с этими фигурками было не все в порядке — результаты оказались настолько необычными, что появились сомнения. Обычно нейтронный луч направляется в течение минуты на частички каменной пыли в трещинах и выбоинах фигурок. По этим следам эрозии и разрушений датировщик должен определить приблизительно, когда был

обработан базальт. Но тут он не сработал: стрелка индикатора скакнула до предела: около десяти тысяч лет до н. э.! Тогда Райх предложил увеличить масштаб замера — просто из любопытства: какой же возраст покажет прибор, в конце концов, — и он перестроил чувствительность на двухкратное увеличение. Стрелка тут же без колебаний дернулась в самый угол индикатора. Чертовщина какая-то! Райх решил, что допустил в чем-то оплошность — возможно, никакой пыли после обработки базальта не сохранилось, и датировщик пытается зафиксировать возраст самого материала! На всякий случай Райх велел своим помощникам изготовить шкалу для замеров вплоть до миллиона лет — задача серьезная, решать которую придется все лето. Вот тогда-то мы решили отправиться в Каратеп и разобраться во всем на месте, так сказать, найти источник проблемы.

Да... источник проблемы. Сейчас просто невозможно поверить во всю эту историю! О какой «случайности» можно толковать после всего происшедшего, когда в один узел сплелись и смерть друга, и загадка базальтовых фигурок? Вспоминая события того лета, просто невозможно верить в материалистическую концепцию исторического детерминизма.

Но все по порядку. Шестнадцатого апреля мы прибыли в Кадырли. На следующий день разбили лагерь на Черной Горе. Конечно, ничто не мешало нам руководить раскопками прямо из отеля в Кадырли, однако наши рабочие разместились в ближайшей деревушке, и мы решили, что нам тоже не мешает быть рядом с объектом наших исследований. Вдобавок, моей романтической натуре претило каждый вечер вырываться из объятий второго тысячелетия до нашей эры и снова погружаться в атмосферу конца двадцатого века.

Свои палатки мы поставили неподалеку от могильного кургана. Прямо под нами klokотали желтые воды речки Пирамус — ее глухой рокот постоянно стоял в ушах. На самой вершине кургана был установлен электронный зонд.

О нем стоит рассказать поподробней: эта штука, изобретенная Райхом, произвела настоящий переворот в археологии. Принципиально он был не сложнее рентгеновской установки и работал по методу миноискателя. Однако миноискатель фиксирует лишь металлические предметы, а луч рентгена — твердые и светонепроницаемые, а поскольку земля сама по себе — твердый и светонепроницаемый объект, то обычный рентгеновский аппарат для археологии бесполезен. Более того, те предметы, что интересуют археологию — камни, глиняные черепки, останки живых существ, имеют такую же молекулярную структуру, как и грунт, в котором они покоятся, так что вряд ли рентгеновская пленка смогла бы что-нибудь зафиксировать.

Райх использовал для своих целей электронный лазер и модифицировал его настолько, что тот проникал до трех миль в глубину, а его принцип «нейтронной обратной связи» позволил тут же получать изображения любого объекта обычной формы, например, каменной плиты. Оставалось только докопаться до найденного предмета, и тут нам должен помочь специальный робот под названием «Крот».

Нетрудно представить мое возбуждение в день, когда мы начали работать в Каратепе. За пятнадцать лет сложнейших раскопок новых фигурок отрыть не удалось, объяснить происхождение старых мы тоже не могли, да еще оставалась проблема — куда девать отрытый грунт? Но теперь изобретение Райха с гениальной простотой решало эту задачу.

Вечером третьего дня к нам в гости пришли турецкие коллеги Фуад и Дарга, и мы решили отправиться в Кадырли, чтобы поужинать в отеле. Возникшее у нас поначалу раздражение — показалось, что турки шпионят за нами по заданию правительства — вскоре исчезло, поскольку оба ученых вели себя весьма дружелюбно, живо интересуясь, как идут наши дела. А после превосходного ужина с бутылочкой доброго кларета все неприятности этого дня показались несущественными. Затем мы отправились в холл отеля, где нас ожидали турецкий кофе и бренди. И тут доктор Дарга вернулся к теме самоубийств. На этот раз он явился во всеоружии фактов и цифр. Не буду вдаваться в подробности нашей беседы — затянулась она далеко за полночь, — однако мне показалось, что теория Дарги о «биологическом упадке» уже не выглядела такой дикой.

Мы никогда не сможем понять, говорил Дарга, неслыханный рост числа самоубийств в мире, если будет отчаянно держаться только за одну гипотезу — «невроза цивилизации» и ссылаться лишь на то, что мы слишком от многого защищены, и жизнь наша не имеет истинной цели. А как быть с многочисленными примерами героизма и самопожертвования? А сколько многообещающих открытий сделала психология за последние 50 лет? Даже уровень преступности заметно понизился в последние годы, несмотря на перенаселенность планеты. В первой половине двадцатого века рост преступности и рост числа самоубийств увеличивались одновременно. Почему же теперь, когда преступлений становится меньше, статистика самоубийств так драматически увеличивается? Это весьма дурной знак: во все времена эти два патологических явления развивались синхронно. Раньше случаи самоубийств частично зависели от преступлений, поскольку одна треть убийц кончала с собой. Нет, говорил Дарга, тут мы имеем дело с каким-то загадочным законом исторического упадка, о котором догадывался один лишь Шпенглер. Каждый индивидуум представляет собой лишь маленькую клетку гигантского тела цивилизации, а в этом теле, как и в человеческом, неуклонно развивается процесс старения...

Должен сознаться, что он почти убедил меня. В половине первого мы расстались, обменявшись наилучшими пожеланиями, и два наших вертолета воспарили над Кадырли, залитым лунным светом. В час ночи мы уже были на раскопках.

А ночь была прекрасна — в воздухе стоял аромат златоцвета — греки называли его асфоделем, цветком подземного мира, а с холмов доносился резкий запах каких-то кустарников. Тишину нарушал лишь рокот речки. Своей холодной мертвой красотой вершины окружающих гор напомнили мне мое первое путешествие на Луну.

Все еще находившийся под впечатлением речей доктора Дарги, Райх ушел к себе в палатку. Я же побрел по холму к нижним воротам города, затем взобрался по ступенькам на крепостную стену, откуда открывался вид долины, залитой лунным светом. Мне вдруг захотелось задержать это необычное романтическое настроение, и я стоял чуть дыша, силясь представить себе давно умерших часовых, стоявших на этом месте, а на другой стороне гор в это время прятались ассирийские лазутчики.

И вдруг ход моих мыслей принял мрачный оборот — показалось, что мое пребывание здесь совершенно ненужно и бессмысленно. Моя жизнь — всего лишь мельчайшая рябь на поверхности бескрайнего океана времени. Меня окружал враждебный мир, абсолютно безразличная вселенная. До чего же абсурдно упорство человечества, страдающего

неизлечимой тягой к величию! Господи, да ведь вся наша жизнь не что иное как сон! Сон, который никогда не станет реальностью.

Одиночество становилось непереносимым. Я было собрался навеститься к Райху, но свет в его палатке уже погас. Сунув руку в карман за платком, я нащупал подаренную доктором Фуадом сигару, которую взял скорее как знак уважения — сам-то я не ахти какой страстный курильщик. Но теперь мне захотелось зажечь ее, чтобы вместе с запахом табака вернуться в человеческий мир. Я отрезал перочинным ножиком один ее конец и продырявил другой. Сделав глубокую затяжку, тут же пожалел об этом: вкус оказался отвратительным. Я положил сигару на стену и продолжал рассматривать долину. Через пару минут сигарный дым показался мне приятным, и я снова затянулся, стараясь делать затяжку как можно больше и глубже. Голова немного закружилась — я откинулся к стене. Не хватало еще срыгнуть отличный ужин. Потом тошнота прошла, осталось лишь чувство разлада с собственным телом.

В этот момент я снова взглянул на луну, и неожиданно меня охватил безотчетный ужас, словно я был лунатиком, который внезапно проснулся и увидел, что он балансирует на оконном карнизе в тысяче футов от Земли. Мозг мой раскалывался от страха. Я попытался взять себя в руки и понять причину внезапного ужаса — похоже, он исходил от внешнего мира, на который я смотрел, чувствуя себя лишь ничтожной деталью окружающего ландшафта. Нет, вразумительно это не объяснить... Вдруг мне показалось, что понимаю сумасшедших: они видят мир лишь со своей малюсенькой, но личной точки зрения крошечного земного червя. Огромный мир поражает и пугает, но они продолжают смотреть на него из-за щита своей личности. Страх заставляет этих несчастных чувствовать себя песчинкой в этом мире, однако он не сводит на нет их роль, скорее наоборот — усиливает ощущение своего Я. Вот почему стоило лишь попытаться отделиться от своей личности, как я тут же увидел себя лишь частицей общего ландшафта, столь же незначительной, как камень или муха.

Здесь мои переживания вышли на новый уровень. «Но ведь ты гораздо больше камня или мухи, — сказал я себе. — Ты же не просто предмет. Заблуждение это или нет, но твой мозг содержит информацию обо всех исторических временах. Внутри тебя, занимающего ничтожный клочок земли, куда больше знаний, чем во всем Британском Музее с тысячами миль его книжных полок».

Это было уже что-то новенькое. Новые мысли заставили забыть о ландшафте и обратить взгляд внутрь себя: если пространство бесконечно, то как насчет внутреннего пространства человека? Еще Блейк писал о том, что вечность начинается в центре атома. Мой недавний страх исчез. Нет, пожалуй, я поспешил записать себя в объекты безжизненного ландшафта. Человек ограничен лишь пределами своего мозга, но пространство сознания — это совершенно новое измерение. Наше тело — не более чем стена между двумя бесконечностями. Одна из них — бесконечность пространства — расходится во все стороны, а другая — бесконечность сознания — устремляется в безграничность внутреннюю.

Это был момент откровения, словно зрение мое приобрело неслыханную зоркость. Но в то же мгновение, едва я забыл о внешнем мире и сосредоточился на изучении внутреннего пространств, я почувствовал нечто ужасное. Нет, это невозможно описать — в самом углу взгляда, обращенного вовнутрь, я уловил движение неведомого мне

существа. Это был настоящий шок — представьте себе, будто вы лежите, расслабившись, в теплой ванне, и вдруг что-то проскользнуло между вашими ногами.

В долю секунды внутреннее зрение исчезло. Глядя на вершины гор и проплывавшую над ними луну, я испытал невыразимое удовольствие, словно только что вернулся домой с другого края вселенной. Голова кружилась, я чувствовал себя очень усталым. Так я простоял минут пять, а затем отправился к палатке, где снова попытался взглянуть внутрь себя. На этот раз получилось почти мгновенно.

Но я ничего не чувствовал.

Забравшись в спальный мешок, я понял, что больше не хочу спать. Очень хотелось поговорить с Райхом или с кем угодно — надо было выразить все, что я пережил. Человеку свойственно считать свой внутренний мир своей собственностью. «Могила — славное владенье человека...» — писал Марвелл¹⁸, и то же самое можно сказать о нашем сознании. В мире реальном наша свобода ограничена, но в нашем воображении мы можем делать что угодно, более того — мы можем надежно скрывать свои секреты; мозг — самое укромное место во вселенной, иногда даже слишком укромное. «Мы все мечтаем о ключе, когда сидим в своей темнице»¹⁹. Оттого-то и трудно излечиваются душевнобольные, что не просто попасть в их темницу.

Я по-прежнему не мог забыть ощущение чего-то чужого внутри себя, правда, оно уже не казалось столь ужасным. Это все равно как войти в комнату и, не ожидая там встретить кого-нибудь, обнаружить постороннего человека; первое, что приходит на ум — это грабитель. Затем эта мысль уходит прочь. Даже если там и впрямь грабитель, то относиться к нему начинаешь как к реальности, и первоначальный страх исчезает. Меня больше беспокоило не это нечто (или некто), а то, что оно находится, так сказать, в моей голове.

Стоило страху смениться интересом, как меня тут же потянуло в сон. Последнее, о чем я подумал, была мысль о галлюцинации, вызванной турецким кофе и сигарой.

Проснувшись в семь утра, я понял, что не был прав по поводу галлюцинаций: уж больно отчетливо я все помнил. И должен признаться, происшедшее все больше возбуждало во мне интерес, а не страх. Это нетрудно понять: повседневная жизнь занимает все наше внимание и удерживает от «погружения в себя». А моей романтической натуре это претит я люблю уходить в себя, хотя из-за повседневных проблем это не просто. И вот теперь у меня появились тревоги, связанные с чем-то, что внутри меня, и они напомнили, что мой внутренний мир столь же важен и реален, как и внешний.

За завтраком меня так и подмывало рассказать обо всем Райху, однако что-то удерживало — должно быть, страх, что тот не поймет меня. Он заметил мою отстраненность и сказал об этом, я ответил, что сигара Дарги оказалась для меня слишком крепкой. На этом разговор и закончился.

В то утро я руководил запуском электронного зонда на кургане. Райх

18 Строка из оды «К его застенчивой подруге» английского поэта Эндрю Марвелла (1621-1678).

19 Строка из поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная земля».

ушел в палатку, где собирался поработать над усовершенствованием двигательной части зонда — у него была идея установить прибор на воздушную подушку. Рабочие перетащили зонд к самым нижним воротам, и, когда все было готово, я уселся, настроил контрольный экран и запустил установку.

В первую же секунду я понял, что напоролся на какой-то предмет. По экрану пробежала сверху вниз белая полоса: прибор засек какую-то выпуклость. Я отключил питание — обратная связь усилилась, и по экрану поползли горизонтальные линии. Отослав техника за Райхом, я продолжал осторожно прощупывать обнаруженный объект. Теперь было ясно, что он там не один — и справа и слева от него тоже находились какие-то предметы.

Поскольку это был мой первый опыт работы с зондом, я не совсем представлял, какого размера моя находка и как глубоко она лежит. Но когда прибежал Райх и взглянул на индикаторы, он воскликнул:

— Ах, черт возьми, ну ты накрутил!

— Что случилось?

— Должно быть, ты выкрутил ручки управления до отказа и что-то разъединилось. Получается, что твоя находка лежит на глубине двух миль, а ее высота — около семидесяти футов!²⁰

Я с сожалением вылез из кресла. Вечно мне не везет с техникой: новую машину я разбивал в считанные часы, приборы, не дававшие ни малейшего сбоя, перегорали, едва я приближался к ним. И теперь, зная, что не сделал ничего предосудительного, я все же чувствовал вину.

Райх отвинтил кожух и заглянул внутрь. Он сказал, что как будто все в порядке, но это означает, что придется после обеда проверить всю цепь. Я начал было извиняться, но он похлопал меня по плечу:

— Не бери в голову. В любом случае мы что-то нашли. Остается только узнать, далеко ли оно находится.

Мы наскорого съели неплохой обед, правда, без горячего, и Райх бросился к установке. Я взял надувной матрас и отправился полежать в тени у Львиных Ворот, чтобы наверстать недоспанные ночью часы. На целых два часа я безмятежно забылся.

Проснувшись, я увидел перед собой Райха, глядящего в сторону реки. Я взглянул на часы и поспешно вскочил:

— Что же ты не разбудил меня?

Он задумчиво присел рядом. Я с нетерпением подчиненного спросил:

— Ну что, нашли поломку?

Райх взглянул на меня и не сразу ответил:

— Нет там поломки.

— Уже починили? — не понял я.

— Нет, ее просто не было.

— Уже лучше. А что же тогда случилось?

— Вот это-то и беспокоит меня. С машиной все в порядке.

— Не может быть! В таком случае, ты знаешь, где лежит та штука?

— Да — на той глубине, какую показал индикатор — две мили.

Я едва сдержал изумление — ну и дела!

— Две мили, — сказал я, — это глубже, чем основание холмов, то есть... нам придется копать до самых археозойских камней.

20 Около двадцати метров.

— А может, и нет, но я склонен с тобой согласиться.

— А коли мы не ошиблись с глубиной, значит, и с размерами этих камней не ошиблись — семьдесят футов высотой. Вот это булыжнички! Даже блоки в египетских пирамидах меньше размером.

Райх улыбнулся.

— Мой дорогой Остин, я полностью с тобой согласен — это невероятно, однако я проверил все контакты. Ошибка полностью исключена.

— Тогда выход один — запустить «Крота».

— Я уж подумал об этом, однако если речь действительно идет о двух милях, то «Крот» бесполезен.

— Почему?

— Начать с того, что он не приспособлен для бурения скал, а лишь для земли или глины. На такой глубине он обязательно столкнется с твердыми породами. Во-вторых, если даже и не будет скал, то его раздавит давление толщи земли — представь, это же все равно что погрузиться на две мили в море. Давление составит около тысячи фунтов на квадратный дюйм. А потом, с каждой милей вглубь земли температура увеличивается на сто градусов. Жарковато будет для электронного оборудования.

Тут только я осознал всю сложность проблемы. Если Райх прав, значит, нам нечего даже надеяться, что когда-нибудь удастся вытащить «объекты», которые наверняка являются осколками городской стены или храма. Вся наша современная технологическая мощь была не в состоянии справиться с температурой, давлением, да еще и неясно, как транспортировать гигантские камни с глубины двух миль.

Мы вернулись к зонду, продолжая обсуждать положение. Если зонд исправен — а Райх в этом не сомневался, — то он нам задал необычную археологическую задачку: как останки строений могли погрузиться на такую глубину? Может, в результате извержения целый пласт земли погрузился в бездну? В таком случае образовавшиеся пустоты должны быть заполнены водой и грязью... Грязь на глубине двух миль! Казалось, мы сходим с ума. Хотелось броситься к телефону и посоветоваться с коллегами, но удерживал страх: а вдруг это все-таки ошибка?

К пяти часам мы приготовили «Крота» к запуску — он стоял, уткнувшись носом в землю. Райх проверил дистанционное управление, нос «Крота», напоминающий огромную пулю, начал вращаться, зарываясь в толщу земли. Комочки грунта, вылетающие из-под носа, образовали небольшой холмик, который еще некоторое время дрожал после полного исчезновения «Крота»; затем все стихло.

Я подошел к экрану радара. В самом верху экрана мерцала яркая белая точка. Она двигалась вниз, но двигалась медленнее, чем минутная стрелка часов. Рядом был еще один экран, по которому расходились волнообразные линии, напоминавшие кольца табачного дыма. Иногда они делались тоньше или вовсе исчезали — это значило, что «Крот» наткнулся на скалу. Если ему попадались предметы толщиной более десяти футов, наш «разведчик» останавливался и проводил обзор их поверхности при помощи электронного лазера.

Через час белая точка добралась до середины экрана — это была глубина одна миля. Точка двигалась все медленнее. Райх включил зонд — вот на экране показался «Крот» на отметке «одна миля», а чуть глубже опять появились гигантские камни: зонд работал без ошибки.

Всеми овладело напряжение, рабочие тоже собрались вокруг экрана радара и не сводили с него глаз. Опасаясь повредить «Крота» лучом зонда, Райх выключил прибор. Да, мы рисковали дорогостоящим оборудованием, но что оставалось делать! Еще раз проверили и перепроверили зонд — информация оставалась прежней, невообразимых размеров плиты, довольно правильной формы, стояли, словно сдвинутые друг к другу. Нет, это не природные скалы.

В принципе не так уж была велика вероятность потерять «Крота». Его корпус был сделан из особой стали электронной закалки, которая выдерживала температуру до двух тысяч градусов; производители «Крота» считали, что он устоит, если даже попадет в поток вулканической лавы. Необычная прочность кожуха позволяла ему выдерживать давление в две с половиной тонны на квадратный дюйм, но на глубине двух миль «Крота» ожидает вдвое большее давление. К тому же его передатчик может отказать из-за высокой температуры, а кроме того всегда остается риск, что он выйдет из зоны дистанционного контроля или откажет его приемное устройство.

К половине девятого спустились сумерки, а «Крот» все еще преодолевал вторую половину пути — оставалось лишь полмили до цели. Мы отпустили рабочих по домам, но многие из них остались. Повар приготовил ужин из консервов — видимо, на большее он уже не был способен. Когда окончательно стемнело, мы сели вокруг экрана и под слабое жужжание радара следили за светящейся точкой. Иногда, казалось, точка замирала, но Райх, глаза которого были позорче моих, тут же разуверял меня.

В половине одиннадцатого ушли последние рабочие. Ветер крепчал, пришлось закутаться в целую дюжину одеял. Райх курил одну за одной, даже я выкурил пару сигарет. И вдруг жужжание прекратилось. Райх вскочил на ноги:

— Все, приехали.

— Ты уверен? — спросил я каркающим голосом.

— Абсолютно. Смотри — он сейчас прямо над плитами.

— Что теперь?

— Теперь включаем электронный обзор.

Он снова запустил установку, и мы прильнули к экрану. Сначала он был чист — лазерный луч настраивался на массивный твердый предмет. Райх подкрутил ручки, и начали появляться волнообразные линии, правда, теперь они были еще тоньше. Райх еще что-то подкрутил — линии начали сходитьсь, пока весь экран не покрылся затейливыми узорами из черно-белых полосок, словно по телевизору демонстрировались полосатые брюки. Внимательно приглядевшись, можно было различить среди полосок черные царапины — это были зазубрины на камнях. Я настолько вымотался за последние часы, что даже был не в силах выразить свой бурный восторг. Теперь сомнений не оставалось — точно такие же символы я не раз уже видел на базальтовых фигурках. Я узнал иероглифы, составлявшие имя Абхота Темного.

Мы сделали все, что смогли. Отсняв на пленку изображения на плитах, мы пошли в палатку Райха и связались по радио с Измиром, где находился Дарга. Райх разговаривал с ним минут пять. Он объяснил ситуацию, принес извинения за рискованную операцию с «Кротом» — как-никак, тот принадлежал турецкому правительству — и рассказал ему, что мы установили происхождение плит, принадлежавших культуре

«Великих Древних», о которых упоминается в одной из надписей на статуэтках.

Должно быть, Дарга был слегка навеселе: ему долго пришлось все объяснять, покуда он наконец сообразил. Он предложил связаться с Фуадом и вылететь к нам немедленно. Мы убедили его, что это ни к чему, поскольку сами собираемся спать. Тогда он предложил запустить «Крота» вокруг остальных плит, но Райх объяснил, что это невозможно: «Крот» не может двигаться вбок, только вниз-вверх. Чтобы изменить направление, его надо поднять футов на сто и снова опустить под другим углом, а на это уйдет несколько часов.

Наконец мы простились с Даргой и отключили связь. Несмотря на жуткую усталость, спать не хотелось. У повара нашлось все необходимое для кофе и, плюнув на все наше здравомыслие, мы сварили кофе и открыли бутылку бренди.

В ту ночь 21 апреля 1997 года я и рассказал Райху о происшедшем со мной накануне. Начал я с этой истории просто для того, чтобы отвлечь наши воспаленные рассудки от тех семидесятифутовых исполинов, что находились прямо под ногами, и мне это удалось, поскольку Райх, к моему удивлению, не нашел ничего странного в моем рассказе. В университете ему приходилось изучать психологию Юнга, и там он познакомился с идеей «родового бессознательного». Согласно этой теории, если такое бессознательное существует, то каждый индивидуум со своим мозгом не есть отдельный остров, а является частью гигантского континента сознания. Да, Райху знаний в психологии было не занимать. Он процитировал работу Олдоса Хаксли, которые экспериментировал с мескалином в сороковых годах и тоже пришел к выводу об устремлении сознания во внутреннюю бесконечность. Хаксли пошел даже дальше и говорил о сознании как о мире, подобном тому, в котором мы живем. Он представлял наше сознание в виде планеты со своими джунглями, пустынями и океанами. И эту планету, безусловно, населяют разные живые существа.

Тут я возразил. Наверняка слова Хаксли — всего лишь метафора, своего рода поэтическая вольность. «Обитатели» сознания — это наши идеи и воспоминания, но никак не чудища какие-нибудь.

— Откуда нам знать? — пожал плечами Райх.

— Конечно, мы не знаем, но это подсказывает здравый смысл. Я вспомнил переживания прошлой ночи и слегка засомневался в собственной правоте. Здравый смысл? А не точнее ли назвать его привычкой смотреть на человеческий разум лишь под одним углом — ведь считали же наши предки когда-то Землю центром вселенной. Мы говорим: «мой рассудок», словно «мой палисадник». Однако насколько мой палисадник является действительно «моим»? В нем обитает тьма червей и насекомых, которые даже не спрашивают моего разрешения жить там. И они будут там жить даже после моей смерти...

Удивительно, но это рассуждение подбодрило меня. Похоже, оно объяснило причину моей тревоги. Если личность — это только иллюзия, а наше сознание и в самом деле огромный океан, то почему бы в нем не обитать другим существам? Перед сном я пометил себе: «Заказать книгу Олдоса Хаксли «Небеса и Преисподняя». Ну, вот, мысли Райха приобретают практическое применение.

Минут через десять он окликнул меня из палатки:

— Знаешь, я думаю, Дарга не откажет нам в просьбе одолжить

оборудование для воздушной подушки. С ней мы сможем быстро передвигать зонд, тогда куда бы легче было, а?

Это же просто абсурд — как мы не смогли предвидеть все последствия нашего открытия! Конечно, мы ожидали произвести фурор в археологических кругах и совсем забыли о том, что случилось после открытия Картером гробницы Тутанхамона и древних свитков в пустыне Кумран у Мертвого моря. Археологи вечно забывают о средствах массовой информации и журналистской истерии.

В половине шестого, еще до прихода рабочих, нас разбудили Фуад и Дарга. С ними были четыре правительственных чиновника и чета американских кинозвезд, случайно оказавшаяся в этих местах. Райх собирался было выдворить нежданных гостей, но я напомнил ему, что турецкие чиновники находятся при исполнении своих обязанностей, чего, правда, нельзя было сказать о кинозвездах.

Для начала они захотели удостовериться, действительно ли плиты на глубине двух миль. Райх включил зонд и продемонстрировал им контуры «Плиты Абхота» — так мы окрестили ее — и «Крота», застывшего с ней рядом. Дарга засомневался насчет способности «Крота» зарываться на такую глубину. Райх терпеливо подошел к панели управления и включил его.

Результат оказался неожиданным: экран был пуст. Тогда Райх проверил рычаг движущей части — тщетно. Все стало ясно: давление или жара вывели «Крота» из строя.

Вот это удар! Правда, не такой серьезный — в конце концов, «Крот» — штука дорогая, но и его можно заменить. А Дарга и Фуад по-прежнему настаивали на проверке зонда — не было ли какой ошибки? Целое утро Райх демонстрировал им каждый участок электрической цепи, доказывая, что никаких сомнений по поводу глубины залегания объектов быть не может. Мы проявили снимки Плиты Абхота, сделанные с экрана радара, и сравнили их с клинописью на базальтовых фигурках. Сомнений не было — это иероглифы одной письменности.

Оставалось последнее доказательство: туннель, прорытый «Кротом». Надо сказать, мы не совсем представляли себе размеры каждой плиты. Вполне возможно, что зонд зафиксировал высоту стены или здания. Да, снимок с радара задал любопытную задачку, поскольку он был сделан с в е р х у, а это значит, что стена или чем бы она ни была лежит плашмя. Ни у одной цивилизации не было случаев написания иероглифов на Крыше или на верхнем торце стены.

Находка сбила с толку наших гостей. Если только это не игра природы, мы стали свидетелями величайшего открытия в археологии. До сих пор древнейшей из известных являлась цивилизация индейцев Мазма на плато Марказуази в Андах — ее возраст насчитывает девять тысяч лет. А если вспомнить результаты электронной датировки базальтовых фигурок, которые мы восприняли всерьез, то станет ясно, что мы обнаружили останки цивилизации, как минимум, в два раза старше, чем маркахуазинская.

Фуад и его коллеги остались с нами обедать и к двум часам улетели. Теперь мне передалось их возбуждение, хотя я терпеть не могу терять голову во время работы. Фуад пообещал прислать воздушную подушку в ближайшее время, однако напомнил, что это займет несколько дней. А пока что нам придется перетаскивать зонд самим, хотя теперь, когда мы можем рассчитывать на реальную поддержку правительства, было обидно

так напрягаться. В запасе оставался второй «Крот», но им рисковать не хотелось, поэтому мы засели в теньке под нижними воротами и попивали там лимонад.

Через полтора часа появился первый газетчик — корреспондент «Нью-Йорк Таймс» из Анкары. Райх вскипел. Он решил, что турецкое правительство хочет сделать себе рекламу, но, как оказалось потом, слух об открытии пошел от кинозвезд. Райх укрылся в палатке, предоставив мне развлекать журналиста, довольно приятного парня, который даже читал мою книгу о хеттах. Я показал ему снимки и объяснил принцип работы зонда. На вопрос, что случилось с «Кротом», я ответил: «Не знаю, скорее всего, на него напали троглодиты». Боюсь, я зря это сказал. Вторую ошибку я совершил, когда он спросил о размерах Плиты Абхота. Я объяснил, что речь идет не об одном камне, а об огромном памятнике в форме единого монумента, напоминающего древнюю ассирийскую пирамиду зиккурат. А если это единый монумент из нескольких камней, то мы имеем дело с цивилизацией гигантов.

К моему удивлению, он все принял за чистую монету и спросил, согласен ли я с теорией о том, что некогда Земля была населена великанами, которые погибли в результате катастрофы на Луне? Я ответил, что как ученый предпочитаю верить только очевидным фактам. Но теперь мы располагаем такими фактами, настаивал он. Об этом говорить пока рано, сказал я. Тогда он спросил, не считаю ли я, что эти гигантские камни могли двигать обычные люди, как это было при строительстве пирамид в Гизе или пирамиды в Теотиуакане, построенной тольтеками. Не чувствуя подвоха, я заметил ему, что самые крупные блоки пирамид Гизы весят по двенадцать тонн, а плита высотой в семьдесят футов потянет на тысячу тонн. Мы действительно до сих пор не знаем, как доставлялись блоки для пирамиды Хеопса или знаменитые мегалиты в Стоунхендже. Пожалуй, древние обладали куда большими знаниями, чем мы можем представить.

Не успел я закончить беседу с корреспондентом «Нью-Йорк Таймс», как в небе появились еще три вертолета — журналистского полку прибыло. К четырем часам Райх был вынужден покинуть палатку и продемонстрировать работу зонда, правда, без особой любезности. В шесть часов, охрипшие и жутко уставшие, мы удрали в Кадырли и заказали ужин в отеле. Портье был отдан строгий наказ — никаких телефонных звонков. Однако в девять часов к нам ворвался Фуад, размахивая номером «Нью-Йорк Таймс». Вся первая полоса была посвящена «Величайшему открытию века». В статье цитировались мои слова как безусловное заявление о том, что мы нашли город, построенный расой гигантов. В ней также был намек на то, что эти гиганты обладали магическими знаниями и могли передвигать тысячетонные блоки при помощи таинственного искусства, ныне утерянного. Один известный мой коллега высказывался в том смысле, что он давно считает — пирамиды Египта и древнего Перу нельзя было построить при помощи обычных инженерных средств, и теперь новая находка лишний раз подтверждает это. В центре страницы была опубликована статья известного писателя-археолога «Гиганты Атлантиды».

Я уверял Фуада, что ничего подобного не говорил — по крайней мере, в той форме, в какой преподносила это газета. Он обещал позвонить в редакцию и исправить неточности. Мечтая допить остатки бренди, я едва дополз до комнаты Райха, объяснив портье, что меня нет дома даже для

турецкого султана.

Теперь вы понимаете, почему мы не появлялись на раскопках целую неделю. Правительство выделило солдат для охраны оборудования, но у них не было приказа сдерживать визитеров на подступах к Черной Горе; в небе над Каратепом, словно мухи над вареньем, роились вертолеты. Впервые за всю историю Кадырли, все отели в городке были забиты до отказа. Нам с Райхом приходилось отсиживаться в номерах, иначе от маньяков и ловцов сенсаций отбою не было. В течение суток турецкие власти доставили воздушную подушку, но как ею воспользоваться? На следующий день Фонд Карнеги выделил нам два миллиона долларов на строительство туннеля, а Всемирный Финансовый Комитет добавил еще два миллиона. В конце концов, турки согласились обнести Черную Гору проволоочной оградой высотой в сорок футов, что и проделали при помощи Американского и Российского Фондов меньше, чем за неделю. Только после этого мы смогли вернуться к работе.

Разумеется, теперь все стало по-другому. Исчезли сонливые послеобеденные сиесты, не стало полуночной болтовни в палатке. Вокруг кургана расположились солдаты охраны. Знаменитые археологи всего мира докучали нам вопросами и советами. В небе звенели вертолеты, которые приходилось разгонять с помощью репродукторов, установленных на срочно построенной для этого башне — также помощь русско-американского содружества.

На раскопках начались активные работы. Группа инженеров установила зонд на воздушную подушку, так что теперь мы могли мгновенно преодолевать трудные участки раскопок. Турецкие власти дали еще двух «Кротов» с улучшенными параметрами. Теперь мы не знали отказа ни в деньгах, ни в оборудовании — какому археологу приснится такое!

За два дня мы сделали целый ряд ошеломляющих открытий. Вначале зонд обнаружил погребенный город, стены и дома которого расходились во всех направлениях на расстояние мили. Черная Гора — Каратеп находилась примерно над центром этого города. И это действительно был город гигантов. Оказалось, что «Плита Абхота» была вовсе не зданием или религиозным сооружением — она представляла собой всего лишь один из кирпичей, вырезанных из твердого базальта, пожалуй, самого крепкого вулканического базальта. Один из новых «Кротов» отколол кусок камня и поднял его на поверхность.

И все же какой-то злой рок преследовал нас. За двое суток мы расстались с одним из новых «Кротов» точно так же, как и с первым — на глубине двух миль он прекратил отзываться на сигналы. Через неделю таким же образом пропал третий «Крот» — прибор стоимостью в полмиллиона фунтов был похоронен в толще необъятного земляного океана. А потом произошла авария: оператор воздушной подушки по небрежности потерял управление и врезался в казарму, погибли восемнадцать солдат. Зонд, правда, уцелел, но пресса подняла шум, и газетчики не замедлили провести параллели с несчастными случаями, происшедшими после экспедиции Картера и Кэрнэровона в 1922 году — история с так называемым: «Проклятьем Тутанхамона». Один коллега, на чье благоразумие я так надеялся, сообщил газетам о моей теории выживания хеттов Каратепе за счет их магической репутации, и в прессе началась новая волна сенсаций. Тогда-то и прозвучало впервые имя

Г. Ф. Лавкрафта²¹. Как и большинство моих коллег, я никогда прежде не слышал о Лавкрафте — авторе сверхъестественных рассказов, умершем еще в 1937 году. После его смерти в Америке еще долго сохранялся «культ Лавкрафта» благодаря стараниям его лучшего друга, писателя Августа Дерлета. Именно Дерлет и написал Райху о том, что имя «Абхота Нечистого» упоминается в книге Лавкрафта о «Великих Древних».

Когда Райх показал мне это письмо, я принял его за мистификацию. Однако мы проверили по литературной энциклопедии и установили, что Дерлет действительно известный американский писатель, которому за восемьдесят. Про Лавкрафта в справочнике не было ни слова, но мы позвонили в библиотеку Британского Музея и узнали, что он на самом деле существовал и написал те книги, на которые ссылается Дерлет.

Одна фраза в письме Дерлета ошеломила меня. Признавая, что он не в силах объяснить, откуда Лавкрафту было известно про «Абхота Темного» — до 1937 года это имя не упоминалось ни в одной из работ по истории хеттов, — Дерлет добавлял: «Лавкрафт придавал огромное значение снам и всегда говорил, что в снах он черпает большинство своих сюжетов».

— Вот тебе еще одно подтверждение твоему родовому бессознательному, — сказал я Райху. Он заметил, что это, скорее всего, совпадение. В древнееврейской мифологии упоминается ангел разрушения Аббадон, а окончание «хот» означает: «египетский». В некоторых вавилонских табличках упоминается бог «Абаот», и, видимо, Лавкрафт знал об этих документах. Что же касается выражения «Великие Древние», то не так уж загадочно оно звучит из уст автора мистических рассказов. «Зачем к этому притягивать родовое бессознательное?» — спросил Райх и я вынужден был с ним согласиться.

Через несколько дней к этому разговору пришлось вернуться: от Дерлета прибыл пакет с книгами. Я открыл рассказ под названием «Тень времен» и тут же наткнулся на описание огромных каменных блоков, захороненных под австралийской пустыней. В ту же минуту Райх, сидевший в кресле напротив, вскрикнул и прочел вслух «Обитателя мрака знали также под именем Найогта». Буквально вчера мы сделали перевод одной из фраз на плите Абхота: «И приведут к Найогта по две лошади». Тогда я зачитал Райху то место из «Тени времен», где говорилось о подземных городах, построенных «из могучего базальта, с башнями без окон», в качестве строителей этих городов упоминалась «раса полуполипов».

Теперь сомнений не было: Лавкрафт непонятным образом предвидел наше открытие. Мы не стали тратить время на рассуждение по поводу того, как пришел к этому Лавкрафт — либо он заглядывал в будущее, как это описано у английского философа Данна в книге «Эксперименты со временем» и предвидел наши исследования, либо в своих снах он умудрился постичь секреты, захороненные в землях Малой Азии, — это уже к делу не относилось. Нас интересовало лишь одно — насколько произведения Лавкрафта были плодом выдумки автора, а насколько их можно считать результатом его «второго зрения».

Никогда не думал, что мы забросим свои археологические

21 Генри Филипп Лавкрафт (1890–1937) — американский писатель-фантаст. — Прим. перев.

обязанности и кинемся изучать труды писателя, который когда-то публиковался в дешевеньком журнальчике «Сверхъестественные истории». Мы старались держать наши поиски в секрете и давали всем понять, что заняты расшифровкой клинописи. Несколько дней мы сидели, запершись в комнате Райха и детально изучали книги Лавкрафта. Когда в комнату приносили еду, мы прятали книгу под подушку и обкладывались фотографиями иероглифов. Теперь-то мы были научены горьким опытом и знали, к чему приводят откровения с журналистами. Мы связались по телескрину с Дерлетом, дружелюбным учтивым джентльменом преклонных лет, которому удалось сохранить густую седую шевелюру, и попросили его никому не сообщать об его открытии. Он с готовностью согласился, но предупредил, что в мире еще полно поклонников Лавкрафта, и нет никакой гарантии, что они не наткнутся на то же самое открытие.

Что ни говори, а изучение Лавкрафта оказалось довольно интересным и приятным делом — в воображении этому писателю не откажешь. Просматривая книги в хронологическом порядке, мы заметили, как постепенно менялась его точка зрения. В ранних рассказах действие происходит в выдуманном графстве Аркхэм среди необжитых холмов и зловещих долин Новой Англии. Населяют эти места лишь злобные дегенераты, которые не прочь посотрудничать с нечистой силой или предаться тайному разврату. Разумеется, большинство из них погибают в конце концов от насильственной смерти. Со временем тон произведений Лавкрафта меняется — чувство леденящего ужаса в них исчезает, и появляется трепетное благоговение. Все больше в его рассказах уделяется место визионерских прозрениям и сквозь глубь веков, описаниям городов, населенных великанами повествуется о битвах между монстрами и сверхлюдьми. Одна ко он не забывал и о рассказах-ужасах — конъюнктуру книжного рынка он знал неплохо, и я не ошибусь, если назову его одним из создателей научной фантастики.

Нас, конечно, больше интересовал его поздний «научно-фантастический» период (хотя упоминания об «Абхоте Нечистом» встречаются и в ранних рассказах Лавкрафта), и особенно вш чатляют его «циклопические города», населенные Великими Древними (не путать с полипами, которых они сменили) — уж больно похожи они на наш подземный город. Лавкрафт пишет что тамошние дома не имели лестниц, вместо них — наклонные скаты, потому что жители представляли собою огромных конусообразных существ с щупальцами; в основании конус был «окаймлен серой резиноподобной субстанцией, которая постоянно сжималась и расширялась, продвигая таким образом тело вперед». Показания зонда подтвердили, что в городе под Черной Горой, тоже нет лестниц, а вместо них — наклонные плоскости таких размеров, что вполне заслуживают определения «циклопические».

Итак, наш подземный город породил совершенно новую для археологии проблему. Разве можно сравнить ее с теми трудностями, которые выпали Лэйарду во время раскопок гигантского кургана в Нимруде! По расчетам Райха, нам придется извлечь сорок миллиардов тонн грунта, если мы хотим увидеть руины города при свете дня — задача абсолютно неразрешимая. Оставался другой вариант: прорыть несколько широких туннелей до самого города, а в конце соединить их в огромную залу, именно несколько туннелей, иначе создавать подземную полость очень рискованно: нам пока неизвестен металл, способный выдержать

давление слоя земли толщиной в две мили. Этот проект не позволял увидеть город целиком, но при помощи зонда мы могли определить, из-за какой части города стоило особенно повозиться. Даже при постройке одного туннеля придется поднять сто тысяч тонн грунта, но на это наших возможностей хватало.

Стоило газетчикам пронюхать о пророчествах Лавкрафта, как прессу заштормило на целую неделю — после открытия города это была вторая крупная сенсация. Газеты просто свихнулись — после болтовни о великанах, колдунах и темных богах это было как раз то что надо. Пришел праздник на улицу — археологов, ненормальных поклонников пирамид и толкователей теории всемирного оледенения. Затем подошла очередь спиритуалистов, оккультистов и прочих. Кто-то написал статью, доказывая, что Лавкрафт заимствовал свою мифологию у мадам Блаватской. Еще кто-то заявил, что все его истории стоит рассматривать как часть каббалистической традиции. Внезапно Лавкрафт сделался самым популярным писателем в мире — миллионные тиражи его книг продавались в переводах на все языки. А среди тех, кто прочел эти книги, стали высказываться опасения, что мы, дескать, можем потревожить «Великих Древних» в их гробницах и вызовем этим страшную катастрофу, мастерски описанную Лавкрафтом в рассказе «Зов Чулху».

Город, о котором говорится в «Тени времен», не имел названия, но в одной из ранних новелл Лавкрафта он упоминается как «неведомый Кадат». С легкой руки одного газетчика это название «Кадат» так и осталось за нашим подземным городом. Почти тут же в Нью-Йорке объявился какой-то сумасшедший по имени Дэлглейш Фуллер, основавший «Антикадатовское общество», которое ставило целью защитить Кадат от раскопок и не допустить пробуждения «Великих Древних». Можете представить, какие это были безумные времена: сразу же после основания в это общество вошли полмиллиона членов, и в считанные дни их число увеличилось до трех миллионов. Они провозгласили свой девиз: «Прошное должно быть забыто — здравый смысл лишь в будущем». Они закупили все рекламное время на телевидении и наняли известных психологов, обвиевших предсказания Лавкрафта очевидными примерами экстрасенсорного восприятия будущего, нечто подобное вполне убедительно продемонстрировали Райн и его коллеги из Университета Дьюка. Если верить пророчествам Лавкрафта, то пробуждение Великих Древних означает конец рода человеческого. Дэлглейш Фуллер был, разумеется, маньяком, но с недюжинными организаторскими способностями. Он арендовал огромный участок земли в пяти милях от Черной Горы и основал там палаточный городок. Своих последователей Фуллер призвал проводить там отпуска и чинить всяческие препятствия раскопкам. Хозяин участка, местный фермер, с удовольствием клюнул на гигантскую сумму, предложенную за аренду, а турецкое правительство ничего не успело предпринять. У Фуллера была целая программа развлечений для свихнувшихся богатых дамочек, жертвующих на нужды общества. С утра они носились над курганом на вертолетах, украшенных антикадатовскими лозунгами, а к вечеру с вертолетов сбрасывались груды мусора на нашу площадку, так что по утрам мы тратили несколько часов, очищая территорию от гнилых овощей, фруктов и от пустых консервных банок. Два раза в день эти ненормальные подходили маршем протеста к проволоочной ограде — иногда в их колонне бывало до тысячи человек. Лишь через шесть недель

ООН оказалась в состоянии послать войска для наведения порядка. А до этого Фуллер успел завербовать в свою партию пятерых сенаторов США, и они выдвинули билль о запрещении дальнейших раскопок в Каратепе. Объясняли они это, разумеется, не своими бреднями, а глубоким почтением к давно погибшей цивилизации. Имеем ли мы право, вопрошали они, беспокоить ушедших в Лету народов? Слава Богу, сенат большинством голосов забаллотировал этот билль.

А когда Антикадатовское Общество, как казалось, потеряло влияние из-за своих скандальных акций, возник новый импульс развития движения — появилась публикация исследований Станислава Пержинского и Мирзы Дина. Об этих двоих известно лишь то, что Пержинский был поляком, а Мирза Дин — персом. Оба скончались от душевных болезней еще в десятых годах двадцатого века. О Пержинском было чуть больше сведений — известно, что он был внуком русского поэта Надсона и в свое время редактировал сборник мистических рассказов графа Потоцкого. В 1898 году он опубликовал занятную книгу, где предупреждал, что человеческий род будет покорен монстрами из потустороннего мира, которые выстроили огромные города под землей еще в незапамятные времена. Через год автор попал в психушку. Среди его бумаг найдены загадочные наброски, вполне подошедшие бы в качестве иллюстраций к рассказам Лавкрафта о Кадате — то были гигантские архитектурные сооружения с наклонными скатами и высокими башнями по углам. Все это опубликовали антикадатовцы.

С Мирзой Дином дела обстояли не так ясно. Он тоже был автором апокалиптических видений, которые изредка попадали в печать, и также провел последние пять лет жизни в сумасшедшем доме. Все эти годы он писал письма членам правительства Персии, предупреждая их о том, что раса монстров замышляет покорить землю. Своих монстров Мирза Дин разместил где-то в джунглях Центральной Африки, по его описанию, это гигантские слизняки, которые выделяют вязкие экскременты, застывающие в камень, а затем строят из них огромные города.

Большинство писем Мирзы были уничтожены, однако те немногие, что сохранились, демонстрируют удивительное сходство по стилю с письмами Пержинского, а его слизняки настолько похожи на конусы Лавкрафта, что сомнений не оставалось: все трое описывали одно и то же видение Великих Древних и их городов.

После вмешательства правительства и окончания работ в первом туннеле деятельность Антикадатовского Общества сошла на нет, однако в течение восемнадцати месяцев им еще удавалось поддерживать незатухающий скандал вокруг раскопок. Сам же Дэлглейш Фуллер погиб от рук одной из своих поклонниц при загадочных обстоятельствах²².

Первый туннель бы завершен ровно через год после открытия Плиты Абхота. Прокладывали этот туннель итальянцы, они использовали гигантского «Крота», уже испытанного при строительстве туннеля между Сциллой и Мессиной (в Сицилии), а позднее — в туннеле между Отранто и Лингуэттой в Албании. Сам процесс прокладки занял лишь несколько дней, главной задачей было защитить нижнюю часть туннеля от обвалов.

Как мы и предполагали, найденная плита оказалась весьма

22 См.: Даниел Атерстон. «Дэлглейш Фуллер, исследование фанатизма», Нью-Йорк, 2100. — Прим. авт.

внушительных размеров — шестьдесят футов в высоту, тридцать футов в ширину и длиной в девяносто футов. Она была вытесана из цельного куска вулканического базальта. Теперь мы не сомневались, что имеем дело с цивилизацией велканов или магов. После того, как мы нашли маленькие базальтовые фигурки, я считал версию о великанах чушью. (Лишь через десять лет, после драматических открытий Мерсера в Танзании мы узнали, что в гигантских городах жили и люди и великаны, причем, великаны, похоже, были рабами людей!)

Вопрос о точной датировке камней оставался пока открытым. Лавкрафт писал, что «Великие Древние» жили сто пятьдесят миллионов лет назад, и многие поддерживали эту невероятную гипотезу. Нейтронная датировка Райха показала возраст руин менее двух миллионов лет, хотя и эта цифра могла быть завышенной. Установить истину было трудно еще и потому, что обычно археологи поднимают пласты земли по очереди, и они представляют собой готовые календари. Но во всех трех случаях с гигантскими городами на этот способ положиться было трудно. Все, что мы могли с уверенностью сказать о них это то, что они уничтожены потоком и похоронены под тысячефутовым слоем грязи. У геологов слово «потоп» тут же ассоциируется со словом «плейстоцен» — то есть, около миллиона лет назад. Однако на приисках в Квинследне были обнаружены следы грызуна, обитавшего еще в эпоху плиоцена — это еще плюс пять миллионов лет.

Впрочем, все это уже не относится к моей истории. Еще задолго до окончания работ на первом туннеле я потерял всякий интерес к раскопкам в Каратепе. До меня дошло, наконец, что они были для моего мозга лишь ловушкой, которую умышленно подстроили паразиты сознания.

Вот как развивались события дальше.

К концу июля 1997 года я был окончательно измотан. На раскопках соорудили огромный зонт, в тени которого температура падала до шестидесяти градусов, но даже с ним Каратеп был непереносим. Мусор, разбросанный фуллеровскими подручными, загнивал, всюду стояла вонь, как на болоте, а дезинфектанты, которыми мы опрыскивали кучи, лишь ухудшали ситуацию. Дул сухой песчаный ветер. Целыми днями мы цедили ледяной шербет с розовыми лепестками и валялись в бараках с кондиционерами. В июле у меня начались невыносимые головные боли. Я слетал на пару дней в Шотландию, отлежался там, затем вернулся на работу, но через неделю свалился в лихорадке. Назойливые газетчики и придурки-антикадатовцы настолько допекли меня, что пришлось вернуться в Диярбакыр. Там, на территории Англо-Индийской Урановой Компании, было тихо и прохладно, а охрана не церемонилась с незваными гостями. Меня дожидались пачки писем и несколько огромных пакетов, но в первые два дня я не прикасался к ним, а лишь отлеживался в постели и наслаждался пластинками с операми Моцарта. Лихорадка постепенно отступила. На третий день я почувствовал себя лучше и взялся за письма.

Одно из них было из «Стандарт Моторз энд Инжиниринг», где сообщалось, что они выслали по моей просьбе большинство бумаг Карела Вайсмана в Диярбакыр. Теперь понятно, откуда взялись огромные пакеты. В другом письме издательство Северо-Западного Университета спрашивало, позволю ли я опубликовать работы Карела по психологии у них.

Все это было так утомительно. Я отправил это письмо в Лондон

Бомгарту и вернулся к Моцарту. На следующий день у меня проснулась совесть — пришлось разобрать остальную почту. Тут я наткнулся на письмо Карла Зейделя, сожителя Бомгарта — тот был гомосексуалистом, — где сообщалось, что Бомгарт после нервного срыва уехал к родным в Германию.

Значит, теперь судьба бумаг Карела в моих руках. Что же, с огромной неохотой я решился вскрыть первый из пактов. В нем было около сорока фунтов весу, и содержал он лишь результаты тестирования сотни рабочих на то, как они реагируют на цветовые изменения. Я содрогнулся и вернулся к «Волшебной флейте».

В тот же вечер ко мне пожаловал молодой сотрудник компании, перс, — мы с ним были в приятельских отношениях — принес бутылку вина. Мне было тоскливо и чертовски хотелось поболтать. Я терпеть не мог разговоров на тему раскопок, но гут я с удовольствием принялся рассказывать о «маленьких секретах» нашей работы. Когда он собрался уходить, то спросил, увидев пакеты, не относятся ли они тоже к раскопкам. Я поведал ему историю Вайсмана и признался, что даже мысль о том, что эти пакеты надо разбирать, вгоняет меня в тоску, граничащую с физической болью. Тогда он очень вежливо предложил свои услуги — ему не составит труда вскрыть их и, если там обычные результаты тестов, то он отдаст распоряжение секретарю отослать их прямо в Северо-Западный Университет. Я понял, что парень хочет отплатить мне за интересный вечер, и с удовольствием согласился.

Утром, едва я закончил принимать ванну, как он уже закончил работу. Так и есть — в пяти из шести пакетов находились рабочие записи. В шестом же, как выразился мой помощник, было что-то «очень философское», и, должно быть, мне самому стоит взглянуть на эти бумаги. Он вышел, тут же вошел его секретарь и утащил из моей гостиной огромную кучу пожелтевших страниц.

В комнате остались несколько чистеньких голубых папок с аккуратно прошитыми страницами машинописного текста. На каждой папке наклеен кусочек бумаги с названием, написанным от руки: «Исторические размышления», а сами папки были запечатаны липкой лентой — я догадался, что их никто не трогал со дня смерти Карела. Непонятно, как же Бомгарт мог ошибиться и отослать их в «Дженерал Моторз». Видимо, он отложил папки для меня и случайно упаковал их вместе с рабочими записями.

Номеров на папках не было. Я открыл первую попавшуюся, быстро пролистал ее и понял, что эти «Исторические размышления» касаются последних двух столетий — вот уж этот период никогда не занимал меня. Я уже собрался тоже отослать их в университет, но совесть удержала. Захватив с собой полдюжины голубых папок, я завалился в кровать.

На этот раз я по случайности попал на верное место. Первая же выбранная фраза гласила: «За последние месяцы я убедился, что человеческая раса подверглась нападению со стороны своеобразного рака мозга».

Захватывающе! Прекрасное начало для сборника работ Карела... Рак мозга — вот имя всем этим неврозам, отвращению к жизни и прочим душевным недугам двадцатого века... Я даже не пытался воспринимать это слово буквально. Ладно, что там дальше — загадочная проблема роста уровня самоубийств... высокая детская смертность в современных семьях... постоянный страх перед атомной войной, рост наркомании. Все

это давно известно — я зевнул и перевернул страницу.

Через несколько минут я начал читать повнимательней, но не потому, что Карел поразил меня каким-то откровением, нет — мне вдруг почудилось, что он сошел с ума. В свое время я читал книги Чарльза Форта²³ про все эти истории с великанами, феями и дрейфующими континентами. Но у Форта в смеси смысла и бессмыслицы всегда присутствует толика здравого юмора. Идеи же Карела Вайсмана были столь же сумасшедшими, как и фортовские, но преподносились самым серьезным образом. Либо он решил податься в клан ученых-эксцентриков, либо он был безумен. Учитывая его самоубийство, я был склонен принять второй вариант.

Я читал дальше с болезненным интересом. После первых двух страниц он больше не упоминал о «раке мозга» и пустился в рассуждение о культуре последних двух веков. Тут он приводил тщательно выверенные аргументы и излагал их в блестящей литературной форме. Были там и воспоминания о наших долгих беседах в Уппсала.

Прошло полдня, а я все читал, читал и к часу дня я понял, что столкнулся с чем-то значительным, и этот день, возможно, мне придется вспоминать всю оставшуюся жизнь. Был ли Карел сумасшедшим или нет — и то и другое доказать было непросто. Хотелось верить, что был. Но чем дальше я читал, тем больше исчезала моя уверенность в этом. И прочитанное подействовало на меня так сильно, что я нарушил многолетнюю привычку и распил вместо обеда бутылку шампанского, закусив лишь сэндвичем по-турецки. Однако после шампанского я еще больше пал духом. К вечеру передо мной стала разворачиваться страшная картина, от которой мозг готов был разорваться на куски. Пели Карел Вайсман не сумасшедший, то человечество столкнулось с самой страшной за всю историю опасностью.

Подробно объяснить путь Карела Вайсмана к его «философии истории» невозможно²⁴ — похоже, он шел к ней всю жизнь. Я лишь попытаюсь выделить основные положения из «Исторических размышлений».

Вайсман называет самым замечательным даром человечества способность самовосстановления или, другими словами, творчества. Простейшим примером такого самовосстановления можно назвать сон. Уставший человек зажат в тиски между смертью и помешательством. Кстати, Вайсман приводит очень любопытную аналогию помешательства со сном. Разумный человек — это полностью пробудившийся человек. Чем больше он устает, тем труднее ему освободиться от снов и заблуждений, жизнь его становится все более хаотичной.

Вайсман восхищается тем, насколько сильной потенцией к самовосстановлению обладал человек в период между Ренессансом и восемнадцатым столетием. Несмотря на все зверства и ужасы мировой истории, человек той поры умудрялся быстро забывать о них, как усталый от игр ребенок забывает после сна о своей усталости. Елизаветинский период Англии считается золотым веком расцвета искусств, однако

23 Чарльз Хой Форт (1874-1932) — американский писатель, собиратель необъяснимых явлений — Прим. перев.

24 Подробнее об этом см в трехтомнике Макса Вайбича «Философия Карела Вайсмана», Северо-Западный Университет, 2015. — Прим. авт.

всякий, кто тщательно изучал ту эпоху, приходил в ужас от царивших в обществе грубости и бессердечия. Людей зверски пытали и сжигали на кострах, евреям отрубали уши, детей забивали до смерти или гноили в смрадных трущобах. И тем не менее, столь неистощим был оптимизм человека, что весь этот хаос лишь стимулировал его к созданию истинных шедевров. Одна великая эпоха сменяла другую: эпоха Леонардо, эпоха Рабле, эпоха Чосера, Шекспира, Ньютона, Джонсона, Моцарта... Воистину, лишь тот вправе носить имя творца, кто в силах преодолеть любое препятствие.

А потом с человечеством вдруг происходят необъяснимые перемены. Случилось это в конце восемнадцатого века. Искрометное и неистощимое творчество Моцарта внезапно сменяется жестокостью и кошмарами Де Сада. Неожиданно мы погрузились в эпоху мрака, в эпоху, когда гении перестали творить с богоравной легкостью. Напротив — теперь процесс творчества стал больше напоминать битву с невидимым спрутом, который все сильнее сжимает их своими щупальцами. Начался век самоубийств. А ведь и впрямь, современная история начинается с эпохи разочарований и неврозов.

Но почему все началось так внезапно? Может, виновата промышленная революция? Но ведь она случилась не в одну ночь, да и не по всей Европе сразу, — она по-прежнему оставалась краем лесов и ферм. Как объяснить, спрашивает Вайсман, огромную разницу между гениями восемнадцатого века и века девятнадцатого? Складывается такое впечатление, что на границе этих столетий с человечеством произошел какой-то невидимый катаклизм. Только ли промышленной революцией можно объяснить полное несходство между Моцартом и Бетховеном, которые был моложе Моцарта на какие-нибудь четырнадцать лет? Шпенглер писал, что цивилизации развиваются подобно растениям, но у нас произошел внезапный скачок от юности к старости. Все наше искусство — музыка, живопись, литература — впало в безграничный пессимизм. Мало сказать, что человечество постарело — похоже, оно потеряло способность к самовосстановлению. Вспомните, кто из великих восемнадцатого века покончил с собой? А ведь жизнь тогда была куда тяжелее, чем в девятнадцатом столетии. Новый человек потерял веру в жизнь, веру в знания, он вполне согласен с Фаустом, сказавшим, что когда все сказано и сделано, то знаний не остается.

И дальше Карел Вайсман пишет уже не как историк, а как психолог, именно психолог, изучавший по долгу службы психологию на производстве. Вот что он писал в «Исторических размышлениях»:

«В 1990 году я начал заниматься индустриальной психологией в качестве ассистента профессора Амеша во «Всемирной Косметической Корпорации». Там я сразу столкнулся с кошмарной, но и любопытной ситуацией. Я и до этого знал о том, какой серьезной проблемой являются так называемые «промышленные неврозы», и о том, что специальным индустриальным судам приходится разбирать дела преступников, которые ломают оборудование, убивают или калечат своих товарищей по работе. Однако немногие представляют себе истинные масштабы проблемы. Оказывается, уровень убийств среди рабочих крупных предприятий в два раза выше, чем среди остальных групп населения. За год на одной сигаретной фабрике в Америке были убиты восемь мастеров и двое высокопоставленных служащих, причем в семи случаях убийцы тут

же покончили с собой.

«Исландская Пластиковая Корпорация » решила провести эксперимент и построила фабрику «на открытом воздухе» — ее помещения раскинулись на огромной территории, чтобы в цехах не страдали от скученности и ограниченности пространства. Вместо стен между цехами установили силовые поля. Поначалу результаты оказались головокружительными, но через два года уровень преступности и нервных заболеваний сравнялся с общим уровнем по стране.

В газеты эти сведения не попали. Психологи предупредили, — и совершенно справедливо, — что публикации на эту тему лишь ухудшают ситуацию. Они объяснили, что легче заниматься каждым больным в отдельности, подобно тому, как на пожаре стараются изолировать каждый источник огня.

Чем больше я изучал эту проблему, тем больше осознавал, насколько мы еще далеки от понимания ее причин. Как признался доктор Амеш в первые дни моей работы, мои коллеги по-настоящему подавлены сложившейся ситуацией. Попробуй найди корень проблемы, когда их целый комплект — демографический взрыв, перенаселенность городов, ощущение собственной незначительности и социального вакуума, недостаток приключений в современной жизни, упадок религии... и так далее. По его мнению, улучшение производственных условий идет совсем не по тому пути. Тратятся огромные деньги на психиатров, на переоборудование рабочих мест — словом, на то, чтобы рабочие еще больше ощущали себя пациентами. А поскольку с самого начала была допущена ошибка, то вряд ли стоит ожидать каких-либо перемен.

И тогда я обратился за ответом к истории. А когда я его нашел, то окончательно пал духом: по логике истории, все оказывалось неизбежным. Цивилизация с огромным трудом поднималась на вершину своего развития и теперь кубарем скатывается вниз. Но в эту схему не вписывалась одна деталь: способность человека к самовосстановлению, и потому, как бы ни тяжела была жизнь Моцарта, он так и не переступил грань самоубийства.

Так что же уничтожило способность человека к самовосстановлению?

Трудно объяснить, как я догадался, что на этот вопрос есть только один ответ, видимо, он созрел во мне не один год. Подобно главе фирмы, который догадывается о махинациях своего бухгалтера, но доказать этого не может, я стал постепенно понимать, что уровень индустриальных преступлений не вписывается в рамки так называемых «исторических причин».

И вот в один прекрасный день я задумался о существовании мозговых вампиров. С этого момента все известные мне факты стали выстраиваться в один ряд и подтверждать мои подозрения.

Началось это в то время, когда я изучал влияние мескалина и ЛСД на лечение производственных неврозов. В принципе эффект этих наркотиков мало отличается от эффекта алкоголя и никотина — они как бы растормаживают человека. Обычно человек монотонного труда находится в постоянном напряжении, и по собственной воле ему от этого напряжения не избавиться, поэтому стакан виски или сигарета помогают ему расслабиться на моторном уровне.

Однако кроме перегрузок на работе у человека есть и более укоренившиеся привычки. В процессе выживания за миллионы лет

эволюции человечество развило в себе целый ряд таких привычек, и как только какая-то из них выходит из-под контроля, результатом становится душевная болезнь. Например: у каждого человека есть привычка быть начеку в ожидании врага, но как только она начинает доминировать над остальными привычками, дело заканчивается паранойей.

Особенно укоренилась у нас привычка помнить о трудностях и опасностях окружающего мира, поэтому мы с этого мира не спускаем глаз, вместо того, чтобы покопаться в самих себе. Человек не замечает прекрасного, помня лишь о насущных проблемах. Все эти привычки сидят в нас настолько глубоко, что ни сигареты, ни алкоголь с ними не справляются. А вот мескалин может справиться. Он воздействует на самые глубокие атавистические уровни и высвобождает человека из-под механического напряжения, которое удерживает его в плену у собственной скуки и обыденности окружающего мира.

Признаюсь, я чуть было не записал эти атавистические привычки в виновники роста самоубийств и производственных преступлений. Человек обязан научиться расслабляться, иначе он может перевозбудиться и стать опасным для окружающих. Он должен найти контакт с глубинными уровнями своего мозга и с их помощью подпитывать свое сознание. Во почему я решил, что наркотики из группы мескалина дадут решение проблемы.

В индустриальной психологии обычно стараются не пользоваться этими наркотиками по одной простой причине: мескалин расслабляет человека до такой степени, что говорить о его работе просто бессмысленно. Он желает лишь созерцать красоту мира и тайны собственного сознания.

Впрочем, до таких пределов доводить вовсе не обязательно. Небольшая доза мескалина может высвободить творческие силы человека, не вводя его в оцепенение. Кстати, две тысячи лет назад наши предки почти не различали цветов, поскольку подсознательно игнорировали их. Жизнь была настолько трудной и опасной, что им было не до красок. Современный человек, лишись он заново этой способности, не смог бы двигаться и просто не выжил бы.

И я решился на серию опытов с мескалином. Однако первые же результаты оказались настолько шокирующими, что мне тут же пришлось расстаться с работой во «Всемирной Косметической Корпорации»: пятеро из десяти испытуемых покончили с собой в считанные дни. Еще двое попали в психиатрическую клинику.

Это абсолютно выбило меня из колеи — я же сам опробовал мескалин на себе еще в университете, правда, тогда мне эти опыты показались не особенно интересными. Просто ловить кайф от мескалина приятно, при условии, если тебе нечего дергать. Мне же больше нравилось работать.

После этого я решил повторить студенческий эксперимент и принял полграмма мескалина. Результат был настолько ужасным, что я до сих пор покрываюсь потом, стоит мне вспомнить о нем.

Поначалу все было вполне приятно — вокруг поднимаются и вращаются световые пятна. Затем — безмерное ощущение мира и спокойствия, словно ты попал в буддистскую нирвану. Ты благодушно созерцаешь вселенную, которая распадется и вновь собирается на твоих глазах. Примерно через час я оторвался ото всего и уже не искал причин самоубийств. Я старался направить свой взгляд внутрь себя,

зафиксировать свои эмоции и ощущения, но ничего не получалось. Выходило так, словно я заглядываю в телескоп, а с той стороны его закрывает чья-то рука. Все попытки Заглянуть в себя провалились. Я напрягся и попробовал пробиться сквозь стену мрака. И вдруг я ощутил, как передо мной мелькнуло что-то живое и чужое. Я не говорю, что это произошло перед моим лицом — все происходило на уровне «чувств». Но это было настолько реально, что на мгновение я едва не лишился рассудка от страха. Видя реальную опасность, мы можем убежать от нее, но куда побежишь, если опасность внутри тебя?

Целую неделю после этого меня преследовал панический ужас, никогда в жизни я не был так близко к помешательству от страха. Несмотря на то, что я вернулся в привычный физический мир, я не чувствовал себя в безопасности. Я прятался, словно страус, зарывший голову в песок, за повседневную реальность, в которой как бы не существовало никакой угрозы.

К счастью, я был в то время без работы, иначе пришлось бы еще тяжелей. А спустя неделю я подумал: чего же я боюсь, в конце-то концов, если никакого вреда это мне приносит? Эта мысль взбодрила меня. После этого «Стандарт Моторз энд Инжиниринг» предложила мне пост главы медицинского отдела фирмы. Я согласился и с готовностью включился в гигантскую по объему и сложности работу. Долгое время после этого мне было не до экспериментов, стоило мне только вспомнить об опытах с мескалином, как тут же возникало глубокое отвращение к ним.

Наконец полгода назад я вернулся к этой проблеме, правда, подошел я к ней уже с другой стороны. Мой друг Руперт Хэрдон из Принстонского университета рассказал как-то об удачных экспериментах по вылечиванию преступников на сексуальной почве при помощи ЛСД. Он долго объяснял свои теории, часто применяя термины из Гуссерля. И тут я понял, что феноменология — это лишь еще одно название типа самосозерцания, которого я добивался при помощи мескалина, а слова Гуссерля о «вскрытии структуры сознания» означают проникновение в ту самую сферу ментальных привычек, о которой я говорил ранее. В век, когда человек нанес на карту всю топографию Земли, писал Гуссерль, у нас до сих пор нет атласа нашего ментального мира.

После чтения Гуссерля я оживился. Опыты с мескалином повторять по-прежнему не тянуло, впрочем, это было ни к чему: феноменология начинает проявляться и в обыденном сознании. Итак, я занялся описанием внутреннего мира человека и географией его сознания. Почти одновременно с этим я почувствовал, как моим исследованиям начали сопротивляться определенные внутренние силы — стоило задуматься над проблемой, как на меня обрушивались головные боли и тошнота. Каждое утро я просыпался и чувствовал глубокую депрессию. Я был неплохим математиком на любительском уровне и хорошим шахматистом, и вскоре заметил: когда начинаю думать об уравнениях и шахматных партиях — самочувствие улучшается, но стоит вспомнить о проблемах мозга, как депрессия тут же возвращается.

Я приходил в ярость от собственной слабости. Во что бы то ни стало я решил преодолеть это состояние. У администрации я выпросил два месяца отпуска и предупредил жену, что у меня неважно со здоровьем. С этого момента я сосредоточился только на проблемах феноменологии.

Все шло так, как я и предполагал: первые дни я чувствовал себя усталым и разбитым, затем начались головные боли и нервные срывы.

Тошнота выворачивала желудок наизнанку, не позволяя задерживаться там ни крошке пищи. Я залег в постель и пытался исследовать собственную болезнь аналитическим методом Гуссерля. Жена не понимала, что со мной происходит, ее тревога росла день ото дня. Слава Богу, у нас нет детей, иначе пришлось бы капитулировать.

Через две недели я настолько ослаб, что едва мог проглотить чайную ложку молока. С нечеловеческими усилиями я продолжал сражаться, стараясь достичь своих глубинных инстинктивных уровней. Теперь-то я знал, кто мои враги. Они окружали меня, словно акулы погрузившегося на дно пловца. Кончено, я не мог их «видеть» в обычном смысле этого слова, но чувствовал их присутствие настолько явно, как можно чувствовать зубную боль. Они обитали там, на глубине неизученного уровня моего бытия.

И вот, едва сдерживаясь, чтобы не закричать от ужаса, какой охватывает человека перед лицом неизбежной гибели, я вдруг понял, что в этот момент я победил их. Мои собственные глубинные жизненные силы сплотились против них.

Невиданная энергия проснулась во мне — никогда не думал, что обладаю ею — и встала на дыбы, словно великан. Они почувствовали, что я сильнее, и им пришлось отступить. Их было немало, может быть, тысячи, но они были бессильны против меня.

А вслед за ощущением этой могучей обжигающей силы ко мне пришло внезапное просветление. Все сделалось ясным: я знал обо всем. Теперь понятно, почему они так скрывали свое существование: у человека достаточно сил, чтобы уничтожить их, но до тех пор, пока он не знает о них, они, словно вампиры, могут кормиться за счет человека, высасывая его энергию.

Когда жена зашла в спальню и застала меня хохочущим, словно безумный, она решила, что я свихнулся. Потом она поняла, что это был смех здорового человека.

Я попросил принести мыла, и вот, впервые за двое суток, я снова на ногах, снова здоров, даже здоровее, чем был прежде. Почувствовав невыразимую эйфорию от своего открытия, я вообще забыл о вампирах мозга. И совсем напрасно — у них было явное преимущество: они знали мой мозг куда лучше меня. Если я расслаблюсь — они уничтожат меня.

И все-таки на какой-то период я был в безопасности. Через день, почувствовав новую атаку изнуряющей депрессии я снова обратился к своим скрытым силам, к оптимистическому взгляду на будущее рода человеческого. Атака тут же прекратилась, и я снова рассмеялся. Позднее я полностью овладел этим методом обороны смехом, используя его при всякой стычке с паразитами.

Суть моего открытия был настолько фантастической, что постичь ее мог лишь человек подготовленный. И слава Богу, что к этому открытию я не пришел шесть лет назад, работая в «Косметической Корпорации». Мой мозг медленно и неосознанно готовился к этому все последние годы, и теперь я окончательно убедился, что это не было простым везением. Теперь я знал о существовании могущественной силы, служащей человеку, правда, я пока не понимал ее происхождения.

(Я особо выделил для себя последнее предложение: в нем было нечто такое, о чем я сам догадывался уже давно.)

На чем же я основывал свою догадку? Человеческий мозг уже более двух столетий является добычей энергетических вампиров. Порой они полностью овладевают чьим-то мозгом и используют его в своих целях. К примеру, я почти уверен, что маркиз Де Сад был одним из таких «зомби», чей мозг находился под контролем вампиров. Полные богохульства и глупостей, его книги вовсе не свидетельствуют об инфернальной изощренности автора, скорее они доказывают то, что Де Сад так и не достиг зрелости ни в чем, хотя и прожил до семидесяти четырех лет. Главной целью его жизни было внесение ментального хаоса в человеческую жизнь, продуманное разрушение и извращение смысла сексуальных отношений.

Стоило мне догадаться о существовании вампиров мозга, и тотчас вся история последних двух веков сделалась ясной до предела.

До 1780 года — приблизительная дата первого крупномасштабного вторжения вампиров мозга на нашу планету — почти все виды искусства пропагандировали жизнеутверждающие начала — вспомним музыку Гайдна и Моцарта. После вторжения вампиров светлый оптимизм стал исчезать из работ художников. Вампиры всегда выбирают наиболее одаренных, поскольку именно талантливые люди обладают сильным влиянием на человеческий род. Очень немногие оказались сильнее вампиров — такие люди лишь крепили в борьбе с ними; среди этих немногих были Бетховен и Гете.

Вот почему они стараются скрыть свое присутствие и исподтишка истощают жизненную силу человека. А тот, кто им сопротивляется, становится вдвойне для них опасен, потому что такой человек вынужден обращаться к своей энергии восстановления. В этих случаях вампиры стремятся уничтожить его другим способом — например, натравливая на него других людей. Вспомните, чем была вызвана смерть Бетховена: после досадной ссоры с сестрой он выскочил из дома и проехал несколько миль под дождем в открытом экипаже. Именно в девятнадцатом веке большинство великих художников жаловались на «враждебность» мира по отношению к ним; Гайдну и Моцарту повезло — их поняли и оценили еще при жизни, а вот следующему поколению пришлось хуже, им лавры достались только посмертно. Видимо, у вампиров и без того было много дел, поэтому после смерти гениев они ослабляли свои тиски и людские умы обретали некоторую степень свободы.

Всю историю литературы после 1780 года можно рассматривать как результат битвы с вампирами мозга. Те художники, что отказывались петь гимн пессимизму, уничтожались, а те, что всячески злословили по поводу радостей жизни, частенько доживали до преклонных лет. Очень любопытно сравнить для примера судьбы пессимиста Шопенгауэра и жизнелюба Ницше, сексуального дегенерата Де Сада и эротического мистика Лоуренса.

К сожалению, мне не удалось выяснить многого о вампирах мозга и их деятельности. Я подозреваю, что примеры такой деятельности можно отыскать повсюду. Возможно, сама христианская идея дьявола возникла из смутных догадок о том, какую роль играли эти вампиры в истории человечества, а именно: они овладевают мозгом человека, делают его одержимым и превращают во врага человечества и самой жизни. Однако было бы ошибкой винить вампиров за все невзгоды нашего рода. Человек всегда был животным, которое борется за право стать Богом, и все проблемы его являются результатом этой борьбы.

Ради сохранения цельности повествования я поделюсь еще одной своей теорией. Я считаю, что во Вселенной существует немало созданий, подобных нам, и все они сражаются за собственное развитие. На начальных этапах эволюции они стремятся покорить окружающую среду, победить врагов, обеспечить себя пищей. Но рано или поздно они проходят этот этап и погружаются в свой внутренний мир в поисках ментальных наслаждений. «Подобен царству для меня мой разум,» — писал сэр Эдвард Дайер²⁵. И когда человек понимает, что его мозг — это в полном смысле слова царство, огромная неисследованная страна, вот тогда он пересекает черту, отделяющую животное от Бога.

Вампиры мозга выискивают цивилизации, которые почти достигли подобного уровня эволюции и готовы овладеть новой энергией, а затем потихоньку их уничтожают, хотя на самом деле их цель не уничтожение — ведь в этом случае приходится искать нового хозяина. Они просто стремятся как можно дольше питаться могучей энергией, вырабатываемой в ходе эволюционной борьбы. И для этого стараются удержать человека от открытия своего внутреннего мира и направить его внимание лишь в сторону внешнего. Не сомневаюсь в том, что ужасные войны двадцатого века — тоже хорошо продуманная затея вампиров. И безусловно, Гитлер был таким же «зомби», как и Де Сад. Впрочем, вряд ли вампирам нужна война, которая бы разрушила мир до основания. Нет. Их вполне устраивают постоянные мелкие столкновения.

Каким бы стал человек, сумеет ли он уничтожить или прогнать вампиров? Во-первых, его мысль полностью освободится, исчезнет подавленность, появится огромный прилив энергии и оптимизма. Художники начнут творить так, как никогда прежде; все человечество уподобится школьникам, отпущенным на каникулы, а затем они заглянут внутрь себя, они вспомнят о наследии Гуссерля (кстати, о многом говорит тот факт, что именно Гитлер виновен в смерти Гуссерля, которые в последние дни был на пороге нового открытия).

Человек поймет, какой могучей скрытой силой он обладает — водородная бомба по сравнению с этой новой энергией покажется не более чем свечкой. Наверняка при помощи таких наркотиков, как мескалин, человек впервые реально станет обитателем мира сознания и сможет путешествовать по нему, как по Земле. Он изучит страны сознания, как Ливингстон и Стэнли исследовали Африку. Он откроет, что там, внутри, обитают его многочисленные «я» — это и есть те, кого предки его называли Богами.

Есть у меня и другая теория, настолько абсурдная, что я едва осмеливаюсь упоминать о ней. Возможно, вампиры мозга — всего лишь инструмент в руках некой Высшей Силы. Безусловно, они могут погубить любую цивилизацию, в которую вторгаются. Но если эта цивилизация случайно узнает об опасности, результат может стать совершенно противоположным задуманному. На пути эволюции перед человеком встает немало препятствий — скука, невежество, тенденция плыть по течению, не заботясь о дне завтрашнем. По-своему, эти угрозы куда страшней для эволюции, чем сами вампиры. Когда раса узнает о вампирах, можно считать, что половина битвы выиграна. Стоит человеку обрести веру и цель, как он становится почти непобедимым. Может быть,

25 Эдвард Дайер (1543-1607) — английский поэт.

вампиры и служат таким средством, которое способно подтолкнуть нас на борьбу со своей ленью и безразличием? Впрочем, это лишь сопутствующие размышления. Куда важнее проблема, — как избавиться от вампиров? Просто опубликовать обнаруженные мною «факты» — вряд ли это выход. Исторические факты ничто не значат, на них могут просто не обратить внимания. Но каким-то образом человечество должно узнать об опасности. Можно пойти по кратчайшему пути — выступить по телевидению, написать серию статей — возможно, меня выслушают, но скорее всего, сочтут сумасшедшим. Да, проблема не так проста, как кажется. Например, как убедить людей попробовать мескалин? И где гарантия, что мескалин даст желаемый результат? Конечно, я мог бы рискнуть и выпустить огромное количество наркотика в городскую водопроводную сеть. Нет, об этом даже думать не стоит. Перед лицом такой угрозы, как массированная атака вампиров, здравомыслие становится слишком хрупкой вещью, чтобы им рисковать. Теперь я знаю, почему так плачевно закончились мои опыты в «Косметической Корпорации»: вампиры специально уничтожили тех людей, это должно было стать для меня знаком предупреждения. Для сопротивления вампирам у среднего индивидуума не хватает дисциплины мышления. Вот почему так вырос уровень самоубийств...

Надо как можно больше узнать об этих существах. Пока я пребываю в невежестве, они могут меня уничтожить. А когда я буду знать о них все, то смогу предупредить и остальное человечество ...»

Разумеется, я цитировал записки не по порядку, а выборочно. На самом деле «Исторические размышления», в которых описывается природа паразитов сознания и их роль в истории довольно растянуты. Работа эта написана в форме дневника идей, и, как всякий дневник, она изобилует повторениями. Автор принадлежит к числу тех рассказчиков, которые стараются заострить внимание на определенных моментах, но вместо этого постоянно упускают их.

Меня вообще поразило, как он умудрился так много написать. Будь я в его положении, мне вряд ли удалось подавить панику. Хотя, конечно, в тот момент он уже чувствовал себя в относительной безопасности. Победа в первом сражении воодушевила его, и теперь оставалось, как он писал, заставить других людей поверить ему. Очевидно, он не особенно спешил с этим. Если бы он опубликовал свои соображения, ничего в них не меняя, то неизбежно был бы признан сумасшедшим. Как настоящий ученый, он привык перепроверять факты и старался разработать тему, насколько это было возможно, и лишь после этого сообщить обо всем миру. Но больше всего меня озадачило другое: почему он не пытался поделиться с кем-нибудь, хотя бы с женой? Представляю, как ему было тяжело. А может, он был уверен в абсолютной безопасности и потому не спешил? Или же его эйфория — очередная уловка паразитов? Не знаю, что с ним случилось, но он продолжал работать над записками, уверенный в своей победе над паразитами, пока однажды они не довели Карела до самоубийства.

Нетрудно догадаться, какие чувства охватили меня при чтении. Прежде всего — недоверие; весь день это чувство возвращалось ко мне. Потом — возбуждение и страх; не будь у меня собственно опыта там, на стенах Каратепа, я бы счел эти записки бредом. Ну хорошо, я был готов поверить в вампиров мозга, но дальше-то что?

В отличие от Вайсмана, я не обладал такой духовной мощью. Мне

стало страшно. Наверно, лучше всего было бы сжечь эти бумаги и выкинуть все из головы. Я искренне верил, что в этом случае они оставят меня в покое. С ума можно сойти: читая записки, я постоянно нервно озирался по сторонам, а потом сообразил — если кто-то и следит за мной, то делает это изнутри. Эта мысль окончательно подавила меня, и тут я наткнулся на отрывок, где Карел сравнивал их метод «слежки» с радиопеленгом. Что же, вполне логично. Они же обитают в глубине сознания, в области потаенных воспоминаний. Если они слишком приблизятся к поверхности, то рискуют быть замеченными. Я пришел к выводу, что если они и поднимаются к поверхности, то лишь поздно ночью, когда мозг устал и внимание рассеяно — вот почему я столкнулся с ними на стенах Каратепа.

Я уже знал, каким будет мой следующий ход: надо рассказать Райху — лишь ему я доверял полностью. Трагедия Карела Вайсмана в том и состояла, что у него не было никого, кому он мог бы довериться, как я Райху. Но коли я собрался обо всем поведать другу, то самым безопасным временем для этого будет утро, когда сознание отличается предельной ясностью. Однако я был не в силах дожидаться утра.

(Продолжение в следующем номере)

Кэролин Ив Гилмэн

МЕДОВАРЫ

© Carolyn Ives Gilman. Honeycrafters.

F&SF, Oct/Nov 1991

Перевод Т. Кухты

Семья Мэгвин Гар процветала вот уже девять кочевий, когда в один прекрасный день с запада явилась Рената Облин.

Ватага пчелиных пастухов подошла к самому краю Рассвета, чтобы оттуда начать поиски нектара. Они возводили свои куполообразные шатры на широком лугу подле быстрой речки, в которой текла голубоватая от известняка талая вода. Неподвижное солнце повисло на востоке, над самым горизонтом; на западе его свет едва тронул пики ледяных гор, что белели над черным валом туч — извечной тьмы края извечной ночи. Люди оказались здесь у начала вещей, где изо льда и ночи рождался мир. Все вокруг было юным.

Дети забавлялись со своими огромными тенями, когда вдруг увидели незнакомку — она спускалась к ним по бездорожью каменистой осыпи. Притихнув, ребята воззрились на нее. Одежда ее была, как у варваров, из кожи, и сама она явилась с запада, где царствовали только метели и ледники. Шепоток разбежался по лагерю, люди выходили из шатров, чтобы поглядеть, как приближается незваная гостья. И когда она подошла ближе, все увидели то, чего опасались и ждали больше всего на свете: глиняный кувшин для переноски пчел в мешке, привязанном ремнями к ее груди.

Незнакомка приветственно вскинула руку и окликнула чистым ясным голосом:

— Чья это Семья?

— Мэгвин Гар, — ответил кто-то.

Она опустилась на одно колено, чтобы благодарственно коснуться земли. Затем выпрямилась и взглядом обежала собравшихся.

— Я — Рената из Семьи Облин. Давным-давно отправилась я в Рассветные Земли, чтобы отыскать свое будущее — и нашла его. Я принесла вам новую матку!

Она коснулась кувшина, прикрепленного к груди, и весело огляделась, точно ждала, что все тотчас же начнут восхвалять ее геройский поступок. Однако во взглядах людей была хмурая неуверенность. Появление нежданной гостьи несло им неведомую перемену.

Дубич Руд всегда знал, что этот день когда-нибудь придет. Уже в том самый миг, когда он и Мэгвин Гар рука об руку прошли в брачном ряду, начал созревать в грядущем этот день — день, когда будет брошен вызов власти Мэгвин в Семье, когда Мэгвин должна будет встретить свой смертный час. Дубич не знал только, какой бессильный гнев овладеет им в этот день.

Голос его был неестественно спокоен, когда он сообщил Мэгвин эту весть. Они сидели в шатре Мэгвин, сдвинув поближе свои любимые подушки. Пламя восковых свечей мягко освещало замысловатые узоры ковриков на стенах и податливую поверхность ковра, выстилавшего помост.

— Я еще не готова умереть, — угрюмо проговорила Мэгвин.

У нее был все тот же вид борца, что и в молодости — сильная шея, плотное мускулистое тело, крепкие ноги. Однако коротко стриженные волосы были уже цвета серого гранита, а лицо иссечено морщинами после долгих лет труда под жарким солнцем.

— Не может быть двух правительниц в одной Семье, — сказал Дубич, пропуская меж пальцев заплетенную в седые косички бороду. — Кто-то должен умереть. Если только ты не уступишь.

— Ха! — только и ответила Мэгвин. Затем подняла руку и, стиснув кулак, пристально поглядела на вздувшиеся бицепсы. Кожа на руке была дряблая, вся в старушечьих коричневых пятнах — но в глазах Мэгвин горел все тот же молодой огонь.

— Почему же не уступить, Мэгвин? — тихо проговорил Дубич. — Таков закон жизни. Юность приходит на место старости.

— Да, — согласилась Мэгвин, — когда старости ничего Другого больше не остается. Я создала эту Семью; я, и только я знаю, как ею управлять.

Совсем другое говорила она девять кочевий назад, когда она бросила вызов старой Борсун Гар и стала правительницей Семьи. Мэгвин была тогда сущий вихрь — скорый гнев и громкий смех, самоуверенность и отвага, и лишь немногим, в том числе и Дубичу, была открыта затаенная нежность ее души. Боги, как же он гордился ею!

— Так ты сразишься с ней? — нехотя выдавил он вслух.

Мэгвин сжала его руку. Дразнящий огонек плясал в ее глазах.

— Не тревожься, дружок. Мои мозги, знаешь ли, ничуть не хуже молодых.

Вызов, стычка — о да, это всегда было ей по душе. Когда-то Дубич наслаждался этим и лишь любовался ею, незаметно подавая советы. С

годами, однако, он остыл к сражениям. Таким мирным и спокойным выдалось последнее кочевье, после того, как их взрослые дети разбрелись в поисках судьбы по другим Семьям!.. Он привык уже к зрелому браку и медлительному ритму преклонных лет, он вовсе не хотел все это терять. Ставки в нынешнем бою были чересчур высоки.

Кто-то погромел трещоткой у входа, и Мэгвин крикнула;

— Войдите.

В шатер вошли двое из старших искусников меда — спешили занять наилучшие места, чтобы поглазеть на неизбежный поединок. Мэгвин приветствовала их, не подымаясь с подушки, а Дубич встал, чтобы наполнить медвяником витые кубки-рога. Гости все прибывали, пока места в шатре не осталось, и тогда любопытные стали скапливаться снаружи, чтобы ловить обрывки разговора из-за стен шатра.

Когда явилась Рената Облин, Дубич был изумлен тем, какой она оказалась юной — моложе их собственной дочери. Однако эта девочка остановилась у входа с беспечным и самоуверенным видом. Она была высока и гибка, с длинной каштановой косой. Лучница, подумал Дубич, лучника или скалолазка.

— Добро пожаловать в мой шатер, странница, — официальным тоном произнесла Мэгвин.

Дубич протянул кубок с медвяником. Рената отрицательно качнула головой и одним гибким движением смуглого тела опустилась на помост, скрестив ноги. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений. Рената не могла пользоваться гостеприимством той, которую намеревалась убить.

— Что это у тебя на груди? — осведомилась Мэгвин.

Вместо ответа Рената поставила кувшин на мягкий ковер и раскрыла его.

Все разом подались вперед, чтобы лучше видеть. Из кувшина неспешно выползло крупное насекомое, слишком молодое еще, чтобы взлететь. Кое у кого перехватило дыхание, потому что эта матка была гораздо крупнее обитавших в ульях Мэгвин Гар, и что еще более удивительно, отличалась глянцеви́то-черным цветом.

— Она хороша, — сказала Мэгвин. Голос ее был вежлив, но Дубич уловил в нем зависть. Давно уже их ульи не получали притока свежей крови. Семья не продержится долго с вырождающимися от кровосмешения пчелами. — Как ты отыскала ее?

— Я покинула Семью Облин целое кочевье назад, — сказала Рената. — У меня было пять спутниц, как и я, молодых девушек, что достигли возраста скитаний. Они нашли себе новый дом в других семьях, но мне этого было недостаточно. Я отправилась в земли Рассвета. Я решила отыскать новую матку и без нее не возвращаться.

Рассветные Земли стылы и бескрайни, и вечные бури бушуют на границе, где зарождается ночь. Я шла по землям, которых нет ни на одной карте, по краю ледников, Я спасалась от камнепадов, кормилась жуками и лишайником; и солнце было лишь оранжевым шаром на горизонте. Я все время искала выводок, где матка только-только пробудилась от зимней спячки. Однажды я нашла такое гнездо, но матка улетела на восток всего за час с небольшим до того, как я туда добралась. Я уж думала, что надо мной тяготеет проклятье.

Но я не собиралась сдаваться. Наконец настало время, когда я рухнула наземь, потому что ноги уже не держали меня — и вдруг земля подо мной затряслась. Раздался такой грохот, что, казалось, обрушится

небо, и неподалеку от меня горный склон сполз в долину. Едва ковыляя, я добралась до свежего бурого среза — и там увидела матку, которая выбиралась из своего гнезда. Лавина унесла прочь толстый слой гравия, который нанесли ледники, а иначе матка погибла бы, похороненная под камнями, и мне тоже пришел бы конец.

Рената оглядела своих зачарованных слушателей, и голос ее окреп.

— Тогда я отправилась искать свою Семью, ибо знала, что достойна стать правительницей. — Она перевела взгляд на Мэгвин.

— Может быть, — голос Мэгвин был спокоен и холоден, — только не в моей Семье.

— Об этом мы еще поспорим, — отозвалась Рената. — Взгляни на мою пчелу. Есть у тебя равная ей?

Все промолчали, потому что заранее знали — нет.

— Я могла бы заполучить твою пчелу, — сказала Мэгвин.

— Ты бросаешь мне вызов?

Дубич задержал дыхание, надеясь, что Мэгвин не поддастся порыву. Вызов не должен исходить от нее — ей нужна возможность выбрать оружие.

Мэгвин промолчала.

— Я чую дряхлую кровь, — бросила Рената ритуальное оскорбление. — Боишься?

Молчание.

— Хорошо, — нетерпеливо сказала Рената, тогда я вызываю тебя. Докажи, что можешь управлять этой Семьей.

— Все здесь — свидетели, что ты бросила мне вызов, — Мэгвин улыбнулась с видом хищника, изловившего добычу. — За мной выбор оружия.

Рената изумленно выпрямилась, ощутив в голосе соперницы неожиданный прилив силы. Она как будто подозревала обман.

— Что ж, — сказала она наконец. — Выбирай.

— Прошли те времена, когда правительнице Семьи нужна была только грубая сила. Сейчас главное — искусство управлять. Я вызываю тебя на поединок. Каждая из нас возьмет рой и достаточно людей, чтобы о нем заботиться. Будем состязаться в течение одного кочевья, и та, что в конце его изготовит лучший мед, — победит.

— Кто будет судьей? — спросила Рената, сузив глаза. Предложение Мэгвин было более чем необычно.

— Тоговцы медом из Эрдрума, — отвечала Мэгвин.

— И ты дашь мне право выбрать пчел из вашего роя?

— У нас все пчелы хороши. Выбирай, если хочется.

— А как насчет людей — пасечников, смесителей, перегонщиков?

— Возьмешь всех, кого сможешь убедить пойти за тобой.

Улыбка скользнула по губам Ренаты, словно такой поединок пришелся ей по вкусу.

— Снаряжение?

— Поделим поровну. По справедливости.

— Неплохое предложение, старушка, сказала Рената. — В нем есть здравый смысл.

— Так ты согласна, малышка?

— Согласна.

Слушатели пришли в волнение, понимая, что тяжесть решения ляжет, в некотором смысле, и на их плечи. Каждому из них предстояло

выбирать, чью сторону принять. Никогда еще Семье не предстояло такое странное кочевье.

Рената поднялась, но прежде чем протянуть руку к пологу шатра, замерла.

— А что будет с проигравшей? — спросила она.

Мэгвин Гар помедлила. Ответ мог быть только один.

— Почетная смерть.

Ничего не могло быть почетнее, чем умереть от яда собственных пчел. Мучительная, но естественная гибель.

Впервые за весь вечер уверенность Ренаты поколебалась.

— Хорошо, — сказала она с подчеркнутой самонадеянностью. — Пусть будет так.

Когда все свидетели вызова покинули шатер, Мэгвин обернулась к Дубичу.

— Ах, она сильна и отважна, Дубич, но в уме ей со мной не тягаться.

Дубич поспешно обходил шатер, собирая опустошенные кубки. Замысел Мэгвин вызвал у него тяжелые предчувствия.

— Дубич? — окликнула она. — Ты меня осуждаешь?

— Я ведь и слова не сказал, — отозвался он.

— Нет, но твое молчание замораживает воздух. Чем тебе не по нраву мой замысел?

— Этот поединок обратит молодых против стариков, — сказал Дубич. — Наши юнцы захотят присоединиться к ней.

— Вот как? Что ж, на моей стороне будет мудрость, опыт, искусность.

— А на ее стороне — энергия и творчество. И новая матка. Мэгвин, она может победить.

Мэгвин усмехнулась.

— Если бы не так, это был бы не поединок.

Дубичу захотелось взреветь и вдребезги расколошматить кубки. С трудом он заставил себя сдержаться. Так нельзя. Если он хочет помочь Мэгвин, он должен сохранить ясный рассудок, быть тихим и мудрым. Она ничего не должна знать. Дубич потянулся к плащу.

— Ты куда? — спросила Мэгвин.

— В перегонный шатер, — сказал Дубич.

Он солгал. Он шел начинать борьбу за нее, Мэгвин.

На краю лагеря, вдалеке от протоптанных троп, стоял ульевой шатер. Там в начале каждого кочевья держали пчел, куда они не привыкнут к климату Рассвета, не изменят свои биологические ритмы и не начнут новый жизненный цикл. Здесь царил гудящий полумрак. Рядами стояли высокие глиняные цилиндры, угрюмо и тесно, оставляя свободным лишь небольшой круг в центре шатра. Там, одна, как всегда, стояла пасечница Яннас Безымянная, вернее — металась в замкнутом кругу своих мучительных мыслей.

Обыкновенно тихое пение пчел успокаивало ее, отвлекало от тягостных размышлений. Она прижала к глиняному боку улья ладони, затем щеку — и ощутила едва заметную дрожь гудения пчел. В лучшие свои дни она даже могла почувствовать, как пчелы излучают тепло любви, омывая ее от грязи прошлого. Но не сегодня. Губы Яннас шевельнулись — она беззвучно проклинала самое себя. Жизнь ее — всего лишь гнилой зуб, источник вечной боли. Круг ульев, ее последнее прибежище, ее кокон, изловил ее в бесплодном кругу привычных

самообманов.

Яннас откинула задвижку и приподняла крышку ближайшего улья. Внутри, в темноте жужжали и шевелились деловитые тени — точь-в-точь воспоминания в ее бедной голове. Мурашки пробежали по коже, возбужденные нервы звали к осторожности. Яннас наугад выхватила из ячейки пчелу и отнесла к столу, где горела свеча.

Это была рабочая пчела, здоровая, лоснящаяся, золотисто-желтая, длиной в половину ее большого пальца — и у Яннас замерло сердце при мысли, что пчела окажется чересчур крупной для ее цели. Она беспечно пожала плечами, отгоняя эту мысль, закатала рукав и посадила пчелу на выпуклую голубую вену близ локтя. Ее предплечье уже было усыпано красными точками прежних укусов.

Из пряди седых волос, заправленных за ухо, Яннас выудила щепочку и, наклонившись, принялась дразнить пчелу. Сначала та была вялой и малоподвижной от холода, но наконец предостерегающе подняло жало, и тогда Яннас ударила ее по голове. Пчела погрузила жало в ее руку по самые зазубринки. Яннас стиснула зубы, наслаждаясь болью. Пальцы ее дергались, повинувшись спазматическому сокращению мышц. Лицо стало липким от пота. Пчела пыталась выдернуть жало, но зазубринки мешали ей, она билась, в последних судорогах выталкивая в вену остатки яда. Наконец жало оторвалось, и мертвая пчела, все еще подергиваясь, скатилась на пол.

Вена еще выпуклее проступила вдоль руки, наливаясь синевой. Яннас судорожно хватала ртом воздух, сердце ее бешено билось. У других после такого укуса уже начались бы судороги. Яннас сильнее сцепила зубы, не давая вырваться крику и чувствуя, как яд расходится по телу. Если не будет приступа, то острейшая боль скоро притупится и сгинет, а тогда исчезнет сосущая пустота внутри. И опять она сможет слышать, как поют для нее пчелы.

Снаружи слышались шаги — кто-то приближался к шатру Яннас поспешно опустила рукав и забросила мертвое тельце пчелы в темноту. Она отвернулась от входа, чтобы выглядеть занятой, а заодно и скрыть дрожание рук.

Мгновение Дубин Руд стоял на пороге, придерживая полог шатра, чтобы туда проник свет восходящего солнца. Он смотрел, как беспокойно мечется в полумраке высокая худощавая фигура Яннас.

— Ты слыхала? — спросил он.

Яннас обернулась. Ее хмурое изможденное лицо было залито краской, и странно выдавались на нем угловатые брови, нос и скулы.

— Что слыхала? — как-то уж чересчур живо переспросила она.

Нахмурясь от подозрений, Дубич вошел в шатер и, схватив пасечницу за руку, рывком закатал рукав и подтянул руку к свету свечи. Жало все еще торчало в коже. Дубич выругался, снял застёжку с плаща и, пользуясь ею как щипцами, выдернул жало, стараясь при этом не коснуться его. Только после этого он заглянул в глаза Яннас. Они были блестящие, остекленевшие, лишенные боли. Весь долго сдерживаемый гнев Дубич прорвался наконец наружу, и он наотмашь хлестнул Яннас по губам.

— Разрази тебя гром! Мне-то наплевать, что ты с собой творишь, но сейчас ты играешь жизнью Мэгвин. Она доверилась твоей преданности. Боже, что за самообман! Ее гений, ее тайное оружие — всего лишь жалкая наркоманка. Знай это Рената, она лопнула бы со смеху.

Пасечница ошеломленно попятилась, ощупывая лицо. Краска исчезла с ее щек; она снова обрела прежнее холодное спокойствие.

Как будто ты не знал этого!

— Ты обещала бросить.

— Я и бросила, — сказала Яннас, но Дубич хорошо знал, что она лжет, как всегда. За эти годы они с Мэгвин уже привыкли к ее лжи.

Семь кочевий назад, проходя по Летним Землям, они наткнулись на обтянутый кожей скелет в канаве у обочины — это и была Яннас. Она почти умирала от жажды, но когда пришла в себя, попросила не воды, а синнома. Тогда они и поняли, что на какой-то Семье лежит страшная вина. Синном был разновидностью меда — наркотического меда, запрещенного, смертельно опасного и сказочно ценного. Кто-то, поддавшись алчности, превратил своих пчел в создательниц жидкой смерти.

Мэгвин тогда совсем еще недавно стала правительницей. Частью из-за обостренного чувства чести, частью из обыкновенной доброты она приняла Яннас под свою опеку и поклялась обернуть к добру злое дело неведомого пчеловода. До сих пор никто еще не выжил, отказавшись от синнома, но Яннас, ведомая Мэгвин, сумела сделать это. Ключом к успеху оказался пчелиный яд: он утолял жажду, хотя и не приносил наслаждения — только боль. Прошло семь кочевий, и каждое стоило Яннас двух, но цепкая хватка старого порока так и не разжалась.

Дубич уже сожалел, что не смог сдержаться — он всего лишь дал Яннас основание лгать. Глубоко вздохнув, он попытался призвать запасы терпения, которые помогали ему справляться с воспитанием детей. Впрочем, ни один ребенок не причинял им столько хлопот, сколько Яннас.

— Тебе нужно бросить это, Яннас. Если не ради себя, то хотя бы ради всех нас. Ты — лучшая пасечница, которая была когда-либо в нашей Семье. Может быть, ты — лучшая пасечница среди всех живущих. И Мэгвин имела глупость заключить уговор, доверяя тебе свою жизнь.

Тогда наконец он рассказал Яннас о Ренате. Пасечница, не двигаясь, глядела на него, и лицо ее было искажено игрой теней, как вся жизнь — ложью.

— Без твоей помощи она не победит в этом поединке, — заключил Дубич.

Яннас отвела взгляд от лица Дубича и долго молчала.

— Зря она так доверилась мне, — наконец сказала она.

— У нее на то была своя причина. Она спасла тебе жизнь. Она никогда не просила твоей благодарности, но ты должна быть ей благодарна.

— Вероятно. — Тихий голос Яннас был полон иронии.

Дубич изучал ее лицо, ища хоть каких-то проблесков любви или преданности. Монотонное гудящее пение заполняло тишину — голос великолепного роя, который создала Яннас, когда была еще ученицей, затем помощницей пасечника и наконец главной пасечницей.

И Дубич отступил, признавая свое поражение.

— Как поживает рой? — спросил он.

— Пчелы хорошо перезимовали, — ответила Яннас. — Один улей растит новую матку. Скоро мы сможем основать новый улей.

В голосе ее была теплота, которой никогда не доставалось людям. Даже тем, кто вправе был рассчитывать на ее благодарность. Если бы, с

отчаянием подумал Дубич, если бы только она могла относиться к нам, как к пчелам!

— Так или иначе, а скоро у нас будет новая матка, — сказал он, и эти слова причиняли ему нестерпимую боль. — Придется тебе выбирать, на чьей ты стороне. Я надеюсь, ты выберешь Мэгвин.

Он ждал, но Яннас ничего не сказала, и пришлось Дубичу уйти, так и не добившись ответа.

Когда Яннас сообщила, что пчелы готовы покинуть ульи, лагерь пришел в движение. Настроение у всех было приподнятое — для людей, как и для пчел, наступало новое кочевье. Скоро процессия с плетеными носилками потянулась вверх по извилистой тропе к ульевому шатру. Толпа рабочих поднимала тяжелые ульи на носилки и расходилась с ними по заранее выбранным местам на равнине. Посреди суеты стояла Яннас, отдавая распоряжения. Вокруг нее было тихо, точно само ее присутствие умирало жизнерадостную сумятицу этого дня.

Она заранее пометила каждый улей, и теперь носильщики парами расходились по неровной земле, унося с собой запечатанные ульи. Скоро эти ульи рассыплются в укромных местечках горных лугов, среди ледниковых речек и каменных осыпей. Нектар цветов Рассвета, с точки зрения людей, обладал грубоватым вкусом, но пчелы подкреплялись им, копя силы для долгого паломничества на восток.

Ульевый шатер лишь наполовину опустел, когда Яннас велела остановиться — остальные ульи предназначались Ренате. Когда толпа рассеялась, Яннас забросила на плечо мешок со снаряжением и пошла открывать ульи. Она всегда занималась этим в одиночку.

Выше речной долины далеко, насколько хватало глаз, тянулась бескрайняя, изъеденная ледниками равнина. Ледяной ветер с западных гор свистел над ней, лишь изредка запинаясь об одинокие валуны. Это было не то место, куда они пришли, чтобы начать прошлое кочевье. Там уже давно настало утро. А здесь был новый край, лишь недавно освободившийся из цепких объятий ночи. Всю свою жизнь дети в лагере будут видеть, как эта земля цветет, рождает плоды и ждет урожая; но никогда они не увидят ее возрожденной. Это будет дано только их потомкам.

Угрюмым призраком брела Яннас по миру воды и камня. Ее искаженная большая тень металась от камня к камню, точно была намного моложе своей хозяйки. На Яннас был цельно-кроенный костюм, штанины заправлены в высокие сапоги, ворот и зарукавники тесно прилегают к телу, чтобы вовнутрь не проникли пчелы. Черная сетка была откинута на плечи, словно платок, но даже подойдя к первым ульям, Яннас не стала опускать ее на лицо.

Ульи стояли в долине, прикрытые от ветра извилистой грядой мелких камней. Яннас убедилась, что каждый леток смотрит на низкое солнце и что глиняные цилиндры прочно стоят на земле, накрываясь чуть вперед, чтобы в улей не попадал дождь. Там, где крен казался ей недостаточным, она исправляла положение с помощью плоского куска сланца. Затем она по очереди приоткрывала верхушки ульев, желая убедиться, что у пчел в достатке меда для еды, и отмечая ульи, где запас был явно мал. Наконец она сняла сетку, опутывавшую первый улей, открыла леток и села неподалеку на камень, чтобы посмотреть, как будут вылетать пчелы.

Вначале они медлили, не уверенные в новом мире, который ждал их

снаружи. Наконец вылетели несколько пчел и принялись кружить вокруг улья на отвыкших от полетов крыльях. Когда Яннас увидела, что одна пчела направилась к ближайшему кусту вечнослезки, улыбка тронула ее губы — точно солнце проглянуло над свинцово-угрюмыми водами озера.

Она никогда и не верила, что это люди спасли ее из-под обломков прошлого. Ее спасли пчелы. Они научили Яннас по-своему смотреть на мир и не видеть в нем, везде и всюду только себя.

Яннас смотрела на землю под ногами, мысленно перевоплощаясь в пчелу. Безжизненность этого края была лишь иллюзией. Люди ничего не видели вокруг — и ошибались, потому что смотрели не туда. В этом мире все было тонко и мелко. В каждой расселине, в каждом укромном уголке царила жизнь: лишайники, мхи, которые цвели мелкими белыми цветочками, цветы и травы, предпочитавшие расти не вверх, а вдоль земли. Яннас почти слышала, как в тонком слое почвы прокладывают себе путь жуки, как шевелятся корни, втягивая воду, как дышит освобожденная от зимних тягот земля.

Когда Яннас двинулась к следующей группе ульев, она уже не смотрела хмуро перед собой, но, откинув голову, всей грудью вдыхала свежий воздух. Она сошла с дороги, чтобы поглядеть на порожденное весной озерцо, у которого цвело несколько «девичьих слезок». Все цветы Рассвета носили грустные названия, и Яннас, давая им новые имена, следовала традиции.

Вторая группа ульев была установлена небрежно, видимо, неумелыми юнцами. Яннас исправила, что могла. На сей раз ей пришлось разжечь дымарь, чтобы успокоить пчел в одном улье, где сместились соты.

Она добралась уже до третьей группы ульев, когда поняла, что кто-то идет за ней по пятам. Оторвавшись от работы, Яннас успела заметить, как за дальним камнем мелькнула чья-то тень. Владелец ее оставался невидим, но не он один совершал в этих краях обычную ошибку — прячась сам, забывал о тени.

Яннас присела неподалеку от ульев, чтобы подкрепиться и поразмыслить, кто же это за ней следит. Она уже довольно далеко отошла от лагеря. Если это бродячий варвар, ульи послужат ей надежной защитой, потому что варвары хорошо знали и опасались пчел. А впрочем, Яннас догадывалась, что здесь не обошлось без смятения в Семье Мэгвин Гар.

Слева от нее со стуком осыпался гравий. Яннас подняла голову. Рената Облин стояла, одной ногой опираясь на валун, локтем уткнувшись в согнутое колено, руку положив на бедро.

Она походила на готовую к подвигам воинственную героиню древних сказаний.

— Ты сидишь так близко от ульев из беспечности или из бравады? — Спрашивая это, он перебирала в ладони горсть камешков, и они громко щелкали.

— Ни то, ни другое, — ответила Яннас и снова принялась за ржаной хлеб с орехами.

— Ты в трех футах от ульев, а на тебе ни перчаток, ни сетки. Ты даже не надела сетку, когда открывала улей.

— Пчелы знают меня. И их укусы для меня нет так болезненны, как для всех прочих.

— Тебе повезло. Если бы здесь на кого-нибудь другого налетел рой, человек погиб бы, не добравшись до лагеря.

Она двинулась вперед, но остановилась шагах в пяти от Яннас.

— Я — Рената Облин. Прости, что не стану пожимать тебе руку.

— Яннас. — Она едва кивнула в сторону Ренаты.

— Яннас Безымянная, — сказала Рената. — Я знаю. Я слыхала о тебе даже в Семье Облин. наших пасечников приводили в трепет твои сорта «Резкая сладость» и «Утренняя Зелень». Говорили, что ты одержимая.

Яннас стиснула зубы, подумав о тайном смысле подобного утверждения.

— Ты бы лучше вернулась и позаботилась о пчелах, — сказала она, складывая в мешок остатки обеда. — Они начнут чахнуть, если ты придержишь их в ульевом шатре. Им нужна свобода.

Усмешка исказила красивое лицо Ренаты.

— Советуешь врагу? А что скажет Мэгвин Гар?

— Я говорю это не ради тебя, а ради твоих пчел. Не хочешь — не слушай. — Собственный голос казался Яннас угрюмым и старым.

— О, я слушаю, — уже серьезно проговорила Рената. — Я не пропущу ни единого твоего слова.

Яннас подняла на нее проницательный, скептический взгляд.

— К чему ты клонишь?

— Я полагала, это и так ясно. Я хочу, чтобы ты была на моей стороне.

Воцарилось долгое молчание. В зябком воздухе не слышно было птиц, лишь гудели пчелы да звенела где-то вездесущая вода.

Рената заговорила первой.

— В лагере мне сказали, что лучше и не пытаться тебя уговаривать. Говорят, что ты слишком многим обязана Мэгвин Гар. Однако у тебя есть еще одна обязанность: перед твоим ремеслом. А со мной ты сможешь сделать такое, что и не снилось Мэгвин Гар.

Она отшвырнула прочь горсть камушков и нетерпеливо зашагала меж камней, слишком энергичная, чтобы стоять на месте.

— Эта Семья страдает расхлябанностью, ее уровень мог бы быть повыше. Она не производит и половины того меда, что могла бы производить, не говоря уже о его низком качестве. Не то чтобы не хватало талантов — нет, недостает предводительницы. Я хочу устроить все прибыльнее и бережливей. Я дам тебе помощников, чтобы занимались рутинной работой, а на твою долю останется только творчество. Я улучшу производство и очистку меда, чтобы он был достоин твоего искусства пасечницы.

Она повернулась, пристально и жадно вглядываясь в лицо Яннас.

— Я хочу дать тебе возможность получить почет, который ты заслужила. Мы поднимем здешний уровень. Ты — редкостный художник с плохими орудиями. Я дам тебе новые — и получше.

Словно кто-то разрезал ножницами поток времени и вынул из него кусок — Яннас смотрела в лицо себя прежней. О, она хорошо помнила волшебное звучание этих слов — честолюбие, почести, успех. И она когда-то стремилась стать лучшей — только вот не пасечницей. Пчелы стали для нее прибежищем — концом всего, а не началом.

— Ты наверно судишь обо мне, — сказала она вслух. — Я — не стремлюсь. Давным-давно я поняла, что мир за каждый успех платит черной неблагодарностью. Стоит поднять голову выше прочих, как получишь пинок в лицо.

— Это неправда! — твердо сказала Рената. — Без цели жить невозможно. Надо разглядеть что-то впереди, а потом положить все силы

и все умение, чтобы достичь цели. Успех каждого — в его руках.

— В самом деле? — отозвалась Яннас. — А почему ты знаешь?

— Если бы я не верила в это, жизнь была бы, как здешние края...

— Да, — сказала Яннас, оглядывая равнину, где живое, несмотря ни на что, пробивало себе дорогу, — жизнь была бы именно такова...

— ... пустынной и бесплодной равниной. Ни гор, ни долин, ничего достойного и полезного. Моя жизнь не будет такой.

Яннас помнила, как сама мечтала о пропастях и утесах, опасных водопадах и радугах. То были годы чудесных сумасбродств. Теперь же пчелы научили ее видеть тончайшую ткань мироздания, восхищаться малым.

— У меня тоже была цель, — сказала она. — Такая же дерзкая и возвышенная, как твоя.

— И что же случилось?

— Миру было на нее наплевать.

— Не надо винить мир. Ты сама сдалась и отступила.

Сдалась и отступила. Эти слова ударили по кровоточащей ране, которая так и не затянулась за все эти годы.

— Да, я сдалась! — Яннас точно откусила и сплюнула эти слова. — Потому что не смогла сделать себя тем, чем хотела.

— Я этому не верю.

— Разумеется! С какой стати верить мне только потому, что я прожила на свете вдвое больше твоего и вдвое больше видела?

Она выпрямилась, забросила мешок за плечо и зашагала прочь. За спиной зазвучали шаги — Рената не отставала. Яннас рывком обернулась к ней, вне себя от гнева и горечи.

— Доказать, доказать, доказать! — почти прокричала она. Вам, юнцам, только бы все доказывать, словно без этого невозможно твердо стоять двумя ногами на земле! Все вы стремитесь возвести себя на пьедестал, очертить круг и сказать: «Вот здесь начинаюсь я, а весь мир прекращает существовать. Это мой успех. Я — настоящий». А чертову миру нет до этого никакого чертова дела!

Она развернулась и пошла прочь, а мелкие камни хрустели под ее ногами. «Я просто циничная старуха, — подумала она. — Сухая и корявая, точно прошлогодний корень. Я — пугало на ее пути, и табличка на моей шее гласит: «Не иди этой дорогой».

Она не замечала, как цветы гнутся под ее стопами, но тут же выпрямляются, стоит ей пройти.

Когда облет пчел завершился благополучно, главные искусники меда собрались в шатре Мэгвин Гар, чтобы обсудить грядущее кочевье. Впервые на памяти Семьи Мэгвин поставила у шатра часовых, чтобы разговор не стал достоянием чужих ушей.

Все шестеро гостей были опытнейшими мастерами и представляли все сто три вещи, которые получают из продукта пчелиных трудов: здесь был Брахм, изготовитель вин и ликеров, Богдан, отливавший свечи из сладко пахнущего воска, Забра, смешивавшая мыло, помады и лосьоны, а также Рима — она создавала снадобья и мази из целебных медов, собранных на растениях, которые умиротворяют сердцебиение, разжижают густую кровь или очищают желудок. Был здесь и перегонщик Дубич Руд — он очищал, выделял и хранил сырой мед в своем обширном шатре, который пока еще почти пустовал, но скоро должен был стать

вместилищем разнообразных видов меда, собранных на разных сортах цветов. Самой последней пришла Яннас и села в полумраке у самого полога.

Как то было в обычае, Мэгвин Гар подала гостям великолепный хмельной мед из добычи предыдущего кочевья. Гости расселись поудобнее, пригубили жидкое солнце в кубках и вспомнили мирные дни, когда был собран этот мед. Это было доброе кочевье, и когда они возвращались на запад, от дня к рассвету, то везли с собой большие фургоны, доверху загруженные медом и прочими продуктами. Теперь меда почти не было в фургонах — его заменили зерно, ткани и инструменты, которые Семья покупала по дороге в городах и усадьбах.

— Ах, видели бы вы мед, который мы собрали в моем третьем кочевье! — проговорил старый Брахм, точно опережая чье-то неуместное заявление, что, мол, прошлое кочевье было для Семьи наилучшим. — У нас его было полсотни фургонов, и каждая кадка — в два моих роста. Эх, и сладко же мы тогда жили!

Богдан, не желая, чтобы его опередили, начал вспоминать о своем любимом кочевье — рассказ, который все остальные слышали не меньше ста раз и знали наизусть все паузы и смешные места. Так что все смеялись, когда нужно, кроме Мэгвин, у которой был слишком озабоченный вид, и Яннас, которая вообще никогда не смеялась.

Воспоминания озаряли шатер куда ярче, чем свечи, и все ожидали, что Мэгвин снова наполнит их кубки, но вместо этого она сказала:

— Друзья мои, настроимся на серьезные размышления. Нам нужен такой мед, чтобы посрамить Ренату Облин и завладеть ее королевой.

— Негодная выскочка! — проворчала Забра. — Она знает о меде меньше, чем мой локоть.

— Может быть, и так, — отозвался Брахм, — но лучший мой подмастерье ушел с ней.

Это вызвало нескончаемую вереницу жалоб и обвинений. Похоже, лихорадка по имени Рената Облин заразила добрую половину молодых людей Семьи; другая половина все порывалась предлагать новые идеи, одну безумнее другой. Три девушки, достигшие возраста скитаний, по примеру Ренаты, отправились на поиски маток, как ни отговаривали их матери. У юношей в голове было одно — как бы отличиться и привлечь внимание Ренаты. Наконец Мэгвин нетерпеливо воздела руки:

— С этим ничего не поделаешь. Мы ведь знали, что можем ожидать.

— В жизни не слыхала о подобном поединке, — едва слышно пробормотала Забра. — Втянуть всю Семью...

Мэгвин повысила голос, чтобы заглушить ее:

— Я хотела использовать нашу «Хрустальную Росу». Вот уже три кочевья этот мед выходит у нас отменно, да и в Эрдруме он всем по нраву.

— Мой сбор целебных медов не будет полон, если мы не двинемся дальше на юг, — объявила Рима. — Прошло уже два кочевья, как мы собрали мед с кровохлебки или седоглава, не говоря уже о других лесных цветах. Мои запасы почти иссякли.

Тотчас же зазвучал хор возражений. Обсуждение маршрута кочевья всегда выливалось в раздоры, и окончательное решение представляло собой компромисс, рожденный в тяжелой борьбе противоположных нужд.

После долгих пререканий Мэгвин искоса взглянула в тень у входа в шатер.

— Ты еще ни слова не сказала, Яннас. Какое твое мнение?

Яннас как раз думала о том, как все эти люди напоминают моллюсков: они заключены в непробиваемую оболочку раковин своего опыта. Каждый осуществленный ими опыт, каждая воплощенная идея прибавляли новый слой к этой раковине. Сейчас искусники меда Мэгвин Гар почти не способны ошибаться, но груз пережитого, нарастающий с годами, мешает им двигаться вперед. Яннас ощущала на своих плечах мертвую тяжесть собственного опыта. И ей не хотелось прибавлять к нему еще что-то.

— Я против «Хрустальной Росы», — сказала она наконец.

— Но это же твой собственный состав! — запротестовала Мэгвин.

— Этот сорт уже слишком хорошо знаком. Как мы можем победить со старым медом, если Рената создаст что-то истинно новое?

— Ей не хватит опыта, — сказала Забра, как будто эти слова все ставили по местам.

Мэгвин вскинула руку, веля ей помолчать, и не отрывала от Яннас любопытных глаз.

— Так ты думаешь, нам следует применить новую формулу?

— Я думаю, что нам нужен новый мед, какого еще никто и никогда не пробовал. Мед такой силы, чтобы одна его капля сводила с ума. Это должна быть эссенция дождя, времени, солнца и души цветов.

Судя по лицам гостей, каждый из них в свое время мечтал создать такой мед. Быть может, в ранней юности они даже верили, что это возможно.

— Какую формулу ты задумала? — негромко спросила Мэгвин.

— Если я скажу, вы мне не поверите.

— А ты попробуй.

И Яннас начала перечислять цветы, чей нектар она хотела смешать посредством пчелиных трудов. Все напряженно слушали. Еще детьми они научились запоминать наизусть составы медов и расшифровывать их, наиболее трудные даже перекладывая в песни. Каждый ребенок в Семье хранил в своей голове составы основных медов, но лишь искусники знали назубок сотни особых рецептов, которые передавались из поколения в поколение.

Когда Яннас умолкла, стало совсем тихо; давно уже медоведам не приводилось обсуждать всерьез новую формулу меда, если не считать нестойкие и неуклюжие изобретения учеников. Неуклюжей эта формула не была, но в ней заключалось безрассудство.

— Ты во многом полагаешься на цветы приграничья, те, что растут на грани дня и ночи, — наконец проговорила Мэгвин.

— У них глубокий вкус, — сказала Яннас, — они много и долго страдали.

— Луговая соломка? — отозвался Брахм. — Это же стимулянт, а не пищевой нектар. Он жжется во рту, как крапива.

— В смеси с первоцветом и чашелистником его резкий вкус почти сгладится. Вы его едва почувствуете, но он будет слегка пощипывать рот и омоет небо, как вода.

Возражения сыпались одно за другим. Вначале Яннас обосновывала свой выбор, но натиск критики нарастал, она стала раздражаться, огрызаться и наконец погрузилась в гневное молчание.

Когда медоведы окончательно разгромили предложение Яннас и выдали с дюжину других, Мэгвин наконец вмешалась в разговор:

— Итак, что же вы предлагаете? Дубич?

— Формула может оказаться удачной, — медленно ответил он, — но эта удача висит на волоске, и все мы смертельно рискуем...

— Брахм?

— С некоторыми изменениями.

— Забра?

— Это безрассудство. Мы не можем позволить себе так рисковать.

— Рима?

— Маршрут кочевья будет на редкость тяжел.

— Ну что ж, — Мэгвин огляделась. Яннас, стиснув зубы, бесстрастно смотрела в дымовое отверстие.

— Яннас, — мягко позвала Мэгвин. — Рената говорила с тобой?

Все, как один, уставились на Яннас. Этот вопрос в лоб вывел ее из созерцательного состояния, и она воззрилась на Мэгвин.

— Да, — сказала она наконец.

— Сука! — прошипела Забра, со свистом втягивая воздух.

Все прочие молчали, хотя на языке у каждого вертелся вполне естественный вопрос: что же ответила Яннас.

Мэгвин этого вопроса не задала. Напротив, она откинулась на подушки и сказала:

— Я приняла решение. Мы пойдем по маршруту, которого требует формула Яннас, и без всяких изменений. Нам придется трудно, и вряд ли мы сможем собрать все ингредиенты для основных наших медов. Этим придется пожертвовать — ради доброй цели.

Ее тон отсекал всякую возможность дальнейшего обсуждения. Забра резко поднялась и двинулась к пологу, едва удостоив Яннас подозрительным взглядом. За ней потянулись остальные. Яннас оцепенело смотрела на Мэгвин Гар, не двигаясь с места. Наконец последней она поднялась, чтобы уйти.

— Яннас, — позвала Мэгвин.

Яннас обернулась. В шатре они были одни.

— Думаешь получить от меня отпущение грехов, чтобы ты могла с чистой совестью присоединиться к Ренате? — спросила Мэгвин.

Это было и так, и не так. Яннас испытала приступ гнева от того, что Мэгвин так хорошо знает ее.

— Рената? — презрительно отозвалась она. — Пустая, безрассудная мечтательница. Дитя. Работать для нее — все равно что...

— Что именно?

Все равно что гоняться за ушедшей юностью? Яннас промолчала.

— Что ж, — серьезно сказала Мэгвин, — надеюсь, что ты будешь работать для меня. Я отдала свою жизнь в твои руки.

Яннас хмуро опустила глаза. Между ними было так много прошлого, что их раковины стали проницаемы друг для друга. Они срослись и не могли разъединиться.

— Не тревожься, — проговорила Мэгвин. — Я люблю рисковать. Просто сделай, все что в твоих силах.

Когда Яннас ушла, в шатер вернулся Дубич. Он задул свечи, затем сел и смотрел, как Мэгвин прихлебывает из рога хмельной мед.

— Ты сильно рискуешь, — сказал он. — Забра всем твердит, что Яннас — двурушница и задумала свою формулу, чтобы мы проиграли. Она говорит, что ты попала на наживку Ренаты.

— Завистливая старая ворчунья. Надо остановить ее, Дубин. Все должны безоговорочно доверять Яннас.

— А ты? — спросил Дубич. — Ты сама веришь в эту формулу?

— Именно об этом я и хотела спросить тебя.

— Я уже говорил: рискованно. Это заблуждение или самовнушение. Теперь твоя очередь.

— Не знаю, Дубич. Но за годы кочевий я поняла, что когда в твоём распоряжении оказывается гений, нельзя пытаться его направлять. Надо дать ему свободу действий. Именно это я и собираюсь сделать.

— Рад, что не моя жизнь поставлена на кон.

Лицо Мэгвин расплылось в улыбке.

— И я тоже рада. Иди ко мне.

Дубин пристроился на подушке рядом с ней. Мэгвин провела пальцем по его щеке, затем шутливо поцеловала в нос. Дубин был в неподходящем для шуток настроении — он просто привлек Мэгвин к себе, чувствуя как ладно приспособились друг к другу все выступы и впадины их немолодых тел. Все то, что еще недавно он принимал как должное — нежность ее кожи там, где ее не коснулось солнце, короткий довольный смешок — все это стало вдруг неизъяснимо драгоценным. Они, не размыкая объятий, перекатывались на подушках, и каждое прикосновение ощущалось острее при мысли, что, быть может, ничего подобного им уже не суждено пережить.

Вскоре после того отряд Ренаты собрал в дорогу свои ульи, шатры, снаряжение и вышел из лагеря, направляясь к месту своей первой стоянки в избранном ими маршруте кочевья. Люди вышли посмотреть на уходящих, ожидая увидеть неразбериху, неумелость — но не увидели. Отряд двигался споро и сноровисто, и никто даже ни разу не повысил голоса.

Яннас стояла у входа в ульевого шатер и хмуро глядела, как полуголые юноши грузят на носилки последние ульи. Она пыталась было дать им несколько советов, как надлежит поступать, чтобы не раздражить попусту пчел, но юнцы отвечали, что сами знают, как им действовать. Самое удивительное, что так оно и было. Яннас знала, что ее собственные ульи не увезут отсюда с такой ловкостью и сноровкой.

— Ты уверена, что не передумаешь?

Яннас обернулась — это была Рената. Она была одета в кожаный костюм, высокие сапоги и перчатки до локтей, сверкавшие при каждом ее движении.

— Чьей формуле вы намерены следовать? — спросила Яннас. Она гадала, кто же из этой компании способен на большее, чем простое подражание.

— Кое у кого из нас есть кое-какие идеи, — отвечала Рената. — Мэгвин Гар, полагаю, пользуется твоей формулой?

Яннас кивнула.

— Стало быть, ты — мой смертельный враг, — сказала Рената. Голос ее звучал легко, но глаза были серьезны.

Яннас лишь сейчас осознала, что если она победит, Рената обречена. Вся эта безграничная отвага, дерзость, надежда, эти дурацкие блестящие перчатки, наконец, — все сгинет бесследно, канет в ничто. Рената исчезнет совершенно и никогда больше не станет терзать ее мучительными воспоминаниями. Она умрет так же верно, как умерла девушка, бывшая когда-то ею, Яннас.

— Уходи, — хрипло выдавила Яннас.

Рената стояла, озадаченно глядя на нее.

— Уходи! Ступай к своим юным героям и силачам! Оставь меня со старыми ворчунами и брюзгами.

Усмешка сверкнула на смуглом лице Ренаты. Девушка отвернулась и легко, точно игривый жеребенок, сбежала вниз по склону за юношами, которые несли носилки. Подбежав к последнему носильщику, она дружески хлопнула его по плечу. Яннас долго еще слышала, как в воздухе разносится их затихающий смех.

С тех пор они долго не видели отряд Ренаты. Даже на всем известных лугах, где зачастую встречались разные Семьи, с Ренатой Семья Гар так и столкнулась.

— Далеко же она их увела, — сказала Мэгвин Гар Дубичу. — Жаль. Я рассчитывала, что кое-кто сбежит к нам.

— Должно быть, она это предвидела, — отозвался Дубич.

Мэгвин качнула головой.

— Умна, черт бы ее побрал.

Для отряда Мэгвин кочевье началось не слишком удачно. Не хватало сильных молодых работников, и Мэгвин пришлось всю черную работу переложить на плечи стариков. Деда, которые с радостью занимались легкой работой по лагерю, снова принуждены были таскать носилки с ульями и ходить на разведку. Чтобы освободить молодых матерей от забот о детях, Мэгвин завела детский фургон и уговорила кое-кого из старух заботиться о его зареванном грузе.

Чем дольше длилось кочевье, тем громче становился ропот. Все трудились не покладая рук, а кадки с медом в смесительных шатрах наполнялись куда медленнее, чем бывало. Семье давно уже следовало бы двинуться к востоку на приветливые равнины Утра, а они все еще выискивали редкие сорта цветов в негостеприимном и неизведанном краю на границе Рассвета.

Холод прохватывал Дубина до костей. Пятнадцать долгих переходов брели они под проливным дождем, прежде чем добрались до места четвертой стоянки, и в конце концов люди поставили шатры где попало, нестройным грязным рядом. Проследив за установкой смесительного шатра, Дубич отправился к себе и обнаружил, что их с Мэгвин шатер так и валяется на земле грудой сырого холста. Бормоча проклятия, он кое-как натянул пропитанный водой холст на колышки и забрался внутрь, чтобы развести огонь. Впереди их ждал обычный ужин из гороховой похлебки — в этом краю не было хуторов, где можно было бы купить лучшую еду.

Вскоре появилась Мэгвин.

— Черт бы побрал эту искусницу, — сказала она, и Дубич понял, что она разговаривала с Яннас. — Ты же знаешь, был маршрут полегче. Но ей непременно понадобилась незабудка с голубыми прожилками, хотя никто, кроме нее, не мог бы отличить эту редкость от обычной.

— Затяни поплотнее полог, — раздраженно попросил Дубич.

Мэгвин стянула с себя пропитанный водой плащ и повесила его, хотя все вокруг было одинаково промокшим.

— Разведчики говорят, что река, у которой мы стали лагерем, выходит на плодородную равнину, — угрюмо сказала она. — Там полным-полно венчалниц и луговика. Обилие птиц и зверей. Солнце.

Дубич промолчал. Именно с этого всегда начинались их ссоры — с его холодного молчания. Мэгвин оно доводило до бешенства.

На сей раз она не поддавалась искушению.

— Что говорят люди, Дубич? — устало спросила она.

— А чего ты ждешь? Они мерзнут, они злые и усталые, и во всем винят формулу Яннас.

Мэгвин помолчала, затем наконец решилась:

— Мы уйдем отсюда. Я не могу думать только о ее формуле.

Испугавшись вдруг тому, что так легко переубедил ее, Дубич проговорил:

— Мэгвин, формула — это твоя жизнь.

— Знаю. Но я все еще правительница.

Дорога вниз по течению реки оказалась крутой каменистой тропой. Фургоны с трудом могли пройти по ней. Мэгвин расхаживала вперед и назад вдоль медленно ползущего под непрерывным дождем отряда, шутила, чтобы подбодрить людей. Сидя в фургоне с медом, Дубич гадал, как удастся ей так хорошо скрывать свое собственное уныние.

Тропа впереди тонула в рваных клочьях тумана. Когда носилки с ульями миновали скользкий участок, один изможденный носильщик споткнулся. Керамический цилиндр накренился, ударился о землю и, упав, покатился вниз по склону.

Дубич, похолодевший от ужаса, все еще не мог двинуться с мест, когда ниоткуда возник и помчался вниз по склону стремительный лоскут серого дождевика. То была Яннас. Выскочив из фургона, Дубич заковылял вслед за ней. Когда он подошел к месту происшествия, там уже собралась толпа. С упавшим сердцем Дубич увидел, что улей раскололся и исправить его уже не удастся. Пасечница стояла перед ним на коленях; над ней растерянно кружили пчелы. Яннас подняла к Дубичу совершенно мокрое лицо, и он подумал, что дождь здесь ни при чем.

— Нам придется пожертвовать маткой, — сдавленным голосом проговорила она. — У нас нет свободных ульев.

Мэгвин потемнела. Маток и без того было слишком мало, чтобы лишаться здоровой особи.

— Делай как знаешь, — сказала она.

— Уходите все, — с яростью процедила Яннас. — Оставьте меня одну.

Мэгвин жестом велела людям отойти. С безопасного расстояния они смотрели, как Яннас извлекла матку из разбитого улья. На мгновение она склонила голову над большим беспомощным насекомым, затем сокрушила его ударом камня.

Долго пришлось им повозиться, прежде чем бездомный рой загнали в другой улей. Многие пчелы не хотели покидать свой дом, где в разбитых сотах лежали отложенные маткой яйца. Ничего не оставалось, как только бросить их на погибель.

Этой ночью в лагере царило тягостное молчание. Они потеряли улей. За десять предыдущих кочевий не случалось такого. Лишь неряшливая, недобросовестная Семья могла быть так неосторожна. Стыд сочился из шатра в шатер, и люди начали шептаться, что их преследует злой рок.

Они двигались на восток, часто останавливаясь, чтобы покормить пчел, и солнце все выше поднималось над горизонтом, а перед отрядом простирались бескрайние равнины. Край Утра был обжитым и приветливым и все чаще отряд встречал усадьбы, селения и даже медленно движущиеся города — Шар вращался, и все, что существовало на его поверхности, вращалось вместе с ним. Все приветливо встречали

пчеловодов — в особенности ребяташки, видевшие лишь фургон со сладостями, но выходили навстречу отряду и хлебопеки, повара, изготовители консервов, которым требовались особые сорта меда. Мед был нужен всем. Порой распространялись слухи о растениях, чей сок достаточно сладок, чтобы выпарить из него сахар, но люди большей частью только посмеивались над такими бреднями. Как будто что-то могло заменить мед!..

Но в это кочевье Семья не могла долго мешкать в Утреннем Краю. Формула Яннас требовала совсем немного здешнего нектара, щедрого и жизнерадостного.

Отряд быстро миновал время первоцвета и осиновых рощ, затем обогнул по краю плодородные винно-ягодные низины. Они направлялись к проливам Кэрривелл, узкому перешейку меж двумя морями, где лежал их путь в Летние Земли. Там часто встречались разные Семьи и вместе праздновали середину кочевья. Празднество цветов. Все уже предвкушали веселье.

Когда отряд приблизился к последней стоянке в Утреннем Краю, Яннас вышла вперед, чтобы наметить, где расставить ульи по берегу реки Ветровии. С Рассветных Земель остался в ней леденящий след холодного дыхания ледников. Она ушла вперед, чтобы согреть душу — не солнцем, а видом цветущей земли. Яннас остановилась на краю болота, давая свежему целительному ветру омыwać ее всю. Неподалеку исполняла брачный танец пара глупышей. Самец выпорхнул из камышей, сверкнув радужной зеленью оперения. Самка в полете столкнулась с ним, и они вместе закувыркались в воздухе, единые в безумном полете, как искусные акробаты. Яннас усмехнулась, и лицо ее пошло морщинами, точно у каменной статуи, которая пытается смеяться.

Она бродила почти по колено в огненных зарослях венчал-ниц и обрывала увядшие цветы, чтобы дать распуститься новым бутонам. Эти цветы на длинных стебельках походили на застенчивых подростков, хрупкие, но пыльные, как и сам этот край. Яннас потянулась к очередному цветку и задержала руку — здесь уже трудилась пчела. Трудно объяснить, почему, но Яннас почувствовала — это одна из ее пчел. Бывших ее пчел.

Оглядевшись, она увидела и улей — он был надежно скрыт под каменным карнизом. Это был улей Семьи Гар, а значит, здесь Рената. На миг Яннас заколебалась, потому что осматривать улей чужой Семьи считалось дурным тоном; однако желание убедиться, что с ее пчелами не обращаются дурно, преодолело остатки хорошего воспитания.

Пчелы деловито сновали взад-вперед,нося в улей груз пыльцы и нектара. Однако когда Яннас взгляделась пристальнее, то поняла, что двинутся они чересчур быстро. Едкий запах плыл над ульем. Мучимая подозрениями, Яннас достала свой пчеловодный нож и вогнула лезвие в расщелину крышки улья. Она приподняла крышку и едва не задохнулась от сильного запаха.

— Прочь отсюда! — повелительно крикнул мужской голос.

Яннас оглянулась и увидела Гудина, сына Забры — он с распахнутым на груди воротом стоял в нескольких ярдах от нее, на гребне утеса. В руках он держал натянутый лук, и стрела целилась в Яннас.

— Опусть лук! — гневно велела она. — Или твоя мать ничему тебя не учила?

Гудин, не спеша подчиняться, громко свистнул. Рядом возникли еще двое и, пробираясь через заросли цветов, двинулись к ним.

— Отойди от улья! — приказал Гудии угрожающе качнув луком. Голос у него был грубый, дерзкий. Яннас опустила крышку улья и отошла прочь. Гудин подошел к ней и взял у нее посох и нож.

— Я поймал шпионку, — сказал он подошедшим сотоварищам.

— Брось паясничать, — сказала ему Яннас. — Смотреть на тебя смешно.

Гудин грубо толкнул ее:

— Пошли!

Под охраной троих юношей Яннас пошла к северу.

Лагерь Ренаты был расположен там, где река расширялась в небольшое озеро, затопив свое устье. В этом небольшом и слаженном лагере явно царила дисциплина, и Яннас с горечью вспомнила о неразберихе, в последнее время завладевшей лагерем Мэгвин Гар. Гудин оставил их побежал вперед с известием.

— Итак, вот и Мэгвин Гар прибыла, — сказала Рената, подходя к ним через лагерь. Она шагала рядом с Гудином, то и дело задевая его бедром, и эта мелочь вдруг напомнила Яннас о любовной игре глупышей.

— Мы вас заждались, — продолжала Рената. — Вы замешкались в Рассветных Землях. Празднество Цветов закончилось; все прочие Семьи давно ушли отсюда.

— Мы следовали плану, — угрюмо отозвалась Яннас.

— Пока вы морозили своих пчел, мы здесь наслаждались жизнью, — легкомысленно заметила Рената. — Мы многому научились и кое-что испытали на практике.

— Например, опаивали своих пчел, — сказала Яннас.

Рената глянула на Гудина.

— Мы поймали ее, когда она совала нос в наш улей, — сообщил он.

Воцарилось молчание.

— Экстракт луговой соломки, — наконец сказала Рената. — Совсем чуть-чуть в лоток на дно улья. Стимулирует работоспособность пчел. За тот же срок они собирают меда на треть больше.

— А тебе никто не говорил, что это вредно для пчел?

— Подумаешь, бабушкины сказки. Мы попробовали, и с пчелами ничего не стряслось. — Она запнулась. — Или еще стрясется?

Она жаждала знаний. Гнев охватил Яннас: эти сосунки ставят опыты на пчелах, даже не понимая, чем рискуют.

— Бабушкины сказки тоже иногда говорят правду. В это кочевье твои пчелы будут благополучны, но ты измотаешь их вконец. В новом кочевье проку от них не будет.

Рената лишь пожала плечами:

— Пока меня заботит *это* кочевье.

— Хорошая правительница должна думать и о новых кочевьях.

— Напомни это мне, когда я стану правительницей.

Яннас до смерти хотелось влить ей пощечину. Безответственная, самоуверенная девчонка, думает, что все на свете в ее власти. Она даже не подозревает, как быстро любая случайность может отнять у нее эту власть. Да и откуда ей это знать? Она ведь еще ни разу не ошибалась.

Гудин что-то шептал на ухо Ренате. Вид у него был встревоженный. Рената кивнула:

— Да, лучше нам задержать ее. Без своей пасечницы Мэгвин Гар обречена.

От этих слов сердце Яннас тревожно забилося. Однако она хорошо —

слишком хорошо — знала Ренату. Высокомерным, слегка презрительным тоном она проговорила:

— Это бесчестный путь к победе. Всякий скажет, что ты выиграла обманом.

Именно это и следовало сказать.

— Она права, — проговорила Рената. — Не надо бесчестных уловок, Гудин. У меня идея получше. — Она что-то прошептала юноше. Тот нахмурился, но ушел прочь. — Иди со мной, сказала Рената. — Ты не можешь уйти, не испробовав нашего гостеприимства.

Шатер Ренаты был обставлен скромно и строго — точь-в-точь обиталище военного вождя в походе. Стол, однако, она накрыла обильный, щедрый — Яннас уже много кочевий не видала такого изобилия. Она старалась не показать, какое удовольствие доставила ей эта трапеза.

Когда они покончили с едой, вошел Гудвин, неся кувшинчик с медом. Рената распечатала его и намазала на рисовую лепешку тонкий слой бледного, почти прозрачного меда.

— Мы недавно сделали этот сорт, — сказала, она протягивая галету Яннас.

Яннас с нескрываемым любопытством откусила кусок лепешки. У меда был тонкий аромат.

— Незабудки, — сказала она.

— Да, нам попало множество незабудок.

Яннас уронила каплю меда на язык, втягивая ноздрями медвяный запах. Затем вгрызлась в лепешку.

Мед был каким-то удивительно своеобразным, хотя формула оказалась довольно простой. Вкус зари и ранних цветов наполнил рот Яннас, эссенция из юных цветов на длинноногих стебельках и земли, которая не знала ошибок и поражений. Воспоминания нахлынули на нее. Никогда ей не сделать такой мед. Теперь уже никогда.

— Нравится? — спросила Рената.

Янная отвернулась, чтобы спрятать лицо. Впервые за все это время она поняла, что может и не выиграть состязание. Ренате недостает опыта, но она может победить одной только жизненной силой юности.

— Я не судья, — сказала вслух Яннас. — Это молодой мед. Для меня — даже слишком молодой.

Она шла обратно, продираясь через высокую траву, а память о вкусе этого меда неотвязно преследовала ее.

Когда отряд Мэгвин пришел в выжженные солнцем, поросшие низкой травой степи, началось поветрие. Оно охватило детей. Совсем недавно они купались в реке и бегали полуголые по солнышку, бронзовея от загара; и вот уже тряслись в лихорадке, мучились сухим тяжелым кашлем, покрывались сыпью.

Фармацевт Рима пришла в шатер Мэгвин Гар, чтобы сообщить диагноз. Семья стояла лагерем у широкой мутной реки, которая рукавами прорезала равнину и исчезала в синей дали у горизонта. Дубич откинул полог шатра, чтобы внутри веял прохладный восточный ветерок, и сидел сейчас с поджатыми ногами, починяя какую-то кожаную одежду. Жаркое солнце неподвижно висело в небе.

— Пятнистая лихорадка, — сказала Рима. — А у меня сегодня пришел к концу запас меда из седоглава. Мы решили не идти на юг, чтобы

пополнить запас целебных медов, а сегодня наши внуки могут дорого заплатить за нашу ошибку.

Мэгвин Гар ничего не возразила на этот упрек, но Дубич-то знал, как она мучается. У каждого в эти дни было в чем обвинить ее.

— Еще не поздно повернуть на юг, — сказала она.

— Поздно, если мы хотим еще собрать мед с пустынных цветов.

— Это можно совместить.

У Дубича заныли кости при одной этой мысли.

— К лесам, где растет седоглав, путь долгий, — тихо сказал он. — Мы не сможем дойти туда и вернуться вовремя.

— Придется, — упрямо бросила Мэгвин Гар. — Я не хочу, чтобы умерли мои внуки.

Это было адски трудное путешествие. Половина Семьи болела, другая половина сбилась с ног, ухаживая за больными, а Мэгвин все время неустанно подгоняла отряд. Когда они добрались до леса, двое детей умерло, и кое-кто говорил, что это из-за тягот пути.

— Не только они погибли бы, если бы мы не поспешили, — с отчаянием говорила Мэгвин Дубичу. — Что же им еще-то от меня нужно?

Мед с седоглава собирали только до тех пор, пока болезнь не прекратилась. Когда изможденный отряд повернул назад к пустыням, навстречу ему уже спешили на Эрдрумскую ярмарку другие Семьи, везя на продажу фургоны, полные кадками с медом. А им оставалось еще собрать треть формулы Яннас.

Последний лагерь разбили в пыльном ущелье под палящим утренним солнцем. Никогда еще так трудно не было разыскивать пустынные цветы — они словно разбегались. Яннас трудилась ожесточеннее прочих, неустанно искала цветы и осматривала ульи. Она подолгу бродила в одиночестве вдалеке от лагеря, ее брови и волосы побелели от пустынной пыли, лицо и руки покрывал почти черный загар. Вернувшись, она без устали трудилась с Дубичем в душном смесительном шатре, пробуя новые сочетания, ингредиенты которых она отказывалась называть.

Мальчишки, которых отправляли вынимать соты, рассказывали, что из ульев доносится дурманный запах — от лотков, которые Яннас сама поставила на дно. Бабки шикали на них: «Чтоб никто больше не слышал от вас эти бредни!» Когда Дубич рассказал о сплетнях Мэгвин, она коротко ответила: «Не верю». Однако в глазах ее читалось другое: «Верю, но мне на это наплевать».

Была у Яннас и другая тайна, которую она хранила куда тщательнее. Был один улей, чье местонахождение не было известно никому, кроме нее. На краю продуваемого ветром оврага она обнаружила заросли остролистных растений с вьющимися стеблями и одиноким белым цветком на макушке. Увидев их впервые, Яннас долго смотрела на цветы. Звались они синном, и это название не входило ни в одну разрешенную законом формулу. Несколько капель меда с этих цветов могли даровать такое наслаждение, что все счастье жизни, сосредоточенное в единой минуте, не могло с ним сравниться.

Запах меда из синнома вдруг так живо вспомнился Яннас, будто этих лет и не бывало. Когда-то она хранила синном в узкогорлой зеленой бутылки. Вначале она принимала синном лишь во время отдыха, предпочитая сну наркотическую дремоту.

Потом Яннас стала принимать синном и во время бодрствования, и все мелкие невзгоды и неприятности таяли в его колдовском блеске. Мед

был ее удачей, ее свершением. Даже сейчас Яннас видела его цвет — цвет золота, которое было ничем рядом с этим бесцветным лекарством ото всех на свете бед.

Яннас повернула прочь, ощущая в душе болезненную пустоту, которую всегда оставлял синном. Спотыкаясь, ничего не видя, она спустилась по тропе к ближайшему улью. Там Яннас схватила с летка одну пчелу-стражницу. Та в ярости тотчас вонзила в ладонь жало, и Яннас рухнула на колени, судорожно вцепившись в запястье, а боль прожигала ее насквозь, покуда не выжгла все чувства. Тогда она закрыла улей, пристроила его к себе на спину и, кляня себя последними словами, перенесла его в овраг, где рос синном.

С тех пор пчелы понемногу наполняли свои соты бесценным и смертоносным медом. Каждый раз, когда Яннас приходила взглянуть на улей, она обмакивала тряпку в сироп и обматывала ею свое лицо, чтобы не вдохнуть случайно убийственный аромат.

Себя она убеждала в том, что этот мед нужен ей на всякий случай, если не останется иных средств. Никогда больше она не станет рабыней синнома.

Время шло быстро, а соты наполнялись медленно. Пришлось наконец смириться с тем, что больше меда им уже не набрать. Принесли в лагерь ульи, извлекли и пометили наполовину наполненные соты; затем в деловитом гудении перегонного шатра работники загружали соты в сепаратор. Каждый по очереди нажимал на педаль, которая приводила в движение сепаратор, и работа шла безостановочно днем и ночью, покуда все соты не опустели.

Семья прибыла в Эрдрум последней. Обширная равнина к югу от города была усыпана белыми куполами шатров — точно кто-то забрызгал ее мыльной пеной. Все тенистые места для лагеря были уже заняты, и Семье Мэгвин Гар пришлось стать лагерем на самом солнцепеке, вдалеке от колодца. Люди Мэгвин принялись устанавливать шатры; иссохшие, запыленные, покрытые морщинами, они походили на листья, принесенные ветром из пустыни; в толпе гостей и покупателей они казались живыми мощами.

Работа их еще отнюдь не была завершена. Едва установили смесительный шатер, как началась новая стадия. Кувшины с медом, снабженные ярлыками, были рассортированы, мед процежен, а затем Дубич прогнал всех, кроме Яннас, и принялся отмеривать и смешивать. Его рабочий стол был в беспорядке заставлен стеклянными сосудами, в которых томилось плененное золото солнца. Каждый мед имел свое приметное свойство: чистый, как вода, молочный, как воск, алмазный, золотой, гранатовый, янтарный. Были меды, густые, как сироп, а иные лились, как вино. Были меды сладкие, пряные, пьянящие. Дубич помнил их все наизусть.

Скоро каждая Семья в стойбище знала о странном состязании. Дубич, который, не смыкая глаз бок о бок с Яннас трудился в шатре, знал, что другие медовары сидят сейчас у своих костров и толкуют о замыслах соперников. Рискнут ли использовать какой-нибудь новый, пряный мед — «Янтарный Лист», к примеру, или «Киноварь»? Станут ли улучшать крепкие меды подогреванием или откажутся от этого? Будут ли стремиться получить необычный цвет, или же уделят все внимание вкусовому букету и аромату? Сквозь марево смертельной усталости Дубич все же находил силы усмехаться при мысли, какой их всех ждет сюрприз.

Ибо такого меда еще не было на свете. Пробуя его, Дубич метался от безмерной самоуверенности к безмерному ужасу. Порой мед казался ему божественным. Или безумным.

Шел слух, что Рената посетила шатер Мэгвин, чтобы обсудить время и место поединка, состав и количество судей.

— Она держалась весьма хитроумно, — сказала Мэгвин, когда Дубич, выбившись из сил, пришел в шатер отдохнуть. — Куда только девалась легкомысленная девчонка, спустившаяся с гор!

Дубич задремал, и последнее, что он видел, была Мэгвин, свернувшаяся на подушках, точно хитрая старая ящерица. С тех пор, как началось кочевье, волосы ее совершенно побелели.

Яннас не могла спать. Долгое время она трудилась рядом с Дубичем, а сейчас сидела одна в строго охраняемом перегонном шатре. Ее шедевр был почти завершен. Она погрузила стеклянную палочку для дегустации в стеклянную чашу и уронила каплю меда на язык. Непримиристо враждебные ароматы столкнулись у нее во рту. Мрачные, задумчивые пряности, сопровождаемые легким жжением чашелистника точно знаменовали близость смерти; однако легчайшее послевкусие словно бы сулило, что на свет родятся новые цветы — быть может, родятся. Этот мед был шедевром, но одна лишь добавка могла окончательно превратить его в совершенство. Во внутреннем потайном кармане Яннас хранила небольшую фляжку синнома. Она сама перегнала этот мед, пока Дубич спал в своем шатре. Уронить в кувшин одну каплю — и никто не заметит ее вкуса. Но тогда этот мед вызовет у судей немыслимую жажду, и они будут стремиться вновь обрести вкус меда, точно утраченную юность.

Твердая фляжка прижата к ребрам. Яннас встала и вышла под жаркое солнце; глаза покраснели, воспаленные от пыли и тягот непомерной работы. Она бесцельно бродила меж шатров, прошла мимо мальчика, стиравшего белье, мимо шумной свадьбы, мимо ювелира из города, который торговал золотыми фигурками пчел.

— Яннас Безымянная, — произнесли рядом с ней. Яннас обернулась и увидела Босну, дочь Римы, которая в начале кочевья ушла с отрядом Ренаты.

— Твой мед готов? — спросила девушка. Впрочем, выглядела она совсем не так уж беспечно-молодо. Морщины прорезали ее лоб, и губы были по-взрослому поджаты.

— Почти, — сказала Яннас, не спеша доверять этой женщине.

— А мед Ренаты готов, — сказала Босна. Помедлила, точно ожидая вопроса, и когда Яннас промолчала, девушка продолжила:

— Знаешь, он хорош.

— Не сомневаюсь, — сухо отозвалась Яннас.

Босна настороженно огляделась.

— Хочешь попробовать?

Она расстегнула карман и достала стеклянную фляжку.

— Мне удалось вынести немного из смесительного шатра. Я хочу, чтобы у Мэгвин Гар было преимущество. Я и не понимала, какая она хорошая правительница, пока не столкнулась с Ренатой. Она просто наглая, бесстыдная сука, эта Рената.

А ты — ядовитая предательница-змея, подумала Яннас. Она взяла фляжку, намереваясь швырнуть ее об землю, но цвет меда привлек ее внимание: золотистый, точно волоски ребенка. Яннас стиснула фляжку в кулаке, побежденная желанием попробовать мед.

— Ты ведь никому не скажешь, правда? — прошептала Босна.

— Нет, — ответила Яннас, чувствуя себя уже соучастницей преступления. Она повернулась и зашагала прочь. Ничего не видя и не слыша вокруг, она шла через многолюдный лагерь, покуда не нашла глухой тупик и там присела, разглядывая краденую фляжку. Она распечатала сосуд и позволила аромату неспешно всплыть в ее ноздри. Мед не пах пряностями — Рената делала ставку на простоту. Яннас встряхнула фляжку и капнула мед на язык.

Вначале вкус был слабым, и Яннас едва различала его; но когда мед согрелся на языке и растаял, вкус заметно усилился. Острая тоска по прошлому болью пронзила Яннас. Ее окружили давно ушедшие годы, шорох травы, рябь озерной воды под ветром, птицы играют в салочки, радуясь силе своих крыльев... Это был бальзам юности, бьющей через край жизни. Мед был прост и все же на редкость необычен. В нем был даже привкус древесного сока. Яннас никогда не приходило в голову кормить пчел соком деревьев.

Она вдруг осознала, что на глазах проступили слезы. Ни один в мире мед, даже в прошлые времена, не мог так тронуть ее. Она чувствовала себя побежденной. Перед этим дивом ее мед был слезами замученных до смерти цветов, медом боли и утрат. Сможет ли он победить очарование юности Ренаты? Яннас потрогала фляжку в потайном кармане, мечтая позволить синному облегчить тяжесть стоящего перед ней выбора.

Суд проходил под стенами Эрдрума, на широкой площади, по такому случаю освобожденной от шатров. Когда появилась Мэгвин Гар, сопровождаемая своими медоведами, толпа собралась уже немалая; люди влезали на крыши и бочки, чтобы лучше видеть. Трое судей в ожидании начала восседали в фургоне на походных стульях. Мэгвин Гар села рядом с Ренатой. За ними стояли их пасечники, и у каждого в руках был запечатанный кувшин с гудящими пчелами, которые сулили смерть одной из них.

Рената вышла первой. Когда появился ее перегонщик с фляжкой, она стояла с уверенным видом, скрестив на груди руки и высоко подняв голову. Судьи передавали фляжку из рук в руки, любовались цветом меда и смотрели на просвет, чтобы определить его чистоту. Затем они распечатали горлышко и поочередно вдохнули аромат. Наконец они взяли за стеклянные палочки и погрузили их в мед.

Дубич напряженно следил за выражением лиц судей. Один улыбался с отсутствующим видом, второй медленно кивал, третий был потрясен. Мед Ренаты явно не был наспех сляпанной любительской поделкой, на что втайне надеялся Дубич. Судьи снова попробовали мед, затем посоветовались. Наконец они водой ополоснули рты, смывая вкус предыдущего меда.

Тогда вышел Дубич. Прозрачная фляжка была завернута в покрывало. Он подошел к судьям и лишь тогда сдернул шелк, и все увидели гранатовый оттенок меда. По толпе прошел одобрительный шепот. Судьи взяли мед, понюхали, попробовали. Один сосредоточенно нахмурился, затем ощутил послевкусие, и хмурая гримаса сменилась изумленной. Судьи сняли еще одну пробу. На сей раз их обсуждение было куда оживленнее. Наконец один из судей встал. Все затаили дыхание.

— Оба меда великолепны, — объявил судья. — Каждый из них прокладывает новый путь, по которому, мы надеемся, последуют и другие

Семьи. Но наш выбор ясен. За искусность, тонкость, трагизм победа присуждается Мэгвин Гар.

Толпа загудела, точно растревоженный улей. Вспотев от облегчения, Дубич одной рукой обнял Мэгвин и незаметно толкнул ее. Они победили. Рената с непроницаемым видом обернулась к сопернице, протянула руку. Мэгвин пожала ее и быстро отвернулась.

Двое мужчин встали по обе стороны от Ренаты. Она встретила их с совершенным бесстрашием. Ее подвели к расчищенной площадке и принесли кувшин с пчелами, которые предназначались для нее. Со сдержанным видом Рената закатала рукава и ворот, сняла перчатки. К ней подошла женщина, чтобы натереть руки и шею снадобьем, которое неминуемо привлечет и раздражит пчел. Толпа расступилась, и вокруг Ренаты образовалась пустота.

Вдруг от судейского фургона слышались громкие голоса. Жаркий спор завязался среди искусниц меда, подошедших попробовать меды соперниц. Один из судей громко прокричал:

— Стойте! Это был смертельный вызов!

Перегонщица из Семьи Борг пробилась через толпу, сжимая в руке винно-красную фляжку.

— В этом меде синном! — воскликнула она.

Мэгвин Гар рывком обернулась к Яннас. Лицо пасечницы было восково-бледным от изумления.

— Нет! — пробормотала она. — Этого не может быть!

— Лгунья! — прорычала Мэгвин. — Проклятая наркоманка! И ты думала, что тебе это сойдет с рук? Теперь они отнимут у меня жизнь!

— Там нет синнома! — Яннас бросилась к фургону судей. Толпа поспешно расступалась перед ней. Она схватила фляжку и повернулась к судьям.

— Я докажу это. Если бы я положила синном в мед, я не осмелилась бы его попробовать. — И Яннас сделала большой глоток.

Мед скользнул в желудок, и она оцепенела, лицо застыло, фляжка выскользнула из ее ослабевших пальцев и со звоном разбилась. Глаза Яннас загорелись, что было несомненным признаком наркотического действия синнома.

— Будь ты проклята, проклята, — бормотала Мэгвин, стискивая кулаки.

— Какой позор! — из толпы выступила правительница Альфра Борг, рядом с ней шли правительницы прочих Семей. — Это преступление запятнает все Семьи, если мы тотчас не накажем преступников! Нельзя допустить синном в наши шатры. — Голос ее срывался, но в нем был металл. — Мэгвин, не ждала от тебя такого. Ты знаешь, что тебя ждет. Ты и твоя пасечница умрете вместе.

Мэгвин стиснула челюсти. Неподалеку от нее, неподвижная, как изваяние, стояла Яннас. Слезы текли ручьями по ее лицу.

— Нет! — Дубич шагнул вперед, и его усталый голос мгновенно заставил всех умолкнуть. — Мэгвин ничего не знала. Это я добавил в мед синном. Я украл его у Яннас, она и понятия об этом не имела.

Мэгвин, не веря, воззрилась на него:

— Дубич! Ты?..

Он повернулся к ней, не смея глядеть в ее глаза. Игра была проиграна; он превратил победу Мэгвин в немыслимое позорище.

— Прости, Мэгвин. Мне невыносима была мысль, что ты можешь

проиграть.

Если б Мэгвин сейчас отеклась от него, Дубич признал бы ее правоту. Он предал ее, растворил всю ее безупречную репутацию в одной-единственной капле синнома. Но Мэгвин взяла руку и стиснула ее своими сильными пальцами.

— Я слишком сильно надавила на тебя, — тихо произнесла она, — вот ты и сломался, Дубин. Сломался на любви и преданности. Ты слишком хорош для меня, старина. Я тебя недостойна.

— Это и есть твое оправдание? — спросила Альфа Борг. — За все ответит Дубин Руд?

Мэгвин помедлила с ответом. Она взглянула на горизонт и глубоко вдохнула, точно наслаждаясь тем, что еще живет и дышит. Затем перевела взгляд на Ренату, которая стояла поодаль. Ренату, которая приняла неизбежное и хладнокровно готовилась еще мгновение назад к встрече со смертью.

— Нет, — сказал Мэгвин, — я отвечу за все. Весь этот безумный поединок был придуман мной — мне хотелось обмануть природу. Но я не могла победить, не сломив тех, кто любит меня и кого я люблю. — Она поглядела на Дубича, и глаза ее вдруг наполнились слезами. Но она продолжала говорить, не сводя глаз с Ренаты; голос ее зазвучал громче: — Утешает меня лишь одно. Я создала себе достойную замену.

— Тогда, — медленно проговорила Альфа Борг, — ты и Дубич Руд заплатите за преступление.

Мэгвин с болью посмотрела на Дубича.

— Я согласен, — тихо сказал он.

Мэгвин протянула руку и с нежностью коснулась его волос. Казалось, она только сейчас впервые за несколько месяцев хорошенько разглядела его.

— Дубич, твои волосы совсем побелели. Ты совсем состарился. Стар, изможден — а все такой же романтичный глупец.

Они обнялись, тесно прильнув друг к другу перед подступающей тьмой. А затем, взявшись за руки так крепко, точно только что стали любовниками, повернулись к ожидавшему их кувшину с пчелами.

Действие наркотика понемногу проходило. Яннас знала это, хотя сладкий полузабытый вкус все еще оставался на языке. Она падала, стремительно возвращаясь в мир бесплодных стремлений и невозвратимых потерь. Она пыталась не вернуться, но кто-то держал ее за руку и тащил назад. Это была Мэгвин Гар. Сколько уже раз в минувшие кочевья она возвращала Яннас против ее воли в мир людей, принуждая ее сносить пустоту земли под солнцем.

— Уходи, — пробормотала она.

— Нет, — ответил голос.

Это не была Мэгвин Гар. Яннас опустила взгляд и увидела, что и за руку держит ее не Мэгвин. Перед ней была Рената.

— Что ты делаешь? — тихо сказала Яннас.

Они сидели на походных стульях на равнине под стенами Эрдрума. Толпа рассеялась; последние зеваки уходили прочь или, сбившись в кучки, толковали о чем-то.

— Забочусь о моей пасечнице, — отвечала Рената.

— О твоей... что? — Яннас запнулась, поняв наконец, что же произошло. Горе, острое и сильное, как укусы пчелы, стиснуло ее сердце,

заглушив даже тягу к наркотику. Яннас согнулась от боли.

— Она умерла? — наконец проговорила Яннас.

— Да, — сказала Рената. — И Дубич тоже.

Слеза скатилась на ладонь Ренаты.

— Я любила ее, — прошептала Яннас.

— Многие любили ее, — мягко проговорила Рената. — Надеюсь, когда-нибудь и я смогу так сказать. — Она сильнее сжала пальцы, охватившие руку Яннас. — Ты должна помочь мне. Я должна многому научиться. Ты нужна мне, Яннас.

Яннас захотелось взвыть: «Нет! Не могу! Я слишком устала! Я не могу начинать все сначала...»

— Ты нужна всем нам, — сказала Рената.

А у нее не осталось силы бороться с голодом, старостью и пустотой, начать жизнь заново...

Залитая солнцем равнина поплыла перед глазами. Яннас встала, стискивая зубы.

— Я хочу взглянуть на моих пчел, — сказала она.

Бен Бова

ЖЕСТЯНКА, ПОЛНАЯ ЧЕРВЕЙ

Бен Бова предупредил нас, что в его новом рассказе речь идет об искусстве и о силе идей. Есть в нем, кроме этого, кое-что и о грузе червей, и о космоскульпторе Элверде Апачета. Еще в рассказе действует бесконечно притягательный Сэм Ганн, космолетчик-предприниматель, с которым в последний раз читатели «F&SF» встречались в «Бриллиантовом Сэме» (ноябрь 1988 года).

© Ben Bova. A Can of Worms

F&SF, November 1989

Перевод В. Мисюченко

Царственная — иного слова для нее и не подберешь.

Взгляд, который журналистка устремила на собеседницу, был полон ничем не замутненного восхищения. Элверда Апачета предстала перед ней — худощавая, длинноногая, стройная, великолепная, величественная,

мудрая. Царственная, одним словом.

Меж тем, отметила корреспондентка, в одеянии скульпторши ничего величественного: так, комбинезончик какой-то потрепанный линияло-серого цвета. Благородство проявлялось в манере держать себя, в поведении, а больше всего — в лице. Аристократическое лицо. Лицо царицы инков — цвета красной меди, со скульптурной лепкой высоких скул и надбровий и резко очерченным носом жительницы Анд. От ее миндалевидных, темных, будто омут, глаз не могло укрыться ничто. Казалось, они проникали в душу даже тогда, когда в них искрилась вся радость мира. Густые черные волосы тронула седина (тут космическая радиация поработала, а не только возраст, подумала журналистка). Волосы были аккуратно убраны в серебряную сеточку. Из украшений — только массивный серебряный браслет, скрывавший, вероятно, коммуникатор.

— Да, Сэма я хорошо знала, — ответила художница низким грудным голосом, когда журналистка задала свой первый, довольно неловкий, вопрос. Из уважения к корреспондентке Элверда Апачета говорила по-английски, но ее акцент таил память о высокогорье Анд. — Очень хорошо знала.

На журналистке был обычный парашелковый комбинезон цвета красного коралла с эмблемой Телевидения Солнечной Системы (стилизованное лучистое солнце), напыленной над левым нагрудным кармашком. В пояс у нее был вмонтирован миниатюрный диктофон. Корреспондентка сама поразилась тому чувству благоговения, с каким встретила Элверду Апачета. Положим, знаменитость. Из женщин первая, ставшая космоскульптором, и, что важнее, лучшая среди них. Так ведь на своем репортерском веку журналистка повидала немало, со многими встречалась — попадались люди и очень знаменитые, и властные, и скандально известные, и талантливые. Всяких хватало. Но ни от кого из них так не захватывало дух, ни в ком не видела она такого царственного величия. Интересно, эта царица инков на всех так действует? И на Сэма Ганна так же действовала?

Две женщины сидели в комнате отдыха Межпланетного Космического Университета. Небольшая и тихая, она была со вкусом убрана коврами теплых земных расцветок, покрывавшими не только пол, но и стены. Идеальное место для записи интервью. «Немалых денег, должно быть, стоило все это добро сюда доставить», — подумала журналистка.

Помещение располагалось в той части МКУ, что вращалась достаточно быстро, чтобы искусственно создать небольшую, примерно как на Луне, силу тяжести: компромисс между привычкой Элверды Апачета к чрезвычайно низкой гравитации и периодически подступавшими в полной невесомости приступами тошноты у журналистки. Она даже сейчас старалась не смотреть в единственный иллюминатор, где каждые несколько минут проплывал великолепный голубой шар Земли, тут же сменяемый черным провалом космоса.

Художница царственно откинулась на высокую спинку кресла, обитого мягкой буклированной псевдошерстью. В этот момент она выглядела владычицей с головы до пят, повелительницей, которая единым движением бровей способна и суд творить, и милостью одаривать. Журналистка, сидевшая на диванчике по правую руку от нее, чувствовала себя замарашкой, даром что комбинезон на ней был новехонький, а

одеяние на Апачета протерлось едва не до дыр.

— Ходили слухи, что вы и Сэм были... — Девушка смущенно запнулась на миг, — ...ну... любовниками.

Художница печально улыбнулась.

— Сэма я любила до безумия. Было время, считала, что и он, возможно, меня любит. Теперь же, после всех этих лет, — тут, как ни странно, улыбка ее сделалась еще нежнее, — я в этом не так уверена.

* * *

— Мы все тогда были куда моложе, — повела рассказ Элверда Апачета, — и любые страсти в нас быстрее пробивались на поверхность. Меня всякий пустяк из себя выводил, чуть что — и я, поверьте, бешеной делалась.

Вы, должно быть, помните, что я тогда переселилась на астероид, где и прожила в одиночестве почти три года. Даже припасы мне забрасывали на беспилотных ракетах. Представьте же, каково было мое удивление, когда проходивший мимо космический корабль пошел на сближение и пристроился на орбите свидания в каких-нибудь сотнях метров от моего астероида.

Это я так считала (и так называла его) — *мой* астероид. В соответствии с международным правом владеть им не мог никто. Однако никаких ограничений заниматься на небесном теле скульптурой не существовало. Астрономы назвали астероид Атен-1994-ЭД, и это должно было означать, что речь идет о 131-ом астероиде, открытом в 1994 году в группе Атен. Астрономы, ничего не скажешь, научились насыщать свои названия информацией, но романтики или поэтичности в них и в помине нет.

Сама я звала мой астероид *Кипи-Камайос*, что означает «Хранитель Памяти». И собиралась изваять на нем историю моего народа. В такой идее была не просто романтика — она дышала чистой поэзией. Ведь мы жили в горах с незапамятных пор. Даже самое имя моего народа, собственное мое имя, — Апачета, — означало собрание магических камней. Ныне мой народ покидает древние горные селения, разбредается по городам в долинах, теряя родовые черты и отличия в новом мире конвейерной монотонности и электронных утех. Кто-то должен был рассказать историю этого народа и рассказать ее так, чтобы она осталась в памяти вовеки.

Еще в университете Ла-Паса, прослышав про астероид, я поняла — это моя судьба. Даже в названии, данном астрономами, астероид нес приметы моего имени: Атен-1994-ЭА — Элверда Апачета. То было знамение. Я не суеверна, конечно, и вообще не верю ни в знамения, ни в приметы. Но я осознала, что судьбой мне назначено высечь историю моего народа на скалах Атен-1994-ЭА и обратить его в памятник исчезающей расе.

Кипи-Камайос — это сплошной камень с обильными прожилками металлов, кусок горы, плавающей в космосе, глыба почти в целый километр длиной. Его орбита была немного ближе к Солнцу, чем земная, поэтому почти каждый год астероид подходил к Земле достаточно близко, чтобы долететь до него можно было примерно за неделю, — тогда-то я и получала все мои припасы.

Как я уже говорила, меня удивило, когда вместо беспилотной ракеты

рядом оказался целый космический корабль-товарняк. И еще больше удивило, когда кто-то на полном газу рванул от корабля к моему жилищу, даже не потрудившись испросить разрешения подняться на борт.

Я жила в мастерской, небольшой капсуле, где умещалось все необходимое: мои инструменты для ваяния, системы жизнеобеспечения, ну, и всякие личные вещи — одежда, спальник и прочее.

«Кто идет?» — послала я сигнал и вывела в центр экрана коммуникатора увеличенное изображение приближающейся фигуры. Ничего увидеть я, конечно, не могла, кроме белого скафандра и пузыря-шлема. Фигуру к тому же скрывала реактивная установка индивидуального перемещения — все это походило на человека, сидящего в кресле, у которого нет ножек.

Пришел ответ: «Меня зовут Сэм Ганн. На борту моего корабля припасы для вас».

Тут только до меня дошло, что я голая. Живя в одиночестве, я редко утруждала себя одеванием. И сразу же здорово рассердилась.

— Ну, так отгрузите припасы и ступайте себе дальше своей дорогой. У меня нет времени принимать гостей.

Он рассмеялся. И это меня поразило.

— Леди, — сказал он, — я ведь не просто в гости на чай-кофе собрался. Мне поручено вручить вам официальный юридический документ. Вручить лично. Из рук в руки. Вы же знаете этих крючкотворов.

— Нет, не знаю. И знать не хочу.

А сама бросилась к шкафчику, где содержался весь мой гардероб, и принялась рыться в нем, отыскивая что-нибудь поприличнее.

Теперь-то я понимаю, что мне следовало бы задрать входной люк наглухо, так чтобы незнакомец не смог войти. Это задержало бы применение против меня любых юридических санкций. Правда, всего-навсего задержало бы, но никак не избавило бы меня от них вовсе. Если взвесить все «за» и «против», то, позволив Сэму войти в мою мастерскую, войти в мою жизнь, я все же сделала, наверное, наилучший выбор.

К тому времени, когда до меня долетел шум заработавших насосов в шлюзовой камере, я уже натягивала на себя старенький джинсовый комбинезон, и, когда раздался лязг заглушки входного люка, успела рвануть молнию до самого горла.

Сэм вплыл через люк, шлем он уже снял и тот парил внутри шлюза. Сэм был невысок, и до ста семидесяти сантиметров не дотягивал, хотя готов был до хрипоты убеждать всех и каждого, что в нем метр семьдесят семь. Абсолютная чушь. Я была на добрых три сантиметра выше него.

Поймать его лицо в скульптуре было бы трудно. Черты чересчур подвижны — не воплотишь их в камне. Да даже и в глине. В лице Сэма имелась легкая неправильность: одна его половина не во всем совпадала с другой, — отчего казалось, будто лицевая ось на волос смещена и лицо чуть-чуть кривовато. Сэму это шло как нельзя лучше.

Глаза его могли быть и голубыми, и серыми, а то и вовсе зелеными — все зависело от освещения. Рот невероятно подвижен: только улыбаться умел на тысячу ладов, — к тому же Сэм почти всегда говорил и говорил не умолкая. Коротко подстриженные каштановые волосы слегка отдавали рыжиной. Округлое лицо с едва приметным смещением влево. Слегка кривоватый курносый нос казался перебитым, возможно, и не единожды. Россыпь веснушек. Если попытаться подобрать ему *Norte Americano*

типаж в литературе, так, пожалуй, Гекльберри Финн — подросток, ставший мужчиной, но сохранивший все мальчишечьи ухватки — подошел бы.

Он так и застыл: изваянием самого себя, обрамленным проемом люка, ботинки зависли в нескольких сантиметрах над решетками пола. Висел и глаз с меня не сводил.

Непонятно с чего, я вдруг ужасно сконфузилась. В жилище-то моем полный кавардак царил. Каюта — повернуться негде, вся барахлом завалена. Куда ни ткнись, повсюду приборы, оборудование всякое, консоли для компьютеров, а соединительные провода вились и колыхались в невесомости, словно лианы в джунглях. Спальник, тот вообще выглядел эдаким в комок сбитым районом бедствия. Словом, вся каюта забита обломками крушения, которое потерпела отшельница, три года не видевшая ни единой живой души. Как я выглядела, я знала: кожа да кости. Скелет. Я даже и не пыталась припомнить, куда подевала свой последний тюбик губной помады. О волосах и не говорю — жуть нечесаная витала вокруг головы.

— Боже, как же вы прекрасны, — восхищенно прошептал Сэм. — Прямо, богиня, из меди литая.

И тут же лишился моего доверия.

— У вас для меня какой-то документ? — спросила я как смогла холодно. Понятия не имею, что за бумага, возможно, что-то из университета в Ла-Пасе о новом гранте, за которым я обращалась.

— А? Ну да... — Сэм, казалось, слегка голову потерял и никак не мог в себя прийти. — Я, ну... Не взял я его с собой. Там, у меня на корабле, остался.

Мне его взглядом испепелить хотелось. Каков! Да как он посмел так вот, без спросу, вломиться ко мне? Помешать моей работе? Искусству моему?

Сэм под моим испепеляющим взглядом не увял. Даже как-то расцвел весь.

— А почему бы вам не пообедать со мной, а? То бишь, с нами, я хотел сказать. Со мной и моим экипажем.

Я отказалась наотрез. И все же несколько часов спустя, сама не пойму как и почему, мчалась к товарняку, усевшись на заднее сиденье двухместного реактивного космолета. А до того уже успела принять ванну и переодеться, пока Сэм летал на свой корабль. Отыскала даже где-то золотистый шарф и затянула его на поясе своего лучшего зеленого комбинезона, да еще ленту для волос в тон подобрала. Внутри скафандра стоял аромат духов. Просто диву даешься, как все, что казалось давным-давно утраченным, при желании оказывается под рукой.

Чего я хотела? Уж, конечно, не получить некий юридический документ. Нежданное появление Сэма заставило с болью осознать, до чего же ужасно одиноко было мне все это время. Нет, мне мила была прелесть одиночества. Но только до той поры, пока воздушный шарик этой прелести не проткнул Сэм. Поначалу я, разумеется, рассердилась. Но, скажите, долго ли можно было сердиться на человека, который так откровенно пленялся моей, с позволения сказать, красотой?

Пока мы двигались к товарняку, астероид мой оставался в тени, так что Сэм не видел уже сделанные мною фигуры. Заслоняя Солнце, астероид нависал над нами черной ноздреватой глыбой, наваливаясь темной массой и как будто угрожая. Сэм, пользуясь внутренней

радиосвязью, ни на миг не давал разговору умолкнуть. Он спрашивал меня и о том, чем я занималась и как у меня работа подвигается, только все равно выходило так, что говорил все время он сам.

Корабль его назывался «Адам Смит» — название, не говорившее мне ничего. Выглядел он обыкновенным товароперевозчиком: раздавшийся и нескладный, с паучьими лапами опор, торчащими из корпуса, и вздутыми остекленных сфер, в которых помещались экипаж и жилые модули. Но по мере того, как мы приближались к кораблю, я убеждалась, что Сэмов товарняк воистину велик. Громадина. Таких больших кораблей я никогда не видела.

— Пока что один-единственный такой на всю солнечную систему, — бодро подтвердил Сэм. — Мне еще три таких строят. Хочу заделать бизнес с грузовыми перевозками как надо.

И дальше трещал без умолку, мимоходом сообщив мне, что является основным владельцем орбитального туристического комплекса-гостиницы «Вид на Землю».

— Вид на Землю из каждого номера. Роскошно.

— Да, могу себе представить.

— Потрясное место для медового месяца, — объявил Сэм. — Или хотя бы просто на выходные. Тот не жил, кто не вкусил любовь в невесомости.

Я замолкла и промолчала весь остаток недолгого перелета. У меня не было ни малейшего желания подыгрывать сексуальным увертюрам, сколь бы отдаленно-вкрадчивыми они ни были. Или откровенно-навязчивыми.

Обед прошел довольно мило. Впятером мы втиснулись в узкую кают-компанию, служившую одновременно и столовой. Готовить при нулевой тяжести штука нехитрая, зато подать приготовленное блюдо так, чтобы оно и глаз аппетитно радовало, и с тарелки при первом же касании вилки не уплывало, — тут действительно искусство требуется. Сэм с этим справился, использовав тарелки с прозрачными пластиковыми крышками, которые аккуратно убирались на шарнирах. Поджарка из телятины со спагетти — знай наших. Вино, конечно, подано было в бокалах-сферах, которые следовало сжимать, как грушу.

В экипаж «Адама Смита» входили трое. Единственная женщина, инженер-связист, была женой инженера по силовым установкам. Ширококостная блондинка лет тридцати, позволившая себе набрать немного чересчур много веса. Микеланджело она пришлась бы по вкусу: крупный торс, мощные члены, — но, по нынешним понятиям, к писаным красавицам ее не отнесешь. Впрочем, муж ее, под стать жене белокурый, тоже обладал внушительной комплекцией.

Вполне достоверный факт: люди, которые очень много времени проводят в условиях низкой силы тяжести, либо позволяют себе растолстеть донельзя, либо похуданием изводят себя так, что остаются лишь кожа да кости. Как у меня. У физиологов даже есть научные термины для этого: я, как мне было сказано, агравитальный эктоморф; раздобревшая супружеская пара инженеров причислялась к агравитальным эндоморфам. Сэм, конечно, не был ни тем, ни другим. Он был — Сэм. Уникальная неугомонная личность.

Поначалу оба инженера — и толстуха, и толстяк — вызывали во мне подсознательную неприязнь, но потом я подумала о шарообразных формах маленьких Венер, которых доисторические люди вырезали из округлых, размером с ладонь, камешков. И инженеры уже не казались мне вовсе никудышными.

Третьим в экипаже был спец по товарному грузу, долговязый, темноволосый, неразговорчивый биолог. Молод и довольно красив — несколько угрюмой красотой, в глаза не бросающейся, а таящейся под спудом, словно раскаленные уголья под пеплом. Был он худ, но все же кости из него не выпирали. Я узнала, что это космическое путешествие было у него первым и, как он решительно надеялся, последним.

— Что у вас за груз? — спросила я.

Биолог не успел и рта открыть, как Сэм ответил за него:

— Черви.

Я едва вилку не выпустила. Вдруг показалось, что спагетти, которые я лихо на нее накручивала, стали извиваться, как живые.

— Черви? — машинально повторила я.

Радостно кивнув, Сэм сказал:

— Слышали о Секте Моралистов, что сооружают себе космическую колонию?

Я покачала головой, сообразив, что все эти три года была в большом отрыве от остального человечества.

— Религиозная группа, — пояснил Сэм. — Додумались, что Земля для них чересчур греховна, и взялись соорудить себе приют небесный — в собственном своем соку варящийся, сам себя обеспечивающий искусственный мир на околосолнечной орбите, точь-в-точь как ваш астероид.

— И им нужны черви? — спросила я.

— Для почвы, — изронил биолог.

Не успела я задать следующий вопрос, как Сэм снова встрял:

— Они почву мегатоннами с Луны таскают, в основном, для защиты от радиации. Не желают, понимаете ли, чтоб были зачаты двухголовые Моралисты. Ну, и сообразили: уж коли навезли столько грязи, можно ведь часть ее и под хозяйство пустить.

— Однако лунная почва стерильна, — вставил биолог.

— Точно. Питательных веществ в ней полно, всяких там химикатов, что растениям нужны. Только ни тебе земляных червей, ни пчелок, ни жучка единого, ни слизнячка, ни прочей склизкой мелкой твари, которая делает почву живой.

— И им все это нужно?

— Да. Еще как — если они собираются выращивать что-то на этой лунной почве. Иначе им пришлось бы к гидропонике прибегнуть, а это — против их религии.

Я перевела взгляд на биолога: тот кивнул, подтверждая сказанное Сэмом. Супруги-инженеры в разговоре участия не принимали, были заняты: деловито набивали рты едой.

— Не так много перевозчиков найдется, готовых отмахать пол-орбиты земной с десятью тоннами червяков и их приятелей на борту, — горделиво сообщил Сэм. — Я с Моралистами контракт подписал почти без проблем, конкуренты локтями не отталкивали. Чертовски доходное дело, между прочим, были б только червяки живы-здоровы.

— Так и есть, — уверил его биолог.

— Это наш первый перелет для Моралистов, всего шесть будет, — сказал Сэм, вновь обращая свое внимание на телятину и соус. — И все черви.

Я почувствовала, что улыбаюсь:

— Вы всегда доставляете товар лично?

— Не-а. — Сосредоточенное накручивание спагетти на вилку под пластиковой крышкой. — Просто подумал, раз перелет первый, то мне следует пролететься и все самому посмотреть. Я дипломированный космолетчик, знаете ли.

— И знать не знала.

— Ага. Потом, перелет помог мне удрать от гостиницы и конторы. Мой приятель Омар вполне управится с нею, пока меня нет. Черт его дери, управляется же он, когда я там сижу!

— А потом что будете делать?

Сэм широко улыбнулся мне:

— Я ищу новые возможности для бизнеса. Разыскиваю новые миры, новые цивилизации. Лечу себе напрямик туда, куда до меня никто не летал.

Биолог, отправляя в рот полную вилку телятины, бормотнул:

— За женщинами он гоняется.

По его смертельно серьезной физии я не могла понять, шутит он или нет.

— Стало быть, вы доставляете десять тонн червей, — сказала я.

— Точно. И почту.

— Ах, да. Мое письмо.

— Оно у меня в каюте, на мостике.

Я не удостоила ответом его улыбку. Если он полагает, что сумеет затащить меня в свою каюту и в свой спальник — «в невесомости»! — то жестоко ошибается. Вина я всего два малюсеньких глоточка сделала, после трех лет жизни отшельницей я с особым вниманием следила за тем, чтобы в дураках не оказаться. Желала быть неуязвимой и неприкасаемой.

Вообще-то Сэм вел себя почти как совершенный джентльмен. После обеда мы поплыли из кают-компания по низкому коридору, выходящему в командный модуль. Я двигалась по коридору, слегка пригнув голову, Сэм плыл впереди не закрывая рта, ни на едином миллиметре пути не прерывая рассказ о червях, Моралистах и их искусственном приюте небесном, обителях, расползающихся по всей внутренней солнечной системе, и о том, как он собирается заработать миллиарды на перевозке специфических грузов.

Каюта его оказалась всего-навсего крохотной каморкой с прикрепленным к одной стене спальником — в сущности, просто ниша, встроенная в командный модуль. В иллюминаторы мостика было видно, как над моим парящим астероидом начинает всходить Солнце. Сэм нырнул в свое логово, не сделав никаких предложений ни жестом, ни голосом, и мгновение спустя вынырнул с тяжелым, плотным, дорогим на вид, белым конвертом.

На конверт, где значилось мое имя, было наклеено несколько весьма потертых марок, их, подумала я, по пути клеили на разных почтах. В углу имелись название и адрес юридической конторы: «Шкурнер, Дральман, Убивон и Счетс», Демойн, штат Айова, США, Земля.

Ломая голову над тем, почему эта компания не отправила письмо по электронной почте, как все нормальные люди, я старалась и никак не могла надорвать конверт.

— Позвольте мне, — сказал Сэм и, взяв конверт двумя пальцами за уголок, вскрыл его малюсеньким лезвием самого крохотного из всех виденных мною перочинных ножичков.

Я вытащила единственный лист тяжелого белого пергамента, такого

жесткого, что о его края можно было руки порезать.

Письмо было обращено ко мне. Начиналось оно словами: «Позвольте уведомить вас...»

Несколько минут я билась над юридической словесной заумью, а Сэм отошел пока к пульту управления и занялся проверкой показаний приборов. Мало-помалу смысл письма дошел до меня. У меня перехватило горло. Тупая, жгучая боль комом застряла в груди.

И в тот же миг Сэм оказался рядом.

— Что такое? Ч-черт, у вас видик, будто вот-вот взорветесь! Красная вся, что твой огнетушитель!

А я от злости едва не ослепла. Сунула письмо Сэму и выдавила из себя:

— Это так и надо понимать, как я поняла?

Сэм быстро пробежал письмо, потом стал читать его не торопясь, и с каждым прочитанным словом глаза у него делались все шире и шире.

— Господи Иисусе распятый, — рывкнул он, — так они ж вас с астероида вышвыривают!

Я ни ушам, ни глазам своим не верила. Вместе мы еще с десятков раз прочли письмо. Смысл слов в нем не менялся. Я готова была взвыть. Убивать готова. Перед глазами всплыла картина: раздетые догола юристы жарятся на медленном огне, вопя о прощении, а я, хохоча, сжигаю их послание на том самом огне, что поджаривает их плоть. Я дико озираала командный модуль, ища, что бы такое швырнуть, сломать, сокрушить — все что угодно, только бы унять жуткое, жуткое бешенство, полыхавшее у меня внутри.

— Ну, сукины дети! — бушевал Сэм. — Ну, слизнячки-помощнички, паразиты!

Юристы представляли интересы фирмы «Секта Моралистов Единого Бога Истинного, Инкорпорэйтед». Письмо ставило меня в известность, что Моралисты уведомили Международный Астронавтический Совет о своем намерении снять с орбиты астероид Атен-1994-ЭА и использовать его как строительный материал для создаваемого ими обиталища.

— Они этого не сделают! — рычал Сэм, прыгая по всему мостику, словно невесомый пинг-понговый шарик. — Вы тут первая. Они не могут вышвырнуть вас, как землевладелец неугодного арендатора!

— Белый человек всегда берет земли индейцев, когда ему заблагорассудится, — прошипела я, кипя от негодованья.

Он не понял и решил, что мой замогильный шип есть признак покорности судьбе.

— Нет этого больше! Теперь — нет. И вот, — Сэм ткнул себя в грудь, — один белый человек, который на стороне краснокожих.

Он был так огорчен, так возмущен, так громогласен в проклятьях, что я чувствовала, как мое собственное негодование потихоньку остывает. Получалось, будто Сэм все мои стенания на взял себя.

— В этом письме говорится, — снова прошипела я, — что у меня нет выхода.

— Черта с два, фигу им, вы не уйдете, — выпалил Сэм. — У меня, леди, тоже юристы есть. И никто не посмеет вас за нос водить.

— Вам-то зачем во все это влезать?

Он бросил на меня молниеносный взгляд.

— Я уже влез. Влез. Думаешь, я смогу спокойно в сторонке сидеть и смотреть, как эти паразиты-Моралисты тырят твою скалу? Терпеть

ненавижу, когда какой-нибудь здоровяк старается силу свою показать на малышах.

Тут мне в голову пришло, что по крайней мере частично Сэмом движет желание вползти мне в душу. И в трусики. Он берет на себя роль бравого защитника слабых, а я веду партию благодарной слабачки, вознаграждающей героя своим несколько истощенным телом. Из нескольких слов, оброненных за обедом молчуном-биологом, из своих наблюдений за поведением самого Сэма я вывела, что у него комплекс Казановы: он жаждет обладать всякой женщиной, какую только ни встретит.

И все же — вспышка гнева в нем выглядела вполне искренней. И все же — едва увидев меня, он тут же сказал, что я прекрасна, хотя совершенно ясно, что это не так.

— Не бойся, — сказал Сэм, на лице которого застыло выражение суровой решимости, — я на твоей стороне, и уж мы сумеем отыскать способ колом воткнуть это письмо в жадное брюхо этих адвокатишек.

— Да ведь Секта Моралистов очень сильна.

— Ну, и что? Малыш, у тебя есть я. А на стороне этих жалких молящихся сукиных детей всего-то и есть, что Бог един.

Злость и растерянность все еще бродили во мне, пока мы облачались в скафандры и пока Сэм доставлял меня обратно в мое жилище на моем... нет, на *этом* астероиде. Я чувствовала, как изнутри меня сжигает бешенство, горечью исходила при мысли о том, что кто-то крадет у меня мой астероид. Они собираются разрушить его и пустить на сырье для строительства своего обиталища!

В другое время я орала бы, как сумасшедшая, и швырялась чем ни попадя, а тут уселась тихохонько на двухместный космокат, на котором мы и отчалили от шлюза Сэмова корабля. Сэма же словно распирало, из него потоком лились бахвальства, шутки, непристойные описания юристов вообще и Моралистов в частности. Он заставил-таки меня смеяться. Несмотря на все мои страхи и бешенство, Сэм рассмешил меня и убедил, что в тот момент я ничего не смогла бы сделать ни с Моралистами, ни с их юристами, а потому стоило ли из-за них узлом вязаться? К тому же мне предстояло решить задачку более животрепещущую.

Сэм. Попытается ли он соблазнить меня, едва мы окажемся в моей мастерской? А если да, то как стану вести себя я? Собственная неуверенность меня потрясала. Три года срок долгий, но даже думать о том, чтобы позволить этому мужчине...

— Адвокат у тебя есть? — раздался в наушниках моего шлема его голос.

— Нет. Я так полагаю, университет возьмется за мое дело. Юридически я ведь их служащая.

— Может, оно и так, только ты...

Голос его осекся. Я услышала, как Сэм шумно втянул в себя воздух, словно человек, увидевший нечто его потрясшее.

— Это — оно? — восхищенно выдохнул он.

Солнце косо освещало Хранитель Памяти, и высвечивало вырезанные мною фигуры выпукло и четко.

— Не закончено еще, — сказала я. — Да и едва начато, говоря по правде.

Сэм развернул космокат, и мы медленно поплыли вдоль всей

композиции. Я видела все недостатки, видела, где следует закрепить, где подправить, где улучшить. Следовало бы хорошенько поработать над оперенным змеем. *Мама Килья*, Мать-Луна, особенно груба и угловата. Но мне пришлось поместить ее туда, потому что как раз там на поверхность астероида выходила серебряная жила, а мне нужно было серебро для слез Луны.

Даже подмечая слабости и недостатки в своих фигурах, я слышала доносившееся по радио пыхтение Сэма. И опасалась, как бы он от избытка восторга не задохнулся. С полчаса двигались мы туда-сюда вдоль освещенной поверхности астероида, переплывая затем по виткам спирали на другую сторону.

Громадное преимущество космоскульптуры состоит, конечно, в отсутствии тяжести. Нет никакой необходимости в основании, постаменте, вертикальной линии, отвесе. В космосе скульптура выходит подлинно трехмерной, какой и должна быть. Я намеревалась использовать под изваяние всю поверхность астероида.

— Фантастика, — выговорил наконец Сэм и странно приглушенно звучал его голос. — Прекраснее ничего в жизни не видел. И пусть меня за яйца подвешат, если я дам этим червивым ублюдкам отхапать у тебя такое!

С того момента я и полюбила Сэма Ганна.

Верный данному слову, Сэм поручил своим адвокатам заняться моим делом. Спустя несколько дней после того, как «Адам Смит» скрылся с глаз моих, взяв курс на строительную площадку Моралистов, ко мне обратилась фирма «Киттов и Криль» из Порт-Канаверала, штат Флорида, США, Земля.

Появившаяся на экране моего коммуникатора женщина оказалась младшим партнером фирмы. Для двух старших партнеров (мужчин) мой случай интереса не представлял. Тем не менее это было лучше, чем услуга моего университета: тамошний юрисконсульт лишь вяло прошамкал, что ни прав, ни шансов у меня никаких, а посему астероид мне следует освободить незамедлительно.

— Мы добились согласия арбитражного комитета МАС рассмотреть спор, — сказала мисс Минди Рурке, эсквайр.

На мой взгляд, она выглядела слишком молодо для адвоката. Особенно меня поразили ее длинные волосы, роскошно ниспадавшие на плечи. Носить такие можно только на Земле. В тех обиталищах, где сила тяжести мизерна, все ее каштановое великолепие взрывом взметнулось бы вокруг головки.

— Значит, мне предстоит Судный день.

— В вашем физическом присутствии необходимости нет, — уведомила мисс Рурке. А затем добавила (и лицо ее слегка нахмурилось в сомнении): — Боюсь, однако, арбитраж, как обычно, будет основывать свои решения на максимуме пользы для максимума людей. Моралисты в своей обители поселят десять тысяч человек. А у вас есть только вы.

Слова ее означали, что Искусство не ставится ни во что в сравнении с утилитарной целью перемолоть мой астероид, расплавить его и пустить металл на каркас искусственного мирка, что приютит десять тысяч религиозных фанатиков, желающих навсегда покинуть Землю.

Сэм поддерживал со мной электронную связь, чуть не каждый день посылал вызов и вел разговоры со мной по часу, а то и больше. В беседах

наших места лирике не отводилось, но с каждым вызовом я любила Сэма все больше и больше. Он без конца рассказывал о своем детстве в Небраске — или то была Балтимора? Временами его баллады о детстве шли на фоне омытых дождями склонов холмов тихоокеанского Северо-Запада. То ли он ребенком без конца переезжал с места на место, то ли уже взрослым сплавил у себя в сознании детские воспоминания многих людей и сам стал считать их своими. Я никогда не пыталась узнать правду. Если Сэм считал, что все эти истории из собственного его детства, то — какая разница?

Мало-помалу недели складывались в месяцы, и я незаметно сама стала рассказывать о годах юности. О горной деревушке, уже наполовину покинутой людьми, где я родилась. О борьбе с отцом за то, чтоб разрешил мне пойти в университет, а не замуж, «как положено порядочной девушке». О профессоре, который разбил мое сердце. И о той боли, что занесла меня на этот астероид и обрекла на жизнь отшельницы.

Сэм меня ободрял. Заставлял улыбаться. Смеяться даже. Раз за разом ошарашивал меня описаниями своих предпринимательских деяний. Ему мало было владеть и управлять гостиницей «Вид на Землю», а плюс к тому вести грузоперевозки на всем просторе от околоземных орбит до Луны и дальше до новых обиталищ, сооружаемых на околосолнечных орбитах, — Сэм ко всему прочему еще втянулся в строительство туристических комплексов на Лунной Базе. И это не все: «Тут еще два парня с рекламным проектиком подвалили. Психушка какая-то, но может и сработать».

«Проектик» состоял в том, чтобы поместить рекламные изображения в ионосфере милях эдак в пятидесяти над земной поверхностью: с помощью электронных пушек распылить на такой высоте газы и заставить их светиться, словно северное сияние. «Подвалившие» к Сэму утверждали, что сумеют сделать настоящие картины, которые будут видны на целых континентах.

— При благоприятных условиях, — добавил Сэм. — Ну, там, чтоб или закат или рассвет был, когда небо с земли кажется темным, а на нужной высоте все еще солнечный свет есть.

— Не так много людей не спят на рассвете, — заметила я.

Почти целая минута прошла, пока пришел ответ на мои слова: так далеко я была от его базы на земной орбите.

— Ага, — донесся его голос наконец. — Стало быть, нужно делать ближе к закату. — Сэм криво ухмыльнулся. — А представляешь себе, как охранители окружающей среды взовьются, когда мы станем рекламные картинки пускать по всему небу?

— Изображения ведь через несколько минут угаснут, да?

Потянулись секунды, потом пришел ответ:

— Ага, точно. Нет, можешь себе представить выражение на этих мордах? Как они это возненавидят! Стоит постараться хотя бы ради того, чтоб их язва заела!

Все эти долгие недели и месяцы я едва находила в себе силы продолжать ваяние. Зачем? Чего ради? Отнимут у меня астероид целиком, в порошок изотрут, уничтожат навсегда. Я знала, что скажут арбитры Международного Астронавтического Совета: «Моралисты» — «Искусство», счет 10000:1.

Целыми днями висела я перед компьютером, впустую перебирая клавиши, набрасывала следующую группу фигур, которые лазеры должны

были бы резать в камне. Появлявшиеся на экране дисплея фигуры выглядели хилыми, неестественными, искаженными. Порой они взирали на меня укоризненно, будто это я несла им смерть.

То и дело все кончалось тем, что я принималась рисовать забавное, все в веснушках, милое лицо Сэма.

Я находила причины натянуть скафандр и выбраться в космос. Проверить лазеры. Отрегулировать силовые установки.

Переналадить датчики обратной связи. Все что угодно — только не работа. Одетыми в перчатки пальцами я гладила лица *хау-ки*, духов-защитников, изваянных мною в рудном камне с выходом металла. Горестная шутка. Хауки нуждаются в том, чтобы кто-то их защитил от ала.

Работать не работала, зато плакать — плакала. Весь мой гнев, всю ненависть мою разъедала кислота опустошенности и ожидания, ожидания, бесконечных месяцев ожидания неотвратимого Судного дня.

И тогда снова появился Сэм — так же неожиданно, как в первый раз.

Астероид мой (вместе со мною, к нему припавшей) далеко продвинулся по своей годичной орбите. Я уже различала Землю просто в слабенький телескоп, который прихватила с собою еще в те самые первые дни, когда сама себя обманывала планами посвящать свободное время в космосе изучению звезд. Даже в телескопе мир, в котором я родилась, виделся всего лишь неясным, расплывшимся полумесяцем, сиявшим королевской голубизной.

Первым намеком на то, что Сэм приближается, стало послание, принятое моим коммуникатором. Я гуляла снаружи, безо всякой пользы оглаживая свои скульптуры, а когда вошла в мастерскую и сняла шлем, то прочла на экране:

НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ, СЭМ ЗДЕСЬ. ВСТРЕТИМСЯ ЧЕРЕЗ ЧАС.

Взгляд мой скользнул по цифрам на часах: Сэм зайвится сюда через какие-то минуты! На сей раз, по крайней мере, я была одета, но выглядела, конечно, полной лахудрой.

К тому времени, когда корабль его завис на орбите свидания и насосы моего шлюза запыхтели, я уже была одета в приличный бежевый комбинезон, который Сэм прежде не видел, волосы мои были тщательно причесаны и уложены в сетку, я даже по лицу успела косметикой пройтись. Собственное отражение в зеркале изумило меня: улыбающаяся, чуть ли не жеманно лбящаяся девица, только что не школьница-несмышлениш. Даже сердце веселее застучало.

Сэм вошел, как и в тот раз, уже без шлема. Я бросилась к нему и горячо поцеловала в губы. Он ответил, как только Сэм Ганн мог ответить: издав победный клич, тут же маханул в невесомости тройное сальто. В самом прямом смысле — трижды кувырнулся ногами вперед, пронеся их над головой, и крепко прижимая при этом меня к себе.

При всех своих излишествах и напоре Сэм оказался нежным и заботливым возлюбленным. Несколько часов спустя, когда мы парили бок о бок в темнеющей мастерской и пот глянцевице поблескивал на наших обнаженных телах, он пробормотал:

— Никогда не думал, что смогу почувствовать так... таким...

Желая подсказать недостающее слово, я произнесла:

— Так сильно влюбленным?

Он коротко кивнул. В невесомости этого движения оказалось достаточно, чтобы Сэм чуточку удалился от меня. Все ж я поймала его в

объятия, и тела наши вновь слились воедино.

— Я люблю тебя, Сэм, — шептала я, будто великую тайну сообщала. — Я люблю тебя.

Он глубоко вздохнул. Я сочла это проявлением удовлетворения, счастья даже.

— Слушай, — сказал он, — тебе надо на мою коробку слетать. Те два чудика, что хотят в ионосфере рисовать, летят к обиталищу Моралистов.

— Какое отношение это имеет к...

— Тебе нужно с ними познакомиться, — настаивал он. Высвободившись из моих рук, Сэм принялся отлавливать одежду, которая невесомыми привидениями парила в сумеречных тенях. — Знаешь, как эти лицемеры-Моралисты собираются назвать свое обиталище, когда стройку закончат? Эдем! Ничего себе хуцпа²⁶, да?

Смысл последнего слова на идише ему пришлось мне объяснить. Эдем. Моралисты собирались сотворить в космосе собственный рай. Что ж, может, и получится. Только сомневалась я, что их обитель станет раем для того, кто хоть на волосок отклонится от раз и навсегда утвержденных взглядов на истину и ложь.

Мы мылись под душем, в невесомости это становится делом сложным, интимным. Сэм обмывал меня тщательно и любовно, нежно обжимая рукавицей, сочащейся пристающей к коже мыльной водой, каждый дюйм моего тела.

— Совершенная женщина, — повторял он. — Нечистый ум в чистом теле.

В конце концов мы обсушились, оделись и направились к Сэму на корабль. Но вначале он прошелся на космокате вдоль моего астероида.

— Похоже, не так-то много сделано с тех пор, как я был здесь в последний раз, — сказал он почти укоризненно.

Я рада была, что на нас скафандры и Сэм не видит, как я краснею. И безмолвствовала.

Мы удалялись от Хранителя Памяти, когда Сэм сказал мне:

— С арбитражным комитетом у адвокатов не очень получается. — В наушниках моего шлема голос его звучал непривычно устало, почти безнадежно.

— Я и не думала, что получится.

— Комитет должен вынести решение через две недели. Если решат против тебя, апелляцию подавать будет некуда.

— А они решат против меня, так ведь?

Он попытался придать голосу больше жизни:

— Ну, адвокаты выжимают из себя все до последних чертиков. Если их крючкотворство и обман не помогут, может, я смогу подкупить парочку членов комитета.

— Посмей только! Тебя в тюрьму засадят.

Сэм захохотал.

Когда мы добрались до Сэмова товарняка, то на борту корабля, пониже торчащего, словно глаз насекомого, командного модуля, я увидела выведенное огромными буквами название: «Клаус Хейсс».

— Важная шишка в экономике был, — ответил Сэм на мой вопрос. — Лет сто с гаком назад. Первый, кто предложил свободное

26 Наглость, нахальство, грубое бахвальство (идиш) — (Примем, переводчика.)

предпринимательство в космосе.

Я полагала, что писатели сделали это задолго до того, как начались космические полеты, — заметила я, направляясь к шлюзовой камере.

— Писатели, — в голосе Сэма, зазвучавшем в наушках, послышалась легкая неприязнь, — это одно. А Хейсс взялся и деньги заработал, дело в ход пустил. По-настоящему.

«Клаус Хейсс» был отделан с большим тщанием и удобствами, чем «Адам Смит», хотя и не выглядел крупнее. Столовая была роскошной, и экипаж явно ел где-то в ином месте. За столом нас сидело четверо: Сэм, я и та самая «пара чудиков», как он их называл.

Мортон Макгвайр и Т. Кагасима лично мне чокнутыми не показались. Возможно, простаки. Несомненно — энтузиасты.

— Это величайшая идея со времен создания письменности! — выпалил, обращаясь ко мне, Макгвайр, едва мы расселись вокруг стола.

Он имел в виду их идею украсить ионосферу рекламными картинками.

Громадную тушу Макгвайра бугрило и распирало во все стороны так, что металлические застёжки на его изжелта-зеле-ном комбинезоне едва не разлетались. Он походил на шар, надутый до того, что вот-вот лопнет. Гордо сообщил мне, что еще со времен, когда он играл за футбольную команду колледжа, носит прозвище «Гора-Макгвайр». После колледжа он занялся рекламой и каждый Божий день прибавлял и прибавлял в весе. Живи он на Земле, вряд ли его классифицировали бы как агравитального эндоморфа. Жирный — вот и весь сказ. До невозможности жирный.

— Просто я малый растущий, — приговаривал он счастливо, горстями запихивая еду в рот.

Другой «чудик», Кагасима, был почти так же худ, как я сама. Тихоня, хотя восточные глаза его частенько вспыхивали затаенным весельем. Никто, казалось, понятия не имел, какое имя носит Кагасима. Когда я спросила его, что стоит за начальным «Т», он лишь загадочно улыбнулся и сказал: «Зовите меня просто Кагасима — так вам будет легче». По-английски он говорил очень хорошо, и дивиться тут нечему, поскольку родился и вырос он в Денвере, в США.

Кагасима был магом электроники. Макгвайр — спецом в рекламном бизнесе. Объединив усилия, они и додумались использовать электронные пушки для создания сияющих картин в ионосфере.

— Только представьте себе, — Макгвайр торжествующе сложил свои пухлые руки так, будто выстраивал кинокадр. — Сумерки. Появляются первые звезды. Вы поднимаете взгляд, и — ПАМ! — через все небо, от горизонта до горизонта, протянулась красно-белая надпись: «Пейте Коку!»

Меня затошнило.

Зато Сэм его поддержал:

— Вроде того, как самолеты, бывало, дымом в небе буквы выводили.

— Самая настоящая небесная письменность! — горел энтузиазмом Макгвайр.

Кагасима улыбался и кивал.

— А закон позволяет, — спросила я, — писать рекламные лозунги на небе?

Макгвайр бросил на меня свирепый взгляд.

— Ни один закон не запрещает это! Адвокатишкам не отнять у нас

это чертово небо, Боже упаси! Небо принадлежит каждому.

Я перевела взгляд на Сэма:

— Адвокатишки, похоже, забирают у меня мой астероид.

В ответ он улыбнулся мне улыбкой странной, похожей на ту, что появляется на лице охотника, увидевшего, как добыча оказалась на расстоянии прицельного выстрела.

— Владение — вот девять десятых закона, — буркнул Сэм.

— Кто владеет небом? — задал вопрос Кагасима с той восточной двусмысленностью, что сходит за мудрость.

— Мы! — рявкнул Макгвайр.

Сэм лишь расплылся в улыбке, будто кот, взирающий на жирную канарейку.

По настоянию Сэма ночные часы я провела на борту корабля. Его жилище было гораздо роскошнее моего, а поскольку практически все операции в космосе проводятся по Гринвичскому Среднему Времени, никаких неудобств из-за временной разницы не предвиделось.

Каюта Сэма — это вам не ниша в командном модуле. Небольшая, но самая настоящая квартирка со спальником на молнии и встроенной душевой, где струйки воды били со всех сторон. Душевой мы попользовались, а вот спальником не пришлось. В конце концов мы заснули в невесомости, сжав друг друга в объятьях, и проснулись, мягко стукнувшись о переборку, много часов спустя.

— Надо поговорить, — сказал Сэм, когда мы одевались.

— Это означает, — улыбнулась я ему, — что ты будешь говорить, а я слушать, нет?

— Нет. Ну, может, я буду говорить больше. Но нам надо принять кой-какие решения, малыш.

— Решения? О чем это?

— О твоём астероиде. И о нескольких следующих годах твоей жизни.

Он не сказал, что мне предстоит принять решение, касающееся нас двоих. Тогда я это мимо ушей пропустила. А стоило бы уделить этому побольше внимания.

Глянув на электронные часы, вделанные в переборку прямо над спальником, Сэм сказал мне:

— Где-то через полчаса я буду говорить с Его Преосвященством Добродеем П. Дрябни, духовным пастырем Секты Моралистов. Их вождь, главный из их главарей, восседающий по правую руку Сама-Знаешь-Кого. Босс.

— Глава Моралистов?

— Точно.

— Он вызывает тебя? Это о моем астероиде?

Сэм все зубы обнажил в улыбке.

— Не-а. О его червях. Этим рейсом мы тащим еще один груз этой твари к нему в Эдем.

— С чего это глава Моралистов решил поговорить с тобой о червях?

— Похоже, червяки подхватили редкую и странную болезнь, — сказал Сэм, и улыбка его сделалась торжествующе злою, — а контракт на поставку, который Моралисты подписали со мной, содержит пункт, гласящий, что я за здоровье червяков ответственности не несу.

Я застыла, повиснув в воздухе, — как в буквальном, так и в переносном смысле.

— И какое это имеет отношение ко мне?

Подобравшись ко мне так близко, что носы наши почти соприкасались, Сэм спросил шепотом:

— согласишься нарисовать первую в мире рекламу в ионосфере? Рекламу для Моралистов?

— Никогда!

— Даже если в обмен они позволят тебе остаться на астероиде?

Ух, сколько чувств сразу резанули мне сердце! Гнев, надежда, отвращение, даже страх. Но больше всего — гнев.

— Сэм, это омерзительно! Это осквернение! Небеса превратить в рекламный плакат...

Сэм ухмылялся, но говорил он совершенно серьезно:

— Только не надо, девочка, взлетать под облака на крылатой лошадке...

— И делать это для Моралистов? — Во мне все кипело от злости. — Для людей, которые хотят отобрать у меня мой астероид и уничтожить память о моем родном народе? Ты хочешь, чтобы я помогала им?!

— О'кей, о'кей! Не лезь в бутылку, — сказал Сэм, ласково беря меня за руку. — Я только спрашиваю, что ты про это думаешь. Не хочешь — не делай, воля твоя.

Вконец взбешенная, я позволила Сэму затащить себя в командный модуль. Та же самая пара, муж-инженер и жена-инженер, расположились там у приборов — все такие же блондинистые и, как мне показалось, еще больше раздобревшие с последней нашей встречи. Узнав меня, они приветственно улыбнулись.

Сэм попросил их удалиться, и они медленно выплыли через главный люк, словно пара наполненных горячим воздухом воздушных шаров. В столовую направились, без сомнения.

Мы подобрались к пульту связи. В невесомости стулья не нужны: усаживайся прямо в воздухе и все — я руки раскинула примерно на высоте груди, словно в бассейне, когда тело на воде удерживаешь. Сэм в это время возился с приборами, налаживая связь с земной штаб-квартирой Секты Моралистов.

С полчаса потребовалось Сэму, прежде чем на экране появилось изображение владыки Дрябни. А до того по экрану прошло небольшое воинство аккуратно вычищенных-выглаженных, безупречно честных молодых людей с горящими очами, пытавшихся управиться с Сэмом. Вместо этого Сэм управился с ними.

С первым, юношей-юристом, он не церемонился: «Добро, если вы хотите, чтоб черви сдохли, так это ваши 70 миллионов долларов, не мои».

Его прямому начальнику Сэм медоточиво выговорил: «Ваш босс подписал контракт. В данный момент я всего-навсего ставлю вас в известность о наличии затруднения, как то и предписывается в пункте 22.1 раздела В».

Боссу начальника: «Хорошо! Я сбрасываю весь груз прямо здесь, посреди небытия, и тем очищаю себя от убытков. Вы этого хотите?»

Ошалевшему заместителю управителя владыки Дрябни: «Да судебное разбирательство вас на годы повяжет, дурья ты башка! Вам никогда не закончить ваш Эдем! Кредиторы его за долги заберут и «Диснейлэнд» из него сделают!»

С непосредственным начальником заместителя Сэм беседовал ласково: «Ваш босс подписал контракт. Я всего-навсего ставлю вас в

известность о затруднении, как предписано пунктом 22.1: червяки подымают, черт бы их побрал! Они чахнут, они отходят в мир иной! Помочь нам сможет только чудо!»

Что, в конечном итоге, вызвало появление на экране Его Пресвященства Добродеея П. Дрябни.

У меня этот человек вызвал неприязнь с первого взгляда. Большая часть его лица скрывалась за темной бородой и усами. Полагаю, он сам считал, что это делает его похожим на ветхозаветного патриарха. Мне он казался конкистадором, для полного сходства не хватало только сверкающего стального панциря да шлема. При случае, казалось мне, он с охотой и удовольствием сжег бы заживо весь мой народ.

— Мистер Ганн, — произнес Дрябни, дружески улыбаясь, — чем я могу вам помочь?

Сэм легко отозвался:

— У меня для вас еще десять тонн червей, как по контракту, но они умирают. Сомневаюсь, чтоб хоть кто-то из них прожил так долго, чтоб добраться до вашего обиталища.

Больше минуты требовалось, чтобы послание доходило с Земли до «Клауса Хейеса» и обратно. Дрябни время ожидания проводил, скрестив руки и молитвенно склонив голову. Сэм висел, ухватившись за ручки коммуникатора, чтобы не прыгать в невесомости мячиком. Я держалась вне поля видеообзора, но то и дело вздрагивала от приступов жгучей ярости.

— Так, черви умирают, вы говорите? А что же могло бы быть тому причиной? Первую партию вы доставили на Эдем без каких бы то ни было осложнений, если мне не изменяет память.

— Верно. А с этим грузом не все ладно. Началось, может, с того, что нам плохих червей загрузили. Может, что-то не так с радиационной защитой грузовых контейнеров. Погибают червяки. — Сэм полез в карман и достал какие-то почерневшие, скрюченные, повисохшие обрывки, бывшие некогда, по всей вероятности, земляными червями. — Вот такими все они делаются.

Я напряженно ждала все те долгие секунды, пока сигнал с сообщением добирался до экрана Дрябни. Когда картинка дошла, глаза у владыки округлились и челюсть отпала.

— Все такие? Да как это можно-то?

— Ни дьявола понять не могу. — Сэм натужно пожал плечами. — Биолог мой тоже в тупике. Может, это знамение Божье? Не хочет Он, может, чтоб вы с Земли улетали. Почему я знаю.

Когда это рассуждение Сэма дошло до Дрябни, его бородатая физия выразила еще большее замешательство.

— Я не могу поверить, что Господь способен покарать столь преданных ему. Тут злая сила постаралась.

— Так что делать-то будем? — беспечно спросил Сэм. — Мой контракт гарантирует мне полную плату за доставку. Я не несу ответственности за состояние груза после того, как ваши люди осмотрели у меня трюм и дали добро по окончании погрузки.

Сэм отключил экран и обернулся ко мне:

— Ну, малыш, ты решилась?

— Решилась на что?

— Насчет рекламы в ионосфере.

— Какое отношение его умирающие черви имеют ко мне? Или к

рекламным картинкам в ионосфере?

— Увидишь! — пообещал он. — Так, возьмешься?

— Нет! Никогда!

— Даже если этим можно спасти твой астероид?

Я была слишком зла, чтобы осмыслить это. Повернулась к Сэму спиной и в бешенстве заскрежетала зубами.

Сэм глубоко вздохнул, но когда я развернулась, чтобы еще раз взглянуть ему в лицо, он улыбался мне, — как всегда, на свой особый манер — слегка кривовато и чуть-чуть плутовато. Сказать я ничего не успела: Сэм уже щелкнул переключателем и экран засветился вновь. На сей раз сама хитрость вылепила выражение лица Дрябни: глаза сужены, губы крепко сжаты.

— Что вы предлагаете в качестве выхода из возникшего затруднения, мистер Ганн?

— Черт меня побери, если я знаю, — ответил Сэм. — Мне так думается, что вам, Ваше Преосвященство, потребно чудо.

Ему особое удовольствие доставило увидеть, какую мину скорчил Дрябни, когда ушей его достигло слово «черт».

— Чудо, говорите вы, — донесся ответ пастыря Моралистов. — А как, по-вашему, можно было бы чудо организовать?

— Ну, — Сэм кашлянул. — Я не великий знаток, как устраиваются разные религии, не знаю, слышал только, что если кто готов пойти на жертву и отказаться от чего-то, чего ему хочется и в чем он вправду нуждается, то Господь воздаст такому. Что-то там про хлебы, пущенные по водам, думается мне.

До меня стало доходить, что ничего плохого с червями Моралистов не случилось. Просто Сэм решил сделать их заложниками. Ради меня. Он идет на риск судебных разбирательств, которые могут стоить ему всего, чем он владеет. Ради меня.

Глазки Дрябни еще хитрее сощурились, чем прежде.

— Вы, мистер Ганн, случайно не еврей, ведь нет?

Губы Сэма растянулись в улыбке, обнажившей полный рот зубов.

— А вы, владыка, часом не антисемит, ведь нет?

Переговоры их длились добрых три часа, прерываемые агонизирующе долгими паузами между каждым заявлением, которое делалось высокими договаривающимися сторонами. После часового хождения вокруг да около Дрябни наконец предложил, что он (и его Секта) могли бы отозвать свое притязание на астероид, который они собирались пустить на строительный материал.

— Может, это и есть та самая жертва, которая спасет червяков, — щедро предположил Сэм.

И снова — предложения и контрпредложения, снова хождение на цыпочках и словесные баталии. Все было очень вежливо. И фальшиво. Дрябни знал, что с червями ничего не случилось. Знал он и то, что Сэму ничего не стоит открыть грузовой трюм своего корабля в безвоздушном пространстве на весь остаток пути до Эдема и тогда Моралисты получат десять тонн мертвого и высушенного праха.

И наконец:

— Если мои люди принесут такую чудовищную жертву, если мы откажемся от нашей претензии на этот астероид, столь насущно нам необходимый, что в этом случае вы сделаете для меня... э-э-э... нас?

Сэм потер подбородок.

— В группе Атен сотни астероидов, а в Аполлос еще больше. Все они пересекаются с орбитой Земли. Вы сможете выбрать себе любой другой. Не так уж и велика жертва отказаться от того куска камня, на какой вы претендуете.

Дрябни смотрел вниз, как будто на стол ему помощник подсовывал списки свободных астероидов, годных для строительства Эдема.

— Данный конкретный астероид мы выбрали потому, что орбита его ближе всего подходит к Эдему, а следовательно, для нас легче всего — и дешевле всего — захватить и использовать именно его. — Сэм еще не успел ответить, а владыка уже предостерегающе поднял руку, что свидетельствовало о превосходно развитой реакции. — Однако в интересах благотворительности и самопожертвования я готов отказаться от данного конкретного астероида. Я знаю, что некая латиноамериканка создавала на нем скульптуры. Если я... то есть если мы... позволим ей остаться и откажемся от претензий на скалу, что вы сделаете в обмен для Секты Моралистов?

Тут на лицо Сэма вернулась улыбка — совсем как у кошки, что протискивается в щелочку чуть приоткрытой двери. Я поняла, что он заранее был уверен в том, что Дрябни не пойдет на сделку, если не получит кое-что помимо доставки червей, уже им оплаченных. Моралист желал, чтобы торт его украсили кремом.

— Ну-у, ска-ажем, — протянул Сэм, — как вы отнесетесь к рекламе во славу Секты Моралистов, которая будет сиять на небе и которую видно будет от Новой Англии до долины Миссисипи?

«Нет!» — беззвучно закричала я. Не может Сэм помогать им в этом! Это же святотатство.

Однако когда предложение Сэма наконец дошло до Дрябни, глаза у владыки, и без того хитрющие, сделались еще хитрее.

— О чем это вы говорите, мистер Ганн?

Сэм вкратце поведал о намерении использовать электронные пушки для создания реклам в ионосфере. С каждым словом его рассказа глаза Дрябни делались все шире и жаднее.

Под конец бородатая физия расплылась в милостивой улыбке.

— Вы были правы, мистер Ганн. Наше положение с величайшей точностью описано в Библии: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней воздастся тебе тысячекратно».

— Значит ли это, что мы поладили? прямо спросил Сэм.

Я рванулась к нему и с такой силой хлопнула по выключателю экрана, что меня тут же подбросило вверх. Сэм поднял на меня взгляд. И следа удивления не было на его лице. Он смотрел так, будто ожидал, что я драку с ним затею.

— Ты этого не сделаешь! — воскликнула я. — Ты ж им на руку играешь! Ты не можешь....

— Ты хочешь остаться на астероиде или нет?

Я поперхнулась на полуслове и уставилась на него. Глаза Сэма, сделавшиеся сплошь серыми, буравили меня насквозь.

— Дела, девочка, именно так и делаются, — сказал он. — Тебе нужен астероид. Им нужен астероид. Я угрожаю, они знают, что моя угроза чушь и блеф, но делают вид, что изучают ее — до тех пор, пока не получат того, чего в настоящий момент у них нет. Сводится все это к тому, что ты можешь оставаться на астероиде, если Тот-Кто-Святее-Тебя получает готовой свою рекламу в ионосфере. Такова сделка. Ты на нее идешь или

нет?

Говорить я была не в силах. Слишком много ярости, слишком много путаницы. Я разрывалась, не в силах сделать выбор, и злилась на Сэма за то, что он вверг меня в эту агонию нерешительности. Да, я хотела остаться на астероиде, только — не ценой того, чтобы позволить Моралистам обесчестить небо!

Экран снова замерцал. Сэм тронул выключатель, и физия Дрябни, расплывшаяся в сальной улыбке, снова заполонила экран. С него аж сочилось жирное счастье торговца, наконец-то ударившего по рукам при продаже дрянного товара по бесстыдной цене.

— Дело сделано, мистер Ганн. Мы переосмыслим наши требования относительно приобретения данного конкретного астероида. Ваша...э-э-э... подруга — тут последовала лоснящаяся от сала улыбочка — может оставаться и тесать камень сколько душе ее будет угодно. В обмен вы поможете нам воспроизвести нашу рекламу в ионосфере.

Сэм обратил взгляд ко мне. Стоило мне отрицательно повести головой — и сделке конец. Вместо этого я — кивнула. И при этом так закусывала губу, что почувствовала во рту вкус крови.

Сэм усмехнулся, глядя прямо в экран:

— Договорились, епископ.

— Владыка, — поправил Дрябни. Затем прибавил: — Я полагаю, наш груз червей прибудет в Эдем в целостности и здравии?

— От вас зависит, — откликнулся Сэм не моргнув глазом. — И от силы молитвы.

Они премило беседовали так несколько минут, эта пара жуликов, поздравлявших друг друга. Каждый получил что хотел. Я вдруг поняла, что Сэм неплохие деньги заработает на поставке Моралистам ионосферной рекламы. Гнев мой обрел новое направление. Я чувствовала, как краснеет у меня лицо, как жаром ярости запылали щеки.

Наконец, Сэм закончил разговор с владыкой Дрябни и выключил коммуникатор. Мне показалось, что бородатый образ Дрябни так и остался на экране, даже когда тот потемнел и погас. В воображении образ продолжал гореть впечатавшейся в мозг картиной взрыва.

Сэм обернулся ко мне с улыбкой, исказившей его лицо.

— Поздравляю! Ты можешь оставаться на астероиде.

— Себя поздравляй, — произнесла я дрожащим голосом, едва сдерживаясь. — Влез в рекламный бизнес. Должен хорошую прибыль взять на испоганенном небе. Надеюсь, это принесет тебе счастье.

Я выскочила с мостика и полетела к раздевалке, где остался мой скафандр. Да, на астероиде остаться я могу и работу свою закончить тоже могу. Но любовная связь моя с Сэмом Ганном кончена. Навсегда.

Сэм поручил толстяку-инженеру препроводить меня в мастерскую: знал, что я вне себя, и понимал, что лучше оставить меня в покое.

Но ненадолго. Четыре или пять бессонных часов, пока я моталась по полутемной мастерской, словно бутылочная пробка по бурному морю, прошли, когда я увидела, как сигнал вызова на моем коммуникаторе засветился красным. Я протянула руку и включила связь.

На экране появилось лицо Сэма, виновато, по-мальчишески улыбавшегося.

— Все еще дуешься на меня?

— Нет, не очень.

Уже произнося эти слова, я поняла, что в них заключена сущая

правда. Я злилась на Дрябни и его самодовольную Моралистскую власть, злилась — по большей-то части — на себя за неумную страсть изваять Хранитель Памяти, из-за которой позволяла им делать все что угодно, лишь бы оставили меня в покое.

— Хорошо, — сказал Сэм. — Хочешь, принесу тебе что-нибудь позавтракать?

— Не стоит, думаю, — покачала я головой.

— Мне через пару часов курс менять, — сказал он. — Так, чтоб я эту жестянку с червяками смог на Эдем забросить.

— Я знаю.

Он оставит, покинет меня, и я не стану причитать и винить его, коли он никогда не вернется. Все же в тот момент для меня было невыносимо, чтобы он оказался рядом, коснулся меня. Только не теперь. Не так скоро после сделки, которую он заключил. Я знала, что он сделал это ради меня, хотя знала и то, что собственных причин у него тоже хватало.

— Послушай... Могу кого другого попросить сварганить рекламки для Моралистов. Тебе не придется этого делать.

Он хотел со мной по-доброму обойтись, я знала. Но гнев мой не стихал.

— Не имеет значения, кто нарисует картины, Сэм. Беда в том, что реклама заполонит небеса. Для них реклама. Вот что мне отвратительно.

— Я для тебя это делаю, девочка.

— И для своих барышей, — вспыхнула я. — Говори уж всю правду.

— Ну, так, мешок денег можно заработать, — согласился Сэм. — Тебе не придется больше уповать на университетские гранты.

— Никогда! — Я даже плюнула.

— Это, — Сэм усмехнулся, — по-нашему. Узнаю любимую. Согласись ты, я, пожалуй, огорчился бы. Но спросить все равно был обязан, обязан был дать тебе первую пристрелку на деньги.

Деньги. Искусство и деньги всегда оказываются повязаны друг с другом, хоть ты что делай. Художник должен есть. Дышать должен. А на это требуются деньги.

Все же я упрямо отказывалась поддаваться искушению. Я не стану помогать Дрябни похабить небо над всем миром его рекламками. Никогда.

Во всяком случае, так я считала.

События последующих недель разворачивались так стремительно, сейчас я уже не совсем точно помню, с чего все началось. Кто кому что делал. Только одно запомнилось совершенно точно: Дрябни и не помышлял выполнять свою часть обязательств по сделке, заключенной им с Сэмом, да так никогда их и не выполнил.

Я снова оказалась одна и страшно скучала по Сэму. Три года прожила я в полном одиночестве, не проронив ни слезинки и не издав ни единой жалобы. Даже лелеяла свое уединение, свободу от необходимости приспособливать собственное поведение к ожиданиям других. Сэм ворвался в мою жизнь брызжащим весельем, фейерверком, светящиеся искры которого разлетались во все стороны. И теперь, когда он ушел, исчез, я скучала по нему. Боялась, что больше вообще его не увижу, знала, что если он меня забыл, то виновата в этом я сама.

Нежданно-негаданно мое печальное одиночество было нарушено прибытием отряда из двух дюжин инженеров-силовиков, снабженных всеми официальными бумагами, что давали им право отбуксировать мой

астероид к Эдему, где его готовы были разбить и использовать в качестве стройматериала для обиталища Моралистов.

Недолго думая я вызвала Сэма по коммуникатору. Выяснилось, что он находится на другом конце орбиты, пролежавшей вокруг Земли. Червей своих он на Эдем доставил и теперь возвращался обратно на Луну забрать электронные компоненты для новой строительной площадки в точке либрации Л-4.

В те дни еще не было передающих станций на околоземной орбите. Сигнал моего вызова должен был одолеть помехи от солнечной короны. Изображение Сэма, когда он появился на экране моего коммуникатора, мерцало и вспыхивало взрывчатыми точками света, как старая голограмма.

Едва он поздоровался, как я тут же выпалила в него мою скорбную повесть единым залпом несдерживаемой ярости и страха.

— Они грабастают мой астероид! — закончила я. — Говорила я тебе, что им нельзя верить!

Впервые на моей памяти Сэм стал молчалив и задумчив. Я видела, как менялось — по мере того, как до него доходили мои слова — выражение на его лице: от легкого любопытства до ошеломляющего потрясения, а затем гнева, от которого сжимались зубы.

Наконец он произнес:

— Не ложись на дно и не замирай. Мне понадобится паратройка часов, чтоб разобраться в этом. Я тебя вызову.

Прошло почти сорок восемь часов. Я места себе не находила, а чувства мои маятником шарахались от желания спрятаться и вообще удрать куда-нибудь до порыва врубить один из высокомошных лазеров, которыми я резала скалы при ваянии, да и превратить весь этот инженерно-силовой отряд в кровавый фарш.

Тысячу раз пыталась я связаться с Сэмом во время умопомрачительных часов ожидания. Но всякий раз попадала либо на члена экипажа его корабля, либо на служащего из его штаб-квартиры в гостинице «Вид на Землю». И всякий раз они передавали мне одно и то же: «Сэм сообщает, чем вам можно помочь. Просил передать, что соединится с вами, как только сумеет все привести в порядок».

Когда он — наконец-то! — вышел на связь, я была измотана до крайности и готова для смиренной рубашки.

— Кажись, ничего хорошего, — произнесло его колеблющееся изображение сквозь плотно сжатые губы. И не дожидаясь моих расспросов, Сэм обрисовал создавшееся положение.

Его Преосвященство Добродей П. Дрябни (как выяснилось, это «П» его второго имени означало Правдивец!) поймел нас с Сэмом обоих. Моралисты и не подумали отозвать свой иск из арбитражного комитета МАС, а комитет вынес решение в их пользу, как того Дрябни и ожидал. Моралисты обрели право забрать мой астероид и пустить его на стройматериалы.

Хуже того, Сэмов груз червей был доставлен на Эдем в превосходном для земляных червей осклизло-извивающемся здравии. А что еще хуже — Сэм подписал контракт на производство ионосферных реклам для Секты Моралистов. Сделка была заключена и оформлена со всей нерушимой законностью и обязательностью постановления всемирного съезда.

— Если я не проскочу с этими рекламами, — сообщил Сэм странно угрюмым тоном, — червяки могут подать на меня в суд, где отвечать мне

придется всем, чем я владею. Кончится тем, что они заграбастают мою гостиницу, мои корабли, даже те тряпки, какими я задницу прикрываю.

— Хоть что-нибудь мы можем предпринять? — взмолилась я к его изображению на экране.

Текли длинные-длинные безответные минуты, пока слова мои пробивались почти через 300 миллионов километров, разделявшие нас. Я невесомо парила перед экраном, зависнув посреди неухоженной своей мастерской, и чувствовала, как снаружи с буханьем и клацаньем отряд силовиков прилаживает мерзкие свои ракетные тягачи и ядерные двигатели к моему астероиду. Я чувствовала себя женщиной, окруженной насильниками, беспомощной и одинокой.

Я так напряженно всматривалась в Сэмово изображение на экране коммуникатора, что у меня глаза заслезились. И тогда я поняла, что плачу.

Но вот после агонии, что казалась долгой как вся жизнь, на лице у Сэма появилась робкая улыбка.

— Понимаешь, помнится, как-то я комикс видел, еще мальчишкой. Он в журнале с девчушками нарисован был.

Я едва сдержалась, чтобы не завопить на него. Какое это имело отношение к моим бедам? Но он спокойно продолжал, криво усмехаясь воспоминаниям, зная, что любые мои возражения долетят до него не раньше чем через четверть часа.

— Там нарисованы были два мужика, прикованные к стене подземной тюрьмы футах в десяти от пола. Цепями прикованы за руки и за ноги. Бородищи у обоих до колен отросли. Полный беспросвет. А один из дедов... — Сэм и в самом деле рассмеялся: — ... один из дедов, понимаешь, лыбится, как сумасшедший, и говорит другому: «А теперь слушай, что я придумал».

Я чувствовала, как и воздух сам собою наполняет легкие, готовясь воплем прогнать его через мою глотку в ответ на эту чушь.

— А теперь, прежде чем ты лопнешь от злости, — предупредил Сэм, — позволь сказать тебе две вещи. Во-первых, в этом деле мы с тобой вместе. А во-вторых... слушай, что я придумал.

Он говорил не останавливаясь полтора часа. Я не то что возразить — словечко вставить не могла.

Вот так и получилось, что я стала рисовать первую картину в ионосфере Земли.

Сэм все время рассчитывал, что я нарисую ему рекламные картины. О другом художнике он даже и не думал. «С чего это какому-то чужаку все деньги должны доставаться?» — таков был его настрой.

Пока силовики оснащали мой астероид своими ядерными ракетными системами, а корабли-доставщики тащили с Луны сферические баки с газообразным топливом, Сэм передал от владыки Дрябни грубые наброски того, как должны выглядеть ионосферные рекламы.

Все они оказались фотографиями самого Дрябни, облаченного в одежды чистойшей белизны, с райскими золотыми облаками позади него и намеком на нимб, осенявший его святую голову.

Я бы эту мерзость тут же выкинула, если бы не была посвящена в замысел Сэма.

Время нужно было выбрать абсолютно точно. Первую рекламу намечалось разместить над среднезападной частью Соединенных Штатов,

где она была бы видна, очень приблизительно, от Огайо до Айовы. Если все пойдет так, как предсказывали Гора-Макгвайр и Т. Кагасима, изображение станет медленно перемещаться на запад вслед уползающему с земной поверхности дню (или ночи).

Сэм самолично прибыл ко мне в день демонстрации первого рекламного изображения. Прилетел он на самом последнем и самом большом из своих грузовозов — «Лессич Фейре», который сам шутливо именовал «Ленивая Фея».

Астероид мой уже находился на пути к Эдему. Инженеры-силовики подсоединили последние баки с топливом, включили свои системы и оставили меня одну медленно скользить по космическому пространству — под действием небольшой, но постоянной тяги ядерных ракет — на свидание с Эдемом. Через несколько дней они собирались вернуться, окончательно выверить курс и снять меня с астероида навсегда.

Вошедший в мою мастерскую Сэм выглядел настоящим злодеем-проказником. А улыбка у него была прямо-таки дьявольская. Кавардак в моей берлоге царил еще больше прежнего: наброски рекламных картинок, да и все другие мои наброски и зарисовки вперемешку с компьютерными дискетами невесомо парили в воздухе.

— Как ты только тут отыскиваешь, что тебе надо? — спросил, оглядываясь, Сэм.

Я оставалась за мольбертом, позади него, если быть точной. Получалось что-то вроде предохраняющего меня щита. Не стоило бросаться Сэму в объятия, как бы на самом деле мне ни хотелось сделать это. Не могла позволить ему думать, будто снова жажду стать его любовницей в обмен на оказанную им помощь. Не могла избавиться от этой мысли, тем более, что она была очень близка к истине.

Он же никоим образом не выказал стремления получить подобное вознаграждение. Глянул только на меня лукаво и спросил:

— Тебе и вправду хочется пройти через это?

— Да! — выпалила я, не колебавшись ни на миг.

Сэм глубоко вздохнул.

— Добро. Ты играешь — я в игре. Юристы все попроверяли. Так что — делаем.

Я выскользнула из-за мольберта и перебралась к компьютеру. Сэм встал рядом и включил мой пульт управления. Следующие полчаса поглотила деловая суэта: я проверяла, все ли в порядке с картиной, Сэм связывался с Макгвайром и Кагасимой.

— Я рад, что они присобачили ракеты и прочий хлам на тот конец астероида, где ты не успела ничего наваять, — бормотал Сэм, пока мы работали. — Это ж просто преступлением было бы раздолбать все, что ты уже натворила.

Я коротко кивнула, не смея, не позволяя себе взглянуть ему в глаза. Он был так близко, что едва не касался моего плеча. Я ощущала тепло его тела, сама покрываясь холодной испариной от тревожного предвкушения.

Работая единой бригадой, связанной через сотни миллионов километров, Сэм, Макгвайр, Кагасима и я нарисовали первое изображение высоко в ионосфере Земли. С моего компьютера картина шла к батарее электронных пушек, установленных на той же орбитальной станции, где помещалась Сэмова гостиница. На экране коммуникатора я видела, как изображение разворачивалось над срединной частью Северной Америки.

Непорочная Дева Анд.

У меня не было ни желания, ни намерения украшать небеса надутыми елейными чертами Дрябни. Такой чести *Norte Americanos* вообще не заслуживали. Вместо этого я взяла образ из собственного сердца, из своих детских воспоминаний о суровой росписи, украшавшей выбеленные стены нашей деревенской церкви.

Вам должно быть понятно, что годы прошли, прежде чем я сама увидела свое творение так, как то и полагалось, то есть с земли. До того дня я довольствовалась тем, что показывалось на маленьком экране моего коммуникатора, а там я видела Непорочную в обратном изображении, как будто с улицы смотрела на витраж в окне собора.

Все были захвачены врасплох. Некоторые ошалевшие гринго пытались фотографировать картину, которая внезапно появилась на заходе солнца над их головами, но ни одна из фотографий не передавала ни истинного размера, ни размаха, ни даже подлинных цветов моей Непорочной Девы. Цвета особенно трудно было уловить — в каждый миг они были так нежны, так сияющи, так тонко переливчаты. Пока телестудии соображали, что произошло, пока снаряжали свои передвижные установки новостей, Непорочная растаяла во тьме ночи.

По всей Северной Америке прокатился шквал ошеломляющего удивления. Затем слух о нем пронесся по всему миру.

Ионосферные изображения видны, конечно, лишь на протяжении немногих драгоценных минут закатных сумерек. Стоит Солнцу скрыться за горизонтом, как чувствительные электрические эффекты, порождающие нежную цветовую дымку, мигом прекращают действовать, и все изображение пропадает в никуда.

За исключением того, что информация, создавшая картину, сохраняется в памяти компьютера, *gracias a Dios*. Много лет спустя, когда возвращение на Землю больше ничем мне не грозило, я дала разрешение университету изобразить Непорочную в небесах моей собственной родины. Тогда-то я и увидела ее такой, какой ее предлагалось видеть всем. Это было прекрасно, прекраснее всего, что создано мною с тех пор.

Впрочем, до того еще были годы и годы. В тот же день мы с Сэмом смотрели, как исчезает во тьме моя Непорочная Дева, и он повернулся ко мне с сиявшей от счастья улыбкой.

— Ну, — сообщил он радостно, — теперь держись! Дерьмо полетит как из пушки, из всех стволов вдарят.

Так и случилось. Практически каждый юрист в солнечной системе оказался вовлечен в иски, встречные иски и встречные иски. Дрябни со своими Моралистами утверждали, будто Сэм нарушил контракт. Сэм отбивался, доказывая, что контракт специально предусматривает предоставление ему художественной лицензии, — и оказывалось, слова эти действительно употреблялись в каком-то подподпункте где-то на предпоследней странице толстого юридического документа. Индустрию рекламы будто гром и молния поразили одновременно. Защитники окружающей среды от полюса до полюса возмущенно возопили и ринулись в суд, что побудило художественных Критиков и весь аппарат «изящных искусств»: музеи, журналы, благотворительные ассоциации, общественные клубы, богатых жертвователей и даже правительственные организации — встать на защиту одной-единственной молодой художницы, имени которой никто из

них прежде и не слыхивал — Элверды Апачета. Меня!

Сэм и я не очень-то много внимания уделяли всей этой юридической возне. Мы плыли на моем астероиде мимо полузаконченного Эдема Моралистов и дальше, далеко-далеко от орбиты Земли. Сэмова «Ленивая Фея» была битком набита топливом для ядерных ракет, установленных на Хранителе Памяти. Сэм мелким бесом прошелся по компьютерной программе силовиков, после чего мой астероид направился в дальний космос, за орбиту Марса, за пределы пояса, где пролегали орбиты миллионов его братьев и сестер-астероидов.

Когда же инженеры Моралистов попытались приблизиться и перехватить «своего» беглеца, Сэм весело и озорно уведомил их:

— Данный объект является покинутым — в соответствии с определением, закрепленном в правилах космической торговли МАС. Направляется он в дальний космос, и любая попытка перехватить его или изменить его курс будет расценена МАС и мировым правительством как акт пиратства!

К тому времени, когда адвокаты Моралистов пришли к убеждению, что Сэм всего-навсего блефовал, мы успели продвинуться столь быстро и столь далеко, что Дрябни счел за благо отказаться от попыток вернуть себе мой астероид. Хранитель Памяти вышел за пределы пояса астероидов, полдюжины инженеров-силовиков были уволены Моралистами (и тут же взяты на работу в компанию «С. Ганн Энтерпрайзиз, Инкорпорэйтед»), а Сэм и я провели больше года вместе.

— Вот так я и стала знаменитой.

Элверда Апачета слегка улыбнулась, словно кто-то наградил ее комплиментом, которого она не заслуживала.

— Хотя я и скульптор, все же публике известна своей единственной картиной. Как Микеланджело росписью свода Сикстинской капеллы.

— А Сэм? — спросила журналистка. — Вы сказали, что он больше года провел с вами на вашем астероиде?

Тут художница рассмеялась, глубокий грудной смех ее был богат оттенками.

— Знаю, знаю, звучит странно и вообразить трудно, чтобы Сэм задержался на одном месте дольше двух дней кряду, не говоря уж о 380 днях. Но — так было. Он оставался со мной все эти дни.

— Это... необычно.

— Не забывайте только, что половина юристов солнечной системы разыскивала Сэма. Для него было самое время пребывать неведомо где. К тому же он хотел собственными глазами взглянуть на пояс астероидов. Возможно, вы припомните, что там он сколотил и потерял не одно состояние.

— И там он умер, — сказала корреспондентка.

Погруженная в воспоминания Элверда Апачета медленно кивнула.

— Бурное то было время, когда мы ютились в тесной моей мастерской. Обоих нас одолевали и иные демоны: Сэм намеревался стать первым предпринимателем, ведущим дела на поясе астероидов...

— И стал им, — тихо заметила девушка-репортер.

— Да, стал. А у меня была своя работа. Мое искусство.

— Его ценят и любят повсюду.

— Вероятно, так, — согласилась художница, — только я до сего времени получаю заказы воспроизвести Непорочную Деву Анд. Теперь,

что бы я ни сделала, картина эта будет следовать за мною вечно.

— Хранитель Памяти — самое популярное из всех внеземных произведений искусства. Каждый год тысячи и тысячи людей устраивают паломничество на него. Ваш народ никогда не будет забыт.

— Возможно, еще больше туристов отправлялись бы посмотреть на него, будь орбита ниже, — задумчиво произнесла Элверда Апачета. — Сэм ее так рассчитал, что Хранитель Памяти проскочил пояс астероидов, вернулся в окрестности Земли и был заброшен на высокую орбиту, около двенадцати тысяч километров. Ближе Сэм подводить боялся: говорил, что вычисления не абсолютно точны и астероид мог бы врезаться в Землю.

— Тем не менее повсюду его считают святым местом поклонения и одним из величайших творений искусства, — сказала журналистка.

— До которого людям не так-то легко добраться. — Чистое чело Элверды Апачета покрыла легкая тень недовольства. — Я обращалась к МАС с просьбой перевести астероид на более низкую орбиту, поближе к орбите туристических гостиниц, но пока что они ничего не предприняли.

— Но вы же знаете, как медлительна бюрократия, — сказала журналистка.

Скульптор вздохнула:

— Остается только надеяться, что я проживу достаточно долго, чтобы они успели принять решение.

— Моралисты пробовали снова захватить ваш астероид?

— О нет. И в том состояла вся прелесть Сэмова замысла. Загнав Хранитель Памяти на такую высоко-скоростную орбиту, Сэм сделал слишком дорогим для Моралистов удовольствие пуститься за нами вдогонку. Они вопили, они подавали прошения в суд, но в конце концов удовлетворились другим астероидом из группы Атен. Даже не одним, насколько мне помнится.

— И Сэм покинул вас, когда вы все еще оставались в поясе астероидов?

Она ответила с печальной улыбкой:

— Да. Мы ссорились без конца, разумеется. Получилось не совсем свадебное путешествие или медовый месяц. Наконец, он отправился на свой корабль и стал исследовать кое-какие из открытых нами астероидов поменьше. Заявил, что хочет официально зарегистрировать приоритет на их открытие. «Это единственный способ для меня вписать свое имя в книги истории» — так он мне сказал. С тех пор я его больше не видела.

— Вообще больше никаких контактов?

— О, мы связывались по коммуникатору. Часы в беседах проводили. Но ко мне он так и не вернулся. — Элверда Апачета отвела глаза от девушки-репортера, обратившись к единственному в комнате отдыха иллюминатору, где черноту космоса сменило голубое величие Земли. — В какой-то мере я была этому даже рада. Сэм был начинен энергией — я тоже. Мы не созданы были для того, чтобы очень долго оставаться вместе.

Корреспондентка ничего не сказала. Долго тянулись минуты, когда в комнате слышен был только легкий шорох воздуха, поступающего по вентиляционным трубам.

— Когда я разговаривала с ним в последний раз, — прервала молчание Элверда Апачета, — у него было предчувствие смерти.

Журналистка почувствовала, как все тело ее напряглось.

— В самом деле?

— О, в этом не было ничего мрачного или головолomного. Такое не в натуре Сэма. Просто он попросил меня когда-нибудь сделать его статую — точь-в-точь таким, каким я его запомню, не пользуясь ни фотографиями, ни чем бы то ни было еще в качестве модели. Исключительно по памяти. Сказал, что хотел бы иметь такую статую своим памятником, когда его не станет.

— Его статуя на Луне!

Скульптор кивнула.

— Да. Я сделала ее из лунного стекла. Вы видели?

— Она прекрасна!

— И совсем не похожа на Сэма, — рассмеялась Элверда Апачета. — Он вовсе не был высоким, неустрашимым первопроходцем со стиснутыми челюстями и стальными глазами. Но именно таким он желал быть, и, знаете ли, немного странно, но — при всем своем нескладном и невеликом теле — именно таким он и был на самом деле. Потому я создала статую такой.

И она засмеялась. Невесел был ее смех — сквозь слезы.

Джеймс Боллард

ВОЕННАЯ ЛИХОРАДКА

© James Ballard. War Fever. F&SF, October 1989

Перевод М. Митько

Мечта о перемирии впервые явилась Райану в сражении за бейрутский Хилтон. Необыкновенное видение мирного города непрошенно скользнуло в дальний уголок его сознания. Весь день перестрелки вспыхивали то на одном этаже разгромленного отеля, то на другом. Бой на баррикаде из наваленных друг на друга ресторанных столов в одном из некогда шикарных переходов поглощал Райана всецело, не давая думать ни о чем другом. Ближе к концу дня Аркадий и Михаил подобрались к портику, где засел последний снайпер роялистов. Райан их

прикрывал — он стоял во весь рост и стрелял, молясь про себя за сестру, Луизу, сражавшуюся в другом отряде христианского ополчения.

Потом стрельба прекратилась, и капитан Гомес махнул Райану, чтобы тот спускаться в вестибюль. Райан поднял голову: с крыши портика, бывшего на пятнадцать этажей выше, сыпалась штукатурка. В лучах солнца цементная пыль преобразилась — в центр зимнего сада, на точную копию тропического острова опускалось сияющее облако. Миниатюрная искусственная лагуна была полна колотого камня, сломанной мебели, выброшенной с верхних балконов. Но несколько тамариндов и экзотических папоротников уцелели. На секунду этот покинутый рай озарился сверкающей пылью, как декорации, чудесным образом уцелевшие среди развалин взорванного театра. Райан смотрел на опадающее сияние, думая, что, может быть, однажды вся пыль Бейрута опустится белым голубем и наконец накроет молчанием пушки.

Но облако послужило более практической цели. Спускаясь за капитаном Гомесом по лестнице, он увидел, как два вражеских ополченца ползут по-пластунски через лагуну — их мокрая униформа оставляла отчетливый след в пыли. Потом он и Гомес стреляли в них: солдаты оказались в ловушке; и долго еще расстреливали в щепки тамаринды, когда те двое уже лежали без движения — кровь расплылась по мелководью. Возможно, они пытались сдаться, но хроника о зверствах роялистов во вчерашней передаче положила конец всяким надеждам. Как все молодые бойцы, Райан убивал за идею.

Но все равно после каждого сражения этим летом в Бейруте Райан ошалело молчал в перерывах между боями. Сейчас он готов бы даже поверить, что тоже погиб. Другие бойцы его взвода стаскивали тела убитых к гостиничной стойке. Трупы врагов сфотографируют для листовок, листовки потом с самолета разбросают в Южном Бейруте над укреплениями роялистов. Стараясь сфокусировать взгляд, Райан смотрел на крышу портика — струйки пыли все еще сыпались с металлических балок.

— Райан! Что ты? — Доктор Эдварс, медицинский наблюдатель ООН, ободряюще хлопнул его по плечу. — Увидел чего там?

— Нет, там — ничего. Я в порядке, доктор. Странное было сияние...

— Наверняка новая бомба. У роялистов на вооружении фосфорные бомбы. Дьявольское оружие, надеемся, их запретят.

С гневным лицом доктор Эдвардс водрузил на голову голубую бронированную каску войск ООН. Райану было приятно видеть такого отважного, пусть немного наивного, человека, скорее похожего на степенного молодого священника, чем на врача. Он постоянно находился на линии фронта как обычный солдат. Доктор Эдвардс мог бы спокойно практиковать в своей Новой Англии, но он предпочел посвятить себя людям, гибнущим на забытой гражданской войне здесь, на краю света. У семнадцатилетнего Райана завязались теплые отношения с доктором Эдвардсом. Он делился с ним всеми своими переживаниями — рассказывал о сестре, о тете и даже о своих неразделенных чувствах к полевому командиру пункта связи христиан, лейтенанту Валентине.

Доктор Эдвардс всегда относился к нему с вниманием и симпатией, и Райан часто эксплуатировал добрую натуру врача, выуживая информацию о мельчайших переменах в военном союзе — миротворческие силы ООН контролировали ситуацию. Иногда Райана тревожило то, что доктор Эдвардс слишком долго находится в Бейруте. Он стал болезненно

любопытен к жестокости и смерти. Уход за ранеными и умирающими будто удовлетворял какие-то его глубинные извращенные наклонности.

— Посмотрим-ка на несчастных. — Доктор Эдвардс увлек Райана к гостиничной стойке, где лежали тела врагов — их оружие и личные письма были аккуратно сложены у ног с беспощадной живописностью. — Повезет — можно будет сообщить родственникам.

Райан рванулся вперед, мимо капитана Гомеса, бормотавшего перед безучастной фотокамерой, и опустился на колени возле самого молодого солдата, темноглазого подростка с лицом херувима в громоздкой маскировочной куртке интернациональной бригады.

— Ангел? Ангел Порруа?.. — Райан коснулся упругих щек пятнадцатилетнего испанца. Они ходили с ним купаться на пляжи Восточного Бейрута.

Еще в прошлое воскресенье они вышли в море на заброшенной лодке и проплыли целых полмили, пока их не вернул флотский патруль ООН. Райан вдруг понял, что последний раз видел Ангела в зимнем саду, ползущим среди обломков в воде искусственной лагуны. Может быть, тот узнал Райана на ступеньках и пытался сдаться, а они с капитаном Гомесом открыли огонь.

— Райан, — рядом присел доктор Эдвардс, — Ты знаешь его?

— Ангел Порруа. Но он в Бригаде, доктор. Они же за нас...

— Уже нет, — заученным жестом доктор сжал плечо Райана. — Вчера вечером они сговорились с роялистами. Извини, они действительно предатели.

— Нет, Ангел был на нашей стороне...

Райан встал и пошел прочь. Он шагал сквозь пыль и обломки к островку посреди зимнего сада. Искромсанные тамаринды все еще цеплялись корнями за камни — хорошо, если доживут до зимних дождей, которые прольются сквозь пробитую крышу. Райан обернулся на тела роялистов — незваные гости, нашедшие свой конец у этой гостиничной стойки, оружие сложено рядом.

А что если бы и живые тоже сложили оружие? Представить только, солдаты всего Бейрута кладут винтовки на землю, и. туда же личные медальоны, фотографии сестер и подруг: каждая кучка — скромный жертвенник перемирию.

Перемирие. В Бейруте это слово почти совсем забыто. Об этом думал Райан, сидя на заднем сидении джипа, — капитан Гомес вел машину к христианскому сектору города. Вдоль дороги тянулись бесконечные вереницы разрушенных строений. Некоторые здания превратились в опорные пункты — их стальные решетки были залеплены плакатами и лозунгами, нечеткими фотографиями убитых женщин и детей.

С самого начала войны, тридцать лет назад, в Бейруте проживало более полумиллиона человек, и среди них — его дед с семьей, — один из многих американцев, оставивших преподавание в школах и университетах ради того, чтобы сражаться на стороне христианского ополчения. Со всего мира сюда стекались добровольцы: наемники и идеалисты, религиозные фанатики и безработные телохранители. Здесь они сражались и умирали — за ту или иную из враждующих группировок.

Под грудами мусора в глубине своих бункеров они еще умудрялись создавать семьи и растить детей. Родителям Райана не было и двадцати, когда они погибли. Тогда националисты расстреляли своих пленных, пообещав им безопасный выезд на Кипр. Только благодаря доброте

индийского солдата войск ООН Райан остался жив — тот нашел младенца и его сестру в заброшенном доме и потом как-то отыскал их тетю.

Как ни трагична история конфликта, за Бейрут стоило драться — за живой город с торговыми улицами, магазинами, ресторанами. Церкви и мечети были полны прихожан — тогда они еще не превратились в груды черепицы под открытым небом. Теперь гражданское население исчезло — осталось несколько сотен вооруженных защитников, чьи семьи скрывались в развалинах. Силы ООН снабжали их продовольствием, но на тайные поставки оружия и амуниции они закрывали глаза, боясь ненароком нарушить свой нейтралитет, принять чью-либо сторону в этом конфликте.

Бесцельная эта война так затянулась, что даже мировые агентства новостей перестали интересоваться ею. Иногда в каком-нибудь обвалившемся подвале Райан находил старый номер «Таймс» или «Пари Матч» с фотографиями уличных боев, с репортажами об «агонии в Бейруте» — тогда к городу было приковано внимание всего мира. Теперь это всем надоело, только отряды потомственных ополченцев все еще сражались за контроль над руинами.

Когда машина проезжала мимо останков правительственной радиостанции, из подвального окна открыли стрельбу — короткими автоматными очередями.

— Тормози, капрал! Давай с дороги! — не выпуская пистолет, капитан Гомес другой рукой выхватил руль у Аркадия и вывернул джип на старый автобус. Сидя за спустившим задним колесом, Райан поглядывал на круживший в небе самолет наблюдателей. Он ждал, пока Гомес отыщет стрелка — какому-то сумасшедшему националисту, наверное, вздумалось мстить за брата или другого родственника. Националисты размещались в бейрутском аэропорту, в бетонной пустыне, поросшей бурьяном, куда уже десять лет не приземлялся ни один самолет. В центре города они показывались редко.

Случись перемирие, это произошло бы где-то здесь, на старой Зеленой Линии, на нейтральной территории, разделяющей враждующие стороны — христиан преимущественно на северо-востоке, националистов и фундаменталистов на юге и на западе, роялистов и республиканцев на юго-востоке; бойцы интербригады контролировали окраины. На самом деле, карта города постоянно перекраивалась командирами разных рангов в результате бартерных операций. Джип можно было обменять на грузовик помидоров, шесть ракетных установок — на видеомагнитофон.

Какой выкуп потребуется за перемирие?

— Очнись, Райан. Пора двигаться. — Гомес вернулся с пленником, им оказался засевший на радиостанции пугливый двенадцатилетний мальчик в форме националистов с чужого плеча. Держа его за спутанные волосы, Гомес втолкнул мальчишку в кузов джипа.

— Райан, присмотри за этим зверенышем — он кусается. Мы повезем его на допрос.

— Хорошо, капитан. И, если что, мы сторгуем его за пару новых видеокассет.

Мальчик со связанными руками бился от злости и страха. Ткнув его прикладом, Райан вдруг поразился собственным чувствам. Как ни мечтал он о перемирии, сейчас он испытывал истинную ненависть к этому недоростку. На ненависти и держится война. Даже доктор Эдвардс был

заражен этим, и не он один. Райан уже видел эти горящие глаза наблюдателей ООН, охотящихся с фотоаппаратом за жертвами очередных зверств, или за полуживыми свидетелями жестокой контратаки — подобно жаждущим исповеди священникам. Можно ли победить ненависть, если она сидит в каждом? Боже, он и сам ощутил это, когда узнал, что Ангел Порруа был за националистов.

Этим вечером Райан отдыхал на балконе у тетушки Веры, глядя на гавань Восточного Бейрута. Он смотрел на сигнальные огни морского патруля ООН и обдумывал план перемирия. Стараясь забыть о сражениях этого дня, о смерти Ангела, он слушал болтовню Луизы из кухни — ее живой голос перекрывал поп-музыку, передававшуюся местной радиостанцией.

Балкон был по существу его спальней — Райан спал здесь на подвесной койке, скрытой от посторонних глаз бельевыми веревками и фанерным домиком, который он еще мальчиком смастерил для своего кролика. Райан без труда мог найти для себя отдельную квартиру — в доме их пустовало много, но ему нравилась теплота семейной жизни. Эти две комнаты и кухня были его первым и единственным домом.

Молодая пара из дома напротив недавно усыновила мальчи-ка-сироту, его плач напомнил Райану, что у него-то, во всяком случае, есть родные. В Бейруте кровное родство стало редкостью. Девушки-солдаты редко задумывались о материнстве, а большинство детей были сиротами войны. Райан удивлялся — откуда только берутся эти малыши? Каким-то образом невидимая семейная жизнь продолжалась — в подвалах, в палаточных городках на бейрутских окраинах.

— Это новый сынишка Рентонов. — Сестра вышла на балкон, расчесывая длинные до пояса волосы — туго стянутые в строгий пучок, они целый день томились под военной фуражкой, — Жаль, что он часто плачет.

— Во всяком случае, смеется не реже, — Райану пришла в голову интересная мысль: — Скажи, Луиза, может ли быть ребенок у нас с лейтенантом Валентиной?

— Ребенок? Тетя, вы слышали? И что же думает Валентина?

— Понятия не имею. Так сложилось, что я с ней никогда не говорил.

— Я думаю, дорогой, ты должен спросить ее. Может, она перестанет быть эдакой элегантно надменной особой.

— Только на пару секунд. Она очень горда.

— Пары секунд достаточно, для ребенка. Или она настолько особенная, что даже не уделит тебе двух секунд?

— Она совсем особенная.

— Кто? — Тетя Вера вышла проветрить их военные куртки, любуясь выросшими детьми. — Ты обо мне говоришь, Райан, или о своей сестре?

— О куда более особенном создании, — вставила Луиза. — О женщине его мечты.

— Вы обе женщины моей мечты.

И это на самом деле было правдой. Мысль о том, что с ними может что-то случиться, страшила Райана. На улице под балконом выстроился ночной патруль — они проверяли свое снаряжение — автоматы, гранаты, ящики с минами-ловушками и детонаторами. Каждый боец — машина-убийца и отправляется на охоту за чьей-то тетей или сестрой на таком же балконе под покровом бейрутской ночи.

Санитары ООН стали меньше выдавать ампул с морфином. Несмотря на все спасенные жизни, Райан иногда негодовал на «голубые каски». Они ухаживали за ранеными, давали деньги и кров потерпевшим, искали новых родителей для детей-сирот, но больше всего они заботились о своем нейтралитете. Они окружили город — ни войти, ни выйти, — и до известной степени контролировали происходящее в Бейруте. В принципе, они бы смогли остановить войну, — но доктор Эдвардс неоднократно говорил Райану, что любая попытка миротворческих сил соответствовать своему имени неизбежно приведет к военному вмешательству других стран и, соответственно, к дестабилизации обстановки на всем Ближнем Востоке.

Вот война и продолжалась.

Ночной патруль двинулся по улице — шесть солдат по одной стороне, шесть — по другой. Они шли на звуки стрельбы.

— Ушли, — сказала тетя Вера. — Пожелай им удачи.

— Почему? — тихо спросил Райан. — Для чего?

— Что ты имеешь в виду? Райан, всегда ты нас чем-нибудь да шокируешь. Ты что, не хочешь, чтобы они вернулись?

— Хочу, конечно, но зачем тогда вообще уходить? Могли бы здесь остаться.

— Это бред. — Сестра положила ладонь на лоб Райана. — Тебе пришлось тяжело в Хилтоне, мне Аркадий говорил. Помни, за что мы сражаемся.

— Я стараюсь. Сегодня я помог убить Ангела Порруа. За что он сражался?

— Ты серьезно? Мы сражаемся за то, во что мы верим.

— Но никто ни во что не верит! Подумай, Луиза! Роялисты не хотят короля, националисты втайне надеются на раскол, республиканцы пытаются сговориться с наследным принцем Монако, христиане — все в основном атеисты, а фундаменталисты не могут сойтись ни в одном из фундаментальных вопросов. Мы сражаемся и умираем за ничто.

— А?.. — Луиза указывала щеткой на ооновский наблюдательный пост. — Ты про них не сказал. Во что они верят?

— Мир. Гармония мира. Прекращение войны во всем мире.

— Тогда ты, может быть, к ним присоединишься?

— Да, пожалуй... — Райан отбросил военную куртку и свесился с перил балкона.

Голубые каски, как тусклые фонари, отсвечивали в сумерках.

— Может, нам всем присоединиться к ООН?

— Да, Луиза, каждый должен надеть голубую каску.

И так родилась мечта.

В следующие дни Райан занялся разработкой этой простой, но революционной идеи. Главное ему было понятно, но он знал, что воплотить это в жизнь будет трудно. Сестра скептически отнеслась к его затее, а приятели из взвода просто недоумевали.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, — заявил Аркадий, когда они сели перекурить в укрытии на Зеленой Линии. — Но если все станут ооновцами, кто же будет воевать?

— Аркадий, в этом-то и все дело... — Райан уже готов был сдаться. — Ты только подумай. Снова будет чистота и порядок. Ни патрулей, ни парадов, ни военных учений — ничего этого больше не будет. Мы станем

сидеть на травке у Макдональдса и жевать гамбургеры, а каждый вечер — на дискотеку.

Люди будут гулять по улицам, ходить по магазинам, сидеть в кафе...

— Звучит это как-то странно...

— Ничего странного. Начнется жизнь. Так раньше было здесь, а в других местах — так люди и сейчас живут.

— Где?

— Ну... — Это был трудный вопрос.

Подобно другим солдатам Бейрута, о внешнем мире Райан мало что знал. Сюда не приходили газеты, иностранные теле- и радиостанции глушились другими отрядами, чтобы не допустить ни малейшего влияния со стороны. Несколько лет Райан проучился в школе ООН, в Восточном Бейруте, основным источником информации о «Большой Земле» служила ему подшивка журналов сорокалетней давности, которую Райан нашел в заброшенном доме. В журналах мир представлялся погрязшим в раздоре — жестокие войны во Вьетнаме, Анголе, Иране. Возможно, эти конфликты — еще более страшные подобию бейрутской войны, — продолжают и до сих пор.

Может быть, всему миру стоило бы надеть голубые каски? Эта мысль очень понравилась Райану. Если бы у него получилось устроить перемирие здесь, в Бейруте, тогда бы движение за мир распространилось на Африку, Азию. Каждый бы бросил свое оружие...

Как ни отмахивались его приятели, Райан упорно доказывал свое каждому встречному солдату. И всегда чувствовал подспудный интерес к своим словам, но одно обстоятельство очень мешало его пропаганде. Плакаты о зверствах, телехроника о разгромленных церквях снова и снова будоражили религиозные чувства, к тому же воду мутили всякого рода расисты и антимонархисты.

Прорваться через этот пропагандистский заслон Райану, конечно, было не по силам. Но случайно он открыл неожиданно действенное оружие — юмор.

Во время патрулирования гавани Райан рассказывал товарищам о своей мечте — о лучшем Бейруте. Когда их бригада проходила мимо командного пункта ООН, Райан, не задумываясь, взял с планшетного стола одну из оставленных там касок, снял свою фуражку цвета хаки и надел выкрашенный лазурью котелок себе на голову.

— Эй, посмотрите на Райана! — закричал Аркадий.

Началась веселая возня, ее прервали Михаил и Назар.

— Больше никакой борьбы, у нас теперь есть свои миротворческие силы!

Под одобрительные присвистывания Райан маршировал в голубой каске взад-вперед, но потом все стихли. Райан заметил, каска подействовала умиротворяюще — и на него самого, и на товарищей. Под этим впечатлением он присел у берега в пяти сотнях ярдов от центрального поста фундаменталистов.

— Райан, осторожно! — Михаил бросился за ним, но остановился — капитан Гомес подкатил на джипе к ограде порта. Все смотрели, как Райан свободно шагал вдоль берега, не боясь вражеских снайперов, которым кишели здания офисов. Он был на полпути к центральному пункту, когда показался сержант фундаменталистов, размахивая временным пропуском. Решив не испытывать дальше судьбу, Райан помахал в ответ и повернул обратно.

Когда он подошел к своим, все обступили его с новым уважением. Аркадий и Назар в голубых касках даже проигнорировали появление Гомеса — тот с угрожающим видом вышел из своего джипа. Примчался доктор Эдвардс с командного поста ООН.

— Я займусь этим, капитан, — попытался он смягчить Гомеса, — командование не станет налагать взыскание. Я знаю, Райан просто валял дурака.

Объяснить все доктору Эдвардсу оказалось гораздо легче, чем ожидал Райан. Они расположились в наблюдательном пункте — доктор Эдвардс сам попросил познакомить его с планом перемирия.

— Это замечательная идея, Райан, — явно увлеченный открывающимися возможностями, доктор Эдвардс казался едва ли не легкомысленным. — Не уверен, что это сработает, но попытаться стоит.

— Главная цель — перемирие, — подчеркнул Райан. — А присоединение к силам ООН — это только средство, но не конечная цель.

— Конечно. И ты думаешь, люди наденут голубые каски?

— Немногие, но и этого нам достаточно. Постепенно присоединятся и другие. Все устали от войны, доктор, а ничего другого здесь нет.

— Знаю, Райан. Это ужасное место, Бог свидетель. — Доктор Эдвардс потянулся через стол и сжал Райану руку, пытаясь передать ему собственные силы. — Я должен посоветоваться в Секретариате ООН в Дамаске, обсудить, насколько реальна твоя идея. Давай называть это добровольными силами ООН.

— Точно. Добровольцы голубых касок. Тогда не придется опять принимать чью-то сторону или предавать своих. И со временем все окажутся в добровольцах.

— ... А война просто иссякнет. Замечательная идея, только странно, что до этого никто не додумался раньше, — Доктор Эдвардс внимательно посмотрел на Райана. — Тебе кто-то помогал? Кто-нибудь из раненых, бывший офицер?

— Нет, никто, доктор. Это пришло ко мне само, из-за всех этих смертей...

Доктор Эдвардс на неделю уехал в Дамаск — посоветоваться с начальством, а тем временем события развивались гораздо быстрее, чем Райан мог себе представить. Повсюду расхаживали бойцы в голубых касках. Все началось с шутки, родившейся в христианском отряде, а отчасти по оплошности наблюдателей ООН. Патрулируя Зеленую Линию, Райан увидел машину роялистов — солдат был в голубом берете. Через несколько дней уже в каждом отряде был свой шутник, носивший голубую каску или берет.

— Райан, полюбуйся, — позвал капитан Гомес из командного пункта в вестибюле телестанции. — Отвечать придется тебе...

Через улицу, возле покореженного «мерседеса» роялистский солдат в голубом берете беззаботно грелся на солнышке, откинувшись в шезлонге и положив ноги на стол.

— Совсем обнаглели... — Гомес вскинул ружье и прицелился, что-то бормоча себе под нос, потом отдал винтовку Райану. — Ему повезло — мы здесь слишком заметны. Пусть пока загорает.

Это была победа, и не последняя. Тут, конечно, сыграла свою роль и глубокая многолетняя усталость. К возвращению доктора Эдвардса каждый десятый в отряде, по подсчетам Райана, носил голубую каску или

берет. Звуки орудий все еще сотрясали ночное небо, но ружейные выстрелы, казалось, звучали реже.

— Райан, в это трудно поверить, — сказал доктор Эдвардс, когда они встретились у поста ООН в порту. Он подошел к карте, исчерченной лабиринтами границ и оборонных позиций, — сегодня на Зеленой Линии не зарегистрировано ни одного серьезного инцидента. На севере от аэропорта даже установилось перемирие де-факто — между фундаменталистами и националистами.

Райан смотрел на море — солдаты из христианского отряда ныряли с понтона. Корабли ООН стояли близко от берега, не опасаясь больше шального выстрела.

— Мы плавали туда с Ангелом, — мечтательно произнес Райан, будто это было вчера.

— И сплаваете еще, с Назаром и Аркадием, — доктор Эдвардс обнял его за плечи. — Райан, ты сотворил чудо!

— Да... — Райан чувствовал себя как человек, выигравший главный приз в лотерее. На солнце стоял грузовик ООН, полный людей в голубой униформе. Было дано разрешение на формирование добровольной дружины ООН: они остаются служить в своих отрядах, но не будут носить оружие, и могут применять его только в целях самообороны. Идея прочного мира постепенно становилась реальностью.

С тех пор как Райан в первый раз надел голубую каску, прошло всего шесть недель, а в Бейруте уже воцарилось перемирие. Пушки везде молчали. Объезжая город с капитаном Гомесом, Райан изумлялся переменам. Солдаты без оружия сидели на ступеньках «Хилтона», бывшие противники братались на террасе здания парламента. Магазины вдоль Зеленой Линии поднимали жалюзи, а у здания почты образовался даже небольшой рынок. Дети высыпали из подвалов и играли среди обгорелых автомобилей. Женщины сменили военную форму на пестрые платья — это было первым признаком оживающей красоты Бейрута.

Даже лейтенант Валентина ходила в черной кожаной юбке, с помадой на губах в тон яркой блузке, на элегантно причесанной головке красовался лихо заломленный голубой берет.

Капитан Гомес остановил джип у ее командного поста и снял голубую каску в знак уважения.

— Господи! Ну, это ли не сенсация, Райан?

— Да, безусловно, — благоговейно согласился Райан, — как я мог осмелиться даже подойти к ней?

— Что? — Гомес перехватил его восторженный взгляд. — Да я не о лейтенанте Валентине, она тебя проглотит на завтрак и даже не облизнется, я говорю о сегодняшнем футбольном матче.

Он указал на свежий плакат, наклеенный поверх треснутого стекла витрины:

«Сегодня в три часа состоится встреча футбольных команд националистов и республиканцев, первая игра недавно образованной Бейрутской Футбольной Лиги.

Завтра — христиане против фундаменталистов.

Судья — полковник Мугаб из интербригады. Игра обещает быть захватывающей...»

С каской под мышкой Гомес соскочил на землю и подошел к плакату.

Тем временем Райан во все глаза смотрел на лейтенанта Валентину.

Без униформы она казалась еще великолепней, автомат «узи» висел у нее на плече, как модная сумочка. Взяв себя в руки, Райан вышел из машины и направился к ней. Пусть ест его на завтрак, и на обед, и на ужин тоже — на здоровье.

Лейтенант Валентина обратила к нему свой царственный взор, заинтригованная восхищением этого застенчивого молодого человека. Но прежде чем Райан успел сказать слово, за телестанцией прогремел мощный взрыв. Землю тряхнуло, и ударная волна прокатилась по городу. На дорогу посыпалась каменная кладка, а в небо поднялось черное облако от пожара, вспыхнувшего в эпицентре взрыва, где-то на юго-западе от христианского сектора. Трехметровый секироподобный осколок вывалился из витрины, прорвав футбольную афишу, и разлетелся у ног Гомеса. Кликнув Райана, Гомес бросился к машине. Раздался следующий взрыв, теперь в Западном Бейруте, в секторе фундаменталистов. Грозди сигнальных ракет вспыхивали по всему небу, звуки начавшейся стрельбы слились с гудками машин, громкоговорители призывали к оружию.

Райан замешкался, отряхивая пыль с куртки. Лейтенант Валентина исчезла в укрытии, где ее люди уже наводили прицел пулемета.

— Капитан, что это за бомба?.. Откуда?

— Нас предали, Райан, — наверняка роялисты сговорились с наци, — Гомес дал Райану подзатыльник и толкнул в джип. — Все эти байки о мире... Старая как мир приманка, и мы тоже на нее попались...

Однако случилось нечто худшее, чем предательство. Вооруженные солдаты заполнили улицы, занимая позиции в зданиях и укреплениях. Все кричали одновременно, стараясь перекрыть грохот боя. Мощные бомбы были установлены с расчетом на панику, растерявшиеся новобранцы стреляли в воздух — для храбрости. Сигнальные ракеты падали на город в каком-то непонятном четком порядке. В пыли среди обломков валялись брошенные голубые береты и каски.

Добравшись до дома тети, Райан застал там доктора Эдвардса с двумя ооновцами.

— К сожалению, Райан, слишком поздно.

Райан хотел пройти в дом, но доктор Эдвардс удержал его за руку. Внимательнее взглянув на этого издерганного человека, Райан вдруг понял, что на весь Бейрут лишь у него, Райана, на голове еще красовалась голубая каска, если не считать наблюдателей ООН.

— Доктор Эдвардс, я должен позаботиться о Луизе и тете. Они наверху.

— Нет, Райан, их нет там. Боюсь, они ушли.

— Куда? Господи, я же велел им оставаться здесь!

— Их взяли в заложники. С первым взрывом была десантная облава, мы и не заметили, как они появились и исчезли.

— Кто? — Недоумевающий и испуганный, Райан дико оглядывал улицу. Солдаты уже строились в подразделения. — Это роялисты или наци?

— Не знаем. Конечно, это трагично. Уже зарегистрированы страшные зверства. Но Луизу и тетю Веру тронуть не посмеют, они знают, кто ты.

— Их схватили из-за меня... — Райан взял в руки каску и посмотрел на отполированный голубой котелок: он чистил свою каску, чтобы она сияла ярче всех остальных в Бейруте.

— Что ты собираешься делать, Райан? — Доктор Эдвардс взял каску

из его рук. С окончанием спектакля реквизит становится ненужным. — Тебе решать. Если захочешь вернуться в свой отряд, мы пойдем.

За спиной доктора ооновец держал автомат Райана. При виде оружия и стальных наконечников пуль в нем вспыхнула забытая ярость, застарелая ненависть. Столько лет все они были ее пленниками. Ему захотелось выйти на улицы, отыскать похитителей сестры и тети и отомстить им.

— Ну что, Райан?.. — Доктор Эдвардс смотрел на него с любопытством естествоиспытателя, будто Райан был лабораторной крысой на особо важном этапе какого-то опыта. — Ты собираешься драться?

— Да, я буду драться... — Райан надел голубую каску, — но против войны. Я организую новое перемирие, доктор.

И тогда он увидел направленный на него ствол своей собственной винтовки. С холодным спокойствием доктор Эдвардс сжал запястья юноши, но только через несколько минут Райан осознал, что на него надели наручники и взяли под арест.

С час они ехали на юго-восток, мимо покинутых фабрик и палаточных городков, останавливаясь по дороге у постов ООН. С заднего сиденья бронированной машины Райан смотрел на развалины. В небе расплзался дым. Стрельба стихла. Остановились, чтобы немного размять ноги, но и тогда доктор Эдвардс уклонился от разговоров. Райан предположил, что доктор подозревает его в причастности к заговорщикам, нарушившим перемирие, может, доктор вообразил, что затея с перемирием была частью хитрого плана и Райан просто воспользовался доверием молодежи...

Они миновали вторую полосу заграждений, опоясывающих город, и вскоре въехали в ворота военного лагеря, разбитого у пустовавшего санатория. Ряды палаток оливкового цвета занимали большое пространство. На крыше санатория поднимался лес радиолокаторов, тарелки телеантенн были обращены на северо-запад: все следили за Бейрутом.

Машина остановилась перед самой большой палаткой, которая была похожа на госпиталь, но там, в зеленой прохладе, не было видно пациентов, — тут размещался огромный склад оружия. Ряды высоких столов были завалены карабинами, автоматами, уставлены ящиками с гранатами и снарядами. Сержант ООН ходил вдоль гор оружия, что-то пометая в списке, будто хозяин магазина, подсчитывающий выручку.

К складу примыкала большая комната, похожая на зал тelenовостей. Наблюдатели стояли у карты, передвигая цветные полосы и звезды, сверяясь со стоящими рядом мониторами.

— Можете идти, капрал. Теперь я за него отвечаю. — Доктор Эдвардс взял у солдата ружье и провел Райана в отгороженный брезентовым пологом кабинет.

Сквозь пластиковую пленку окон была видна примыкающая комната, где две женщины работали у печатного станка, раскладывая копии плакатов. На увеличенном снимке было изображено очередное зверство республиканцев — трупы женщин, расстрелянных в подземном гараже.

Увидев этот отвратительный плакат, Райан понял, почему доктор Эдвардс до сих пор избегает его взгляда.

— Доктор Эдвардс, я не знал о бомбе и о внезапном обстреле. Поверьте...

— Верю, Райан. Все хорошо, попробуй успокоиться, — сухо сказал доктор, будто разговаривая с капризным пациентом. Положив ружье на стол, он снял с Райана наручники. — Теперь ты вне Бейрута. Для себя ты действительно добился перемирия.

— Но... тетя, сестра?

— Они вне опасности. В этот самый момент, — доктор Эдвардс посмотрел на часы, — их доставили на пост ООН возле стадиона.

— Слава Богу. Не знаю, как же так вышло. Все хотели перемирия...

Райан оторвался от плакатов, безостановочно вылетающих из печатной машины и подхватываемых тонкими руками работниц. К брезентовой стене были приколоты фотографии молодых парней и девушек в военной форме, снятых врасплох около основных наблюдательных пунктов. В самом центре висел большой портрет Райана. Собранные вместе, они напоминали обитателей психиатрической клиники.

Два санитара прошли мимо двери, толкая груженную винтовками тележку.

— Доктор, это оружие — его конфисковали?

— Нет, оно прямо с завода и направляется на поле битвы.

— Значит, война идет не только в Бейруте, — эта новость привела Райана в отчаяние. — Весь мир охвачен войной.

— Нет, Райан. Во всем мире спокойно. Оружие производят только для Бейрута. Винтовки спрячут в грузовике с апельсинами и провезут в город.

— Зачем? Это сумасшествие, доктор! Его перехватят ополченцы!

— В том-то и дело. Нам нужно, чтобы у них было оружие, и нам нужно, чтобы они продолжали воевать.

Райан хотел возразить, но доктор Эдвардс строго указал ему на стул.

— Успокойся, Райан, я тебе все объясню. Но вначале скажи, ты когда-нибудь слышал о болезни под названием оспа?

— Какая-то страшная лихорадка. Ее больше нет.

В общем-то да. Пятьдесят лет назад Комитет Территориального Оздоровления развернул широкую кампанию по ликвидации этой страшной бациллы, настоящей убийцы, погубившей десятки миллионов жизней. Над программой вакцинации работали врачи и члены правительств всех стран. Вместе они покончили с этой заразой.

— Я рад, доктор, — если бы то же самое мы могли сделать с войной.

— Да, и в принципе мы это сделали. Люди теперь не боятся оспы и могут путешествовать по всему миру. Но вирус сохранился в древних захоронениях и на кладбищах. На случай, если он объявится опять, мы храним запасы вакцины и сможем защитить людей и подавить эпидемию.

Доктор Эдвардс небрежно разрядил ружье Райана, обнаружив отличное умение обращаться с оружием, чего Райан никак не ожидал от него. Польщенный удивлением Райана, доктор Эдвардс назидательно улыбнулся ему, как учитель, все еще сохранивший привязанность к обленившемуся ученику.

— Сама по себе бацилла оспы постоянно мутирует. Мы должны быть уверены, что запасы вакцины соответствуют современным требованиям. Всемирная организация здравоохранения позаботилась о том, чтобы инфекция не исчезла совсем. В дальней стране третьего мира они специально позволили оспе развиваться, чтобы иметь возможность наблюдать мутации вируса. Там, к сожалению, люди продолжают умирать. Но это — в интересах всего человечества. Только таким образом

мы всегда будем готовы к внезапной эпидемии.

Райан смотрел через пластиковые окна на карту Бейрута, на мониторы с изображением уличных боев. Хилтон опять горел.

— А Бейрут, доктор? Вы наблюдаете здесь другой вирус?

— Так и есть, Райан. Вирус войны, если угодно — военного духа. Вирус не физический, а психологический, гораздо опаснее оспы. Во всем мире — мир, Райан. Уже тридцать лет нигде не было войны. Нет армий и воздушных сил, все споры решаются путем переговоров и компромиссов. Никто и не думает о войне, ведь нормальной матери не придет в голову убить своего ребенка, если он ее разозлит. Но мы всегда должны быть готовы. Вдруг объявится очередной Гитлер или Пол Пот — мы должны быть готовы к любым неожиданностям.

— И все это вы можете сделать здесь? — Райан ухмыльнулся. — В Бейруте?

— Думаю, можем. Нам нужно знать, что заставляет людей воевать, что заставляет их ненавидеть друг друга до такой степени, чтобы убивать. Мы должны понять, как управлять их эмоциями, как подавать информацию, что стимулирует агрессию, как использовать религиозные чувства и политические интересы. Нам нужно знать даже, насколько сильно их стремление к миру.

— Достаточно сильно, доктор, может быть, даже еще сильнее.

— У тебя — да. Ты расстроил наш план, Райан, поэтому мы изолировали тебя, — доктор Эдвардс проговорил это без сожаления, будто в глубине души завидовал упорству, с которым юноша отстаивал свою мечту. — Тебе оказана особая честь, но эксперимент должен продолжаться — нам надо изучать этот ужасный вирус.

— А бомбы этим утром? Внезапный обстрел?

— Бомбы разместили мы, и старались при этом, чтобы никого не ранило. Мы всех снабжаем оружием и делали это всегда. Мы печатаем провокационные материалы, мы монтируем эти ужасные плакаты.

— Но все эти годы, доктор, — Райан думал о бывших товарищах по оружию, о тех, кто пал на его глазах в пыли и обломках, кто умер, спасая жизнь раненых друзей. — Ангел и Мойша, Азиз... Сотни погибших!

— От оспы тоже умирают только сотни. А тысячи миллионов живут. Это себя оправдывает, Райан. Мы многому научились с тех пор, как тридцать лет назад построили Бейрут.

— Все рассчитали — Хилтон, телестанцию, Макдональдс?..

— Все, даже Макдональдс. Архитекторы ООН смоделировали типичный город мира — Хилтон, систему отелей, стадион, торговый центр. Сюда со всего мира были свезены сироты и подростки всех рас и национальностей. Сначала мы должны были раскатать эту машину — в командный состав воевавших сторон были внедрены сержанты и офицеры войск ООН. Мотор завелся, и машина заработала сама по себе, не требуя почти никакого вмешательства.

— Достаточно пары жутких фотографий... — Райан встал, надевая патронташ. Что бы ни думал он о докторе Эдвардсе, оставалась реальность гражданской войны, и он это признавал.

— Доктор, мне надо обратно в Бейрут.

— Уже поздно, Райан. Если тебя пустить обратно, ты сорвешь нам весь эксперимент.

— Все равно мне никто не поверит, доктор. Я должен найти сестру и тетю Веру.

— Она не сестра тебе, Райан, не настоящая сестра. А Вера — не тетя. Они, конечно, этого не знают и думают, что все вы — одна семья. Луиза — дочь французских исследователей, ее родители погибли в Антарктике. Вера была подкидышем, она выросла в монастыре под Монтевидео.

— А я?..

— Ты? Твои родители жили в Новой Скотин, в Галифаксе. Когда тебе было три месяца, они погибли в автокатастрофе. К сожалению, есть еще смерти, которые мы не в состоянии предотвратить.

Доктор Эдвардс хмуро посмотрел сквозь пластиковое окно на карту Бейрута. Дежурный сержант сидел за огромным дисплеем, самозабвенно вкалывая флажки, означающие стычки и перестрелки. Все собрались у мониторов. Офицер энергично замахал доктору Эдвардсу, и тот поспешил из кабинета. Райан уставился на свои руки, пока те двое переговаривались, и не заметил, как доктор вернулся за каской и пистолетом.

— Они сбили самолет-наблюдатель. Мне нужно идти, Райан, — бой выходит из-под контроля. Роялисты захватили стадион и теперь штурмуют пост ООН.

— Стадион? — Райан вскочил, его ружье было с ним, охраняя его по дороге из Бейрута. — Там моя сестра и тетя! Я с вами, доктор!

— Райан, все разваливается. Мы, похоже, поджигали один и тот же фитиль много раз. Ополченцы открыто стреляют в наблюдателей, — доктор Эдвардс остановил Райана на пороге. — Я знаю, ты беспокоишься, ты прожил с ними всю жизнь. Но они не...

— Доктор, это моя сестра и тетя... — Райан оттолкнул его.

Через три часа они были у стадиона. По дороге в город Райан смотрел на пелену дыма, протянувшуюся далеко в море. Под покровом этой черной мантии, что подсвечивалась вспышками от неутомимой деятельности саперных команд всех воюющих группировок, вереница машин ООН продвигалась по улицам города. Райан сидел во втором грузовике рядом с доктором Эдвардсом, но они едва слышали друг друга за воем ракетных установок. Райан понял, что разговаривать с доктором ему не о чем, он думал только о заложниках в осажденном пункте ООН. То, что война в Бейруте оказалась строго рассчитанным экспериментом, его уже мало беспокоило. Это было где-то в мертвой зоне его понимания, в черной дыре, откуда не исходило ни света, ни мыслей.

Наконец они остановились возле поста ООН в порту Восточного Бейрута. Доктор Эдвардс побежал к радиорубке. Райан ослабил ремешок каски. Он чувствовал и свою долю вины в этом бедствии — волна жестокости захлестнула город. Крысы в военной лаборатории жали на знакомые рычаги — спусковые крючки винтовок и пушек, — получая свою порцию ненависти. Его мечта о мире ошеломила их, как впервые попробованный наркотик, сбивала их с толку, и теперь они были во власти неистовой ярости...

— Хорошие новости, Райан. — Доктор Эдвардс стучал в лобовое стекло, приказывая водителю ехать, — христианский десант отбил стадион!

— Что с сестрой, с Верой?

— Не знаю. Во всяком случае, силы ООН снова могут действовать. Надеюсь, что все скоро будет нормально.

Позже, стоя в темном помещении склада под бетонными трибунами,

Райан вспомнил это злое слово. Нормально?..

Вспышки фотокамер освещали тела двадцати заложников, лежащих у дальней стены. Луиза и тетя Вера находились между двумя ооновцами — отступая, роялисты расстреляли всех. Уступчатый потолок был забрызган кровью, будто невидимая публика, рассеявшаяся на трибунах, чтобы поглазеть на разрушение города, тоже стала истекать кровью. «Да, — поклялся Райан, — кровь зальет весь мир».

Фотографы убрались, оставив Райана с Луизой и Верой. Скоро их изображения разбросают по разбитым улицам, расклеют на стенах уцелевших домов.

— Райан, уходим; мы должны успеть, пока не началась контратака. — Доктор Эдвардс появился из полумрака. — Я сожалею, Райан, они как-никак были тебе родственниками.

— Да, были...

— В любом случае, они помогли нам многое понять. Мы должны знать, где кончается терпение людей. — Доктор Эдвардс с досадой махнул в сторону тел. — В любом случае, это печально.

Райан снял каску и положил ее к ногам. Открыв затвор, он зарядил винтовку круглой стальной пулей. Он сожалел только о том, что доктор Эдвардс не лежит рядом с Луизой и тетей. Стрельба стихла, но она еще продолжится. За несколько месяцев он сможет объединить воюющих в одну силу. Райан уже думал о мире за пределами Бейрута, об этой огромной лаборатории с миллионами покорных подопытных, не готовых к опаснейшей инфекции, сконцентрированной здесь.

— Не в любом, доктор. — Он навел на доктора винтовку. — В любом случае — существует еще целое человечество.

Джек Уильямсон

ЭРА ПТИЦ

Джек Уильямсон дебютировал в «F&SF» в 1958 г. С тех пор вот уже в течение тридцати лет его произведения не сходят со страниц журнала. Джек Уильямсон по-прежнему остается в числе ведущих американских авторов.

Сегодня мы предлагаем читателю один из последних, самых сильных его рассказов.

© Jack Williamson. The Bird's Turn.

F&SF, Oct/Nov 1992

Перевод К. Афанасьевой

Сибирский грипп надвигался с севера с ужасающей быстротой; самый смертоносный из всех штаммов в истории человечества. Последний шанс остановить его был связан с человеком по имени Хьюго Ле Мойен. Я работал тогда научным корреспондентом в старушке «Нью Йорк Таймс» и специально приехал в Атланту, чтобы увидеть его. Он должен был выступать главным докладчиком на симпозиуме по вирусным

болезням в центре борьбы с эпидемическими заболеваниями.

Когда я позвонил, он явно колебался, но в конце концов согласился встретиться со мной у себя в отеле. Застенчивый и рыжеволосый, он выглядел скорее как защитник из какой-нибудь университетской футбольной команды, нежели как исследователь Центра Джона Хопкинса, и показался мне до странности неуверенным в себе, когда я задал ему свой вопрос, действительно ли он изобрел радикальное средство против вируса.

— Возможно. Он пожал плечами. — А возможно, и нет.

Замкнутый вначале, он постепенно разговорился. Вообще-то он избегает репортеров, но для меня сделал исключение, так как ему приходилось слышать мое имя. Разоткровенничавшись, он признался, что испытывает некоторый мандраж перед выступлением.

— Я не чувствую уверенности. — Он раскрыл портфель, достал оттуда бутылку пшеничного виски и, хлебнув пару раз, продолжил: — Что я действительно нашел — надеюсь, что это так — новый подход в иммунологии. В лаборатории он действует неплохо. В целом он выдержал все пробные испытания на животных, но, признаться, я ждал от него большего. Я рассчитывал на еще один месяц перед конференцией. Но из-за сибирской эпидемии Крэнли сдвинул срок в надежде, что нам удастся найти оружие для борьбы с ней. Поэтому определенно пока не могу ничего обещать.

Мне захотелось узнать подробнее. Взяв с меня обещание никому ничего не показывать, он вручил мне оттиск своего доклада. Вирус гриппа был паразитирующей ДНК, объяснил он, достаточно умной, чтобы проникать в человеческие клетки и способствовать размножению новых испорченных ДНК.

— Клины клином вышибают. — В мальчишеском одушевлении он взмахнул стаканом и доверчиво сообщил: — Я сконструировал ловушку. Подсадная молекула, полученная из самого вируса. Она притягивает сразу две болезнетворных, связывает их и, поделившись, образует две новые «подсадки».

— Если это подтвердится, — восхищенный, я поднял свой стакан за него, — ведь это новая эра в медицине!

— Только ничего не давайте в печать, — предупредил он меня. — Во всяком случае до тех пор, пока я не услышу, что на все на это скажет Нордман.

— Нордман? — Я крайне удивился. — Эрик Нордман?

— Наш ведущий авторитет в вирусологии. — Хьюго утвердительно кивнул. — Он в курсе. Его решение позволит перейти к клиническим испытаниям. Или зарежет проект.

Помрачнев, он добрые полминуты разглядывая доньшко стакана. Затем продолжал.

Я защитился и занимался исследовательской работой у него в лаборатории, в Альбукерке. Я восхищался им, и за это время многому научился. Потом случилось так, что моим главным интересом стал антивирусный агент. Тогда Нордман отвернулся от меня. Я никогда не мог понять почему. — Он снова посмотрел на меня. — Вы знакомы с ним?

— Был, много лет назад.

Он молча отхлебнул пару раз.

— Когда-то он был моим лучшим другом. — Я погрузился в

воспоминания. — Мой сосед по комнате в техническом колледже в Калифорнии. Потом вместе служили в Корпусе Мира. Наши жены — обе из Техаса, и мы сыграли двойную свадьбу. С тех пор минуло немало лет, но как раз сегодня мы собираемся встретиться вновь в местечке под названием Равентри. Я скажу ему номер вашей комнаты.

— Спасибо. — Он кивнул с отсутствующим видом, так, словно утратил ко всему этому всякий интерес. — Мы проработали вместе два года, но я никогда не понимал его.

Он собирался налить еще, но я должен был встретить Сьюзен, которая целый день посвятила покупкам. Я нашел ее страшно измученной, с покрасневшими глазами и распухшим носом.

— Обыкновенный насморк. — Сьюзен не была бы Сьюзен, если бы не попыталась обернуть собственное недомогание в шутку. — Если твоим высокоученым мужам понадобится подопытный кролик, я полностью к их услугам.

Как только мы выехали из города, она слегка оживилась; ей также, как и мне, не терпелось увидеть Эрика и Монику.

Рыжеволосый гигант, могучий, как новоявленный викинг, Эрик был настоящим гением среди всех, кого я знал. Мы в шутку называли его «Эрик Рыжий». Мне кажется, я понимал, почему Ле Мойен так и не смог найти с Эриком общего языка. Экспансивный, решительный, резкий, временами он бывал страшно надменным. На месте Ле Мойена я бы любил его, завидовал бы ему и ненавидел — с такой легкостью, буквально во всем, он клал любого на обе лопатки.

Когда мы после окончания колледжа по дороге на Запад специально заехали в Техас повидать Сьюзен, она пригласила подругу Монику в пару к Эрику.

Молниеносное похищение. Он взял ее в машине, как только они высадили нас, затащил в свою постель в мотеле, а за завтраком сделал предложение, уговорив сыграть двойную свадьбу на обратном пути с побережья.

Закончив курс, вся наша четверка вместе с Корпусом Мира дружно отправилась в Африку. Тяжелое время, но я вспоминаю его не без удовольствия. Во-первых, мы были молоды. Наши жены были очаровательны и храбры. Кроме того, помогая обездоленным людям бороться с болезнью и отчаянием, я испытывал огромное моральное удовлетворение, несмотря на то, что мы все потом вернулись домой с малярией. Мои дневники тех лет по служили материалом для моей первой научной книги.

Эрик, однако, пережил тяжелый душевный надлом, потому что как бы там ни было, а болезнь все-таки осталась непобежденной, и большая часть самого перенаселенного из всех континентов по-прежнему утопала в беспросветной нищете. Не привыкший к поражениям, он оставил Корпус, чтобы заняться самостоятельными исследованиями. Так Эрик и Моника выпали из нашей жизни. Однако с тех пор я часто встречал в журналах его статьи и знал, что он сделался ведущим специалистом по мутациям вирусов. Весточка от него была для меня действительно приятным сюрпризом.

«Мы с Моникой выезжаем на симпозиум в Атланту, — нацарапал он на обрывке компьютерного рулона. — Не сможете ли вы прибыть туда вместе со Сьюзен? — И единственное слово, приписанное ее изящным почерком: Пожалуйста!»

Придя в восторг не меньше моего, Сьюзен тут же связалась с Моникой, чтобы договориться насчет совместного уик-энда. Дом в Равентри, где проходил симпозиум, представлял собой прехорошенький особнячок довоенных времен (слегка перестроенный под конференц-центр), между Блю Ридж и Атлантой. Организаторы уточняли программу симпозиума. Мы как раз регистрировались, когда администратор передал нам факс от Эрика.

Извините, приехать никак не можем.

Краткость сообщения обескураживала и тревожила. Моника в отчаянии. Ужасно, что это случилось так скоро. Что случилось? Мы ломали себе голову. Эрик всегда был совершенно непредсказуем, и к тому же рассчитывал на гораздо большую понятливость, чем та, которой я обладал.

Мы отказались от забронированного для них номера и потащили свой багаж вверх по великолепной лестнице. Вид нашей комнаты в Равентри врезался мне в память. Она была громадной, с высоченными потолками и цветастыми, выгоревшими от времени обоями. Древний, почти антикварный шкаф красного дерева источал запах тлена. Однако чернокожий старик-коридорный, открывая окно, обратил наше внимание на живописный вид и бойко сплетничал, героически пытаясь нас развлечь.

Сьюзен была буквально подавлена сообщением.

— Позвони в Нью-Мексико, — повторяла она. — Я боюсь, что...

Фраза осталась незаконченной. Сьюзен опустилась на кровать и сидела там, пока я набирал номер Эрика. Длинные гудки. Стараясь как-то отвлечь жену и не находя ничего лучшего, я подвел ее к огромному окну. Вид был действительно восхитителен: под нами словно багряные и золотые волны перекатывались холмы и смутно голубели горы Блю Ридж — но она уже чувствовала себя слишком больной, чтобы смотреть на все это.

Я хотел позвать доктора, но Сьюзен отказалась.

— Обычный надоедливый насморк. — Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла бледной. — Организуй-ка лучше по стаканчику мятного джулепа. Классическое лекарство на Юге. Дедушка рассказывал, что у них там простуду никак особо не лечат, а просто оставляют человека в покое.

Ее неожиданная просьба удивила меня — Сьюзен вообще пила редко. Все время, пока коридорный не принес джулеп, ее била дрожь. Сделав один-единственный глоток, она приняла горячий душ и заползла под одеяло, в кровать с огромным балдахином. Вскоре, несмотря на тяжелое дыхание, она, казалось, уснула. Я сел на другом конце комнаты с портативным компьютером и принялся составлять резюме препринта Ле Мойена, заодно обдумывая свои вопросы к Маршаллу Крэнли, который должен был вести симпозиум. Когда зазвонил телефон, я думал услышать голос Эрика или Моника, но это оказалась всего-навсего секретарша.

— Доктор Варгас? Вы ответите доктору Крэнли?

Я сказал, что отвечу.

— Плохие новости, Варгас. — Его голос был хриплым, измученным и извиняющимся. — Никто не знает, как далеко все это зашло, потому Вашингтон пытается не дать разгореться панике, но симпозиум в любом случае накрылся, это ясно. Когда Де Мойен услышал, что Нордман приехать не может, он тут же выписался и спешно улетел обратно в

Балтимор. А без них двоих — сам понимаешь...

Он разразился жестоким кашлем. Я задал вопрос насчет Эрика.

— Знаю только, что он не приедет, а почему, что, как — неизвестно. Я надеялся, он и Ле Мойен укажут нам путь борьбы с эпидемией. Но теперь — я даже не знаю...

Закашлявшись снова, он отключился. Я попытался набрать номер Эрика еще раз, но услышал компьютерный голос, повторявший, что все линии заняты. Я посмотрел на Сьюзен — она лежала вся красная и мокрая от пота. Не слушая на сей раз ее протестов, я попытался вызвать доктора. Все, чего я добился, были короткие гудки в трубке.

— Я люблю тебя, Бен. — Она резко села в кровати и странно, в упор, посмотрела на меня — затем улыбнулась. — Спала и видела тебя во сне.

От еды Сьюзен отказалась — и я принес ей стакан воды. Выпив его, она откинулась на подушки и заснула снова. Ресторан был закрыт, но я отыскал автомат, который выплюнул мне какие-то крекеры. Порядком встревоженный, я устроился у телевизора, но не нашел покоя.

Стремительность событий ошеломила меня. Мы привыкли. не замечать того, чего не хотим замечать — и в результате оказываемся абсолютно не подготовленными к случившемуся.

Прошлогодня реклама, обрывки какого-то весьма чинного заседания, да конец одной неудобопонятной специальной сводки — вот все, что мне удалось поймать по ящику. Экран, а равно и свет в комнате погасли еще до полуночи. Телефон был мертв. Все, что я мог — это сидеть в абсолютной темноте около Сьюзен.

Никогда не забуду эту мучительно долгую ночь. Чересчур взволнованный, чтобы спать, я прошелся по этажу, потом еще раз проверил молчащий телефон и наконец сел на постель, держа руку жены в своей. Сьюзен горела. Изредка она сжимала мои пальцы или бормотала во сне. Кто-то злобно чертыхнулся в коридоре, и я услышал поспешно удаляющиеся шаги.

Затем фары прорезали темноту в комнате, взвыл мотор, зашелестели шины — и скоро рев удаляющейся машины стих.

Воцарилась мертвая тишина. Высоко над посеребренными холмами луна казалась до странности безмятежной. Сьюзен задышала ровнее. Это случилось глубокой ночью. Ее рука сильно вздрогнула и тотчас же расслабилась.

Сьюзен была мертва.

Обыкновенный насморк, и вот она мертва. Один на один с ней, в этой пропитанной запахом старины и залитой холодным лунным светом комнате, я чувствовал себя неспособным что-либо понять. Ее рука безжизненно лежала в моей и быстро остывала. Наконец я сделал над собой усилие, чтобы подняться, и ощупью, касаясь стен, вышел в темный коридор. Мне пришлось долго колотить в дверь, расположенную сразу за регистрационным столом, пока оттуда, шаркая, не вышел сторож со свечой. Он оказался старым задыхающимся астматиком в мятой синей пижаме.

— Сочувствую вам, сэр. — Его водянисто-голубые глаза не переставали моргать, будто он никак не мог разглядеть меня. — Это все вирус. Настоящий убийца. — Полностью лишенный зубов, он немилосердно шепелявил. — Моя старуха подхватила то же самое. Ничего страшного, просто сильная простуда, сказал доктор. — Его толстые губы отвисли, обнажая голые красные десны.

— Наш повар — так тот умер прошлой ночью.

Я спросил, как мне найти доктора или неотложку, или что-нибудь в этом роде.

— Не знаю, право, не знаю, сэр. — Его голос перешел в прерывистый шепот. — Никто ничего не знает.

— Я должен разыскать хоть кого-нибудь.

— Никого нет. — Он склонил свою покрытую редким белым пухом голову и приставил ладонь, сложенную лодочкой, к уху. — Никого нет. Вот прислушайтесь.

Все, что я услышал, было его затрудненное дыхание.

— Плохие времена, сэр.

Я сверлил его взглядом, пока он, наконец, не продолжил.

— Власти нет. — Он моргнул в дрожащем свете готовую погаснуть свечи. — Мы всю ночь просидели над стареньким приемником на батарееках. Пытались поймать новости. Но никто ничего не знает. Даже президент. Все, что он мог сказать, так это что паника основана на каких-то непроверенных слухах. Ни малейшей угрозы со стороны террористов. Никаких внешних врагов. И стихийное бедствие — тоже миф. Ни малейших причин для беспокойства, кроме какого-то там сибирского гриппа.

— Всего лишь грипп! — Он рассмеялся неприятным квакающим смехом. — Но не совсем обычный. Такого не знали до сих пор ни здесь, ни в Атланте. Они действительно все посходили с ума, если думают, что можно убежать от него. На Пичтри-Плаца сплошные пробки. Город горит с четырех концов, а кругом ни одной пожарной машины. Дикторы слишком напуганы, чтобы найти во всем этом хоть какой-то смысл. А потом и радио замолчало.

— Скверно, — сказал я. — Но мне все равно нужно что-то делать с женой. Без чужой помощи я вряд ли справлюсь.

— Это ваши проблемы, сэр. — Тусклые голубые глаза покосились на свечу, он кашлянул прямо мне в лицо. — Когда окочурился повар, все помощники тотчас же улетучились. Вы — последний из гостей. Я сильно надеюсь, — резким надсадным кашлем он прочистил себе горло, — надеюсь, что проклятый микроб не достанет меня.

— А не могли бы вы...

— К сожалению, сэр. Ничего мы с вами тут не сделаем. — Он пожал плечами и повернулся, чтобы уйти. — Придется ждать старину Джефа.

Джеф и был тот самый коридорный, что показывал нам комнату. На рассвете он, ковыляя, поднялся по парадной лестнице. Что бы Джеф ни увидел и ни услышал, он оставался на редкость спокойным. Один-единешенек в этом мире, он был рад, что избавился наконец от лишней работы. Богова же свершится и так. Он помог мне вырыть могилу на буйно заросшем пустыре за особняком и прочитал молитву, когда тело Сьюзен скрылось под землей. Затем пошел в дом и отпер ресторан, чтобы приготовить мне незатейливый завтрак. Укладывая мой багаж в машину, он покачал своей седой головой, отказываясь от предложенной двадцатки.

— Воля Господня, сэр. Деньги теперь ничто.

Администратор нашел свои вставные зубы. Оказалось, что его жена все еще жива, и он хотел, чтобы я остался с ними. Крайне взволнованный, он уговаривал меня до самой машины. Потом спросил, куда я направляюсь.

— В Нью-Мехико, — ответил я.

По-прежнему оглушенный, в растрепанных чувствах, испытывая единственное желание бежать, я вызвал в памяти свое детство, прошедшее на ранчо, среди бескрайних прерий, в надежде, что мир и покой снизойдут на меня. Сьюзен была мертва. Никто и никогда уже не сможет воскресить ее. Но в кармане у меня лежал доклад Ле Мойена — только бы довести его до Эрика, только бы он нашел возможность использовать данное открытие — чтобы остановить этот кошмарный вирус, этот бич Божий. Эти мысли и определили в конечном счете мое решение выжить во что бы то ни стало.

— Путь неблизкий, сэр, судя по тому, как обстоят дела.

Администратор, прищурившись, посмотрел на пронизанный солнцем дым, принесенный, должно быть, из охваченной огнем Атланты. Внезапно он обернулся и схватил меня за рукав.

— Бесплатная комната, сэр, если вы только согласитесь остаться здесь со мной и моей женой, сэр, пока все не утрясется.

Я поблагодарил и покачал головой.

— А может, все-таки еще подумаете? — Его старый голос пресекся. — После всего, что случилось, на что вы надеетесь?

— Я должен добраться до одного человека в Альбукерке — на него у меня вся надежда.

— А я уповаю только на Бога. — Старина Джеф оторвался от укладки багажа, чтобы произнести это. — Он посылает кару, потому что мир закоснел в грехе. — Сэр, если вы все-таки решили уехать, — администратор с трудом отвернулся, так как на меня в это время напал ужаснейший чих, — лучше держитесь подальше от Атланты.

Так я и сделал, направился на юго-запад по дорогам, мрачно опустевшим со вчерашнего дня. Холмы высились словно забрызганные кровью. Я видел пасущийся скот, и однажды мимо меня на предельной скорости промелькнул пикап. Но уборка урожая была полностью остановлена. Живые, должно быть, попрятались в домах подле своих больных и мертвых.

Болезнь настигла меня незадолго до полудня, когда я остановился на холме, как раз над границей между штатами, по другую сторону которой лежала Алабама. Густой черный дым клубился над кучей обломков, загромождавших поворот. Мертвые легковушки, пикапы и автобусы выстроились в нескончаемую очередь. Немногие оставшиеся в живых люди брели по обочине или сидели, сгрудившись у дымных костерков.

Обливаясь потом, я теперь весь трясся от озноба, сидя в раскаленной машине. В голове шумело, и мучило ощущение нереальности происходящего. Так я просидел довольно долго, кашляя, пока не надсадил горло. Временами мне казалось, что я снова вместе со Сьюзен в Равентри, а черный Джеф готовит нам мятный джулеп и подает его в глубоких серебряных кубках со льдом. Медленно потягивая из своего, она шутит, что постарается быть примерным подопытным кроликом.

Очнувшись или наполовину очнувшись, я вспоминал, что она мертва и принимался думать об Эрике. Я ехал до тех пор, пока озноб не вернулся. Помню остановку для грузовиков, где я обменял мои часы на канистру бензина и шестипенсовый пакетик с тепловатой содовой водой. Помню дохлых коров на лугу, чудовищно раздутых, ноги торчат прямо вверх, как если бы они были надувными игрушками. Черные вороны уже кружились над ними. Помню женщин и детей, столпившихся вокруг мужчины, копающего могилу. Еще помню мужчину, вышедшего с винтовкой, чтобы

прогнать меня.

Машина забуксовала, когда я попытался свернуть на размытую проселочную дорогу. Я попробовал выйти, но ослабел настолько, что обратно пришлось заползать на четвереньках. Помню, как я дрожал, когда ночь обступила меня со всех сторон, и старался не спать, ибо думал, что уже не проснусь.

Я проснулся, правда не в машине, а на койке под высоким металлическим навесом. Разбудил меня женский голос, и я на одно счастливое мгновение поверил, что это голос Сьюзен. Грипп и вызванная им паника отступили куда-то далеко, словно ночной кошмар, но уже в следующую минуту я ощутил ужасную вонь, вызванную болезнью, и услышал стук дизельного генератора и увидел женщину, склонившуюся надо мной. Маленькая, бойкая леди в переднике и шляпке от солнца, она пришла, чтобы искупать меня.

— Ох уж этот вирус-убийца, — произнесла она в ответ на мой хриплый вопрос. — Он поражает каждого, но доктор Франкин многих вытащил из самой могилы.

Госпиталь размещался в на скорую руку приспособленном складе, первоначально предназначенном для того, чтобы хранить сельскохозяйственный инвентарь. Доктор Франкин оказался довольно-таки хилым старичком, пытавшимся повернуть свои годы вспять. Большинство нянечек были или фермерши, или же продавщицы, оказавшиеся не у дел.

Они спасли мою жизнь.

Человек на соседней койке отрекомендовался Джейсоном Мэдденом, художником-даосом, некогда преподавателем колледжа. Зараза настигла его на Блю Ридж, когда он делал наброски и фотографии осенних пейзажей для календаря. Джейсон нашел меня без сознания в машине и притащил сюда, после чего тотчас же сам отключился.

Но где же доклад Ле Мойена?

— А, твой Святой Грааль? — Он рассмеялся, когда я спросил про него. — Ты был словно помешанный, спрашивал всех и каждого про свой доклад и даже искал его у себя под подушкой. Если только доклад этот не из области фантазии, думаю, он по-прежнему находится в машине.

— Я должен его разыскать, — сказал я, — раз уж вышел живым из всего этого ада.

Мы выздоравливали вместе, и постепенно он сделался моим другом. Я помню наш разговор ночью. Тускло светили лампочки. Кто спал, кто, подобно мне, предавался размышлениям о своих недавних потерях. Я уже знал печальную историю своего друга. Разведенный, без родственников, без прочной привязанности в этом мире, он пытался отнестись к эпидемии философски.

— Попытайся все забыть, — убеждал он меня, молчаливого и угнетенного в те дни. — И свой потерянный доклад, и погибшую газетенку. И свою любимую Сьюзен, если сможешь. И перестань бесконечно сожалеть о прошлом. Если хорошенько вдуматься, старый мир был вовсе не так уж исключительно чудесен. Взять хотя бы озоновые дыры и землетрясения. Или, с другой стороны, тряпки, успех и новые машины, которых нам постоянно хотелось. Политику и войны. Налоги и...

— Скажи, ты счастлив? — Его жизнерадостный тон вызывал во мне невольное раздражение. — Ты рад?

— Черта с два! — Он быстро сел на койке, сверкнув на меня

глазами. — Счастлив, когда весь мир мертв? — На соседней койке кто-то чертыхнулся и попросил говорить потише. Джейсон понизил голос. — Конечно, мы должны попытаться еще раз. Особенно теперь, когда мы воочию видели тот дух, которым будет держаться род человеческий. Но... но... — Его голос перешел в сдавленное рыдание. — Прости, — прошептал он. — Прости. Как бы ни было нам тяжело, надо жить дальше.

Когда я немного окреп, он проявил большее любопытство ко всей этой истории.

— Кто такой Эрик? — настойчиво спрашивал он. — Тот парень, о котором ты бредил?

— Один старый друг, — отвечал я. — Исследователь в области медицины, кое-кто называет его волшебником, когда речь заходит о вирусах. Доклад предназначался для него. Новое открытие...

— Нордман? — прервал он меня. — Эрик Нордман?

Я кивнул в подушку.

— Я знал его. — Он уставился на меня ввалившимися глазами, их выражение казалось странным. — Он предлагал мне проиллюстрировать и оформить книгу, которую сам написал. «Последний враг». Знаешь, о чем это?

Я покачал головой.

— Жуткая книга, — хмурые складки прорезали его измученное лихорадкой лицо. — Он призывал нас ограничить народонаселение. Предсказывал ужасное будущее в случае отказа. Он хотел, чтобы я нарисовал Четырех Всадников в качестве заставок для четырех глав — посвященных голоду, болезням, войне и тому, что он называл животной природой человека. «Последним врагом» были мы сами. Я так и не смог выполнить рисунки, но его книга до сих пор преследует, мучит меня.

— Эрик и сам был одержим.

Еще один голос возопил о тишине, и я перешел на шепот.

— Когда-то мы были в Африке и вместе прошли через войну и ужасный голод. Эрик вернулся в твердой уверенности, что ему удалось прозреть судьбы мира и с тех пор полюбил говорить, что мы несчастные пленники инстинкта, который толкает нас к нашей собственной смерти. Я думаю, что его книга явилась своеобразным средством заставить нас действовать, хотя бы под влиянием страха.

— Кошмар. — Мэдден пожал плечами и откинулся на подушку. — Издатели сочли книгу чересчур мрачной. Может быть, в ней и содержится правда, да только не та, которую мир хотел бы знать. И книгу зарубили.

Мы подключились к уходу за больными, как только почувствовали себя мало-мальски здоровыми: мыли полы, выносили утки и подкладные судна до тех пор, пока последние из наших подопечных не встали на ноги и не ушли из больницы.

Мертвые были похоронены. Власть восстановлена. Радио и телевизионные станции вернулись к нормальной работе в эфире. С нефтеперегонных заводов прибывали бензовозы с полными цистернами. Те из чиновников, кто выжили, приступили к своим обязанностям.

Я покинул госпиталь вместе с Мэдденом. Он думал вернуться в свою студию и предложил подкинуть меня до Альбукерка. Мы нашли доклад. Ле Мойена в целостности и сохранности на заднем сиденье моей брошенной на произвол судьбы машины — страницы лишь чуть-чуть покорило от дождя, бившего в открытые окна, но их вполне можно было прочесть. Я

видел в этих страницах маленькую частичку надежды.

— Если я смогу найти Нордмана, — сказал я Мэддену, — если его лаборатория по-прежнему существует, если синтезированная Ле Мойеном молекула действительно пожирает вирус...

Наш путь на Запад занял-таки порядочно времени. Еда и бензин были дефицитом. Дороги после такой зимы нуждались в ремонте. Люди все еще боялись встречных, которые могли быть переносчиками заразы. Хотя вершины по-прежнему недоступно белели, склоны сплошь усеял нежно-зеленый кустарник, когда мы наконец спустились в каньон Тиджерас и въехали в Альбукерк.

Мы свернули к югу, и Мэдден высадил меня прямо перед запертой калиткой с табличкой, на которой было выбито: «Исследовательский Центр Нордмана». Я нажал звонок и довольно долго ждал, прежде чем на гравийной дорожке, ведущей от длинного зеленого металлического здания прямо к калитке, не показался убогий шаркающий старик. Неожиданно он остановился в каких-нибудь двенадцати ярдах от калитки и, прикрыв от яростного полуденного солнца глаза ладонью, слабо улыбнулся воробью, пролетавшему мимо него с обрывком какой-то веревки или шнурка в клюве. Он пожал плечами, дошаркал остаток пути и застыл, разглядывая меня в упор.

— Бен? — Голос у него был хриплый и надтреснутый, но все же знакомый. — Вот уж не ждал...

— Эрик! Это ты?

Викинга с огненной шевелюрой больше не существовало. Передо мной стоял седой сгорбленный старик, на котором мешком висели свитер и потертые джинсы. Через секунду он уже открывал калитку и протягивал мне свою костлявую, как у скелета, руку.

— Итак, ты добрался? — его голос звучал безжизненно, как будто бы ничто на свете его не интересовало.

— Как Сьюзен?

Я сказал ему, что Сьюзен умерла.

— И Моника тоже. — В лице его мелькнуло подобие живого чувства, боль глубже прорезала морщины на лбу под серебряным ежиком. — У нас было трое малышей.

Его ввалившиеся глаза нашарили доклад в моей руке.

— Это доклад Хьюго Ле Мойена. — Я протянул ему листки. — Тот самый, с которым он собирался выступить на симпозиуме в Атланте.

Он равнодушно прикрыл глаза. А я постарался втолковать ему, что может значить для нас этот доклад.

— Ле Мойен описывает сконструированную им с помощью биоинженерии молекулу антивируса. Первые испытания дали положительный результат. Я думаю, ты мог бы завершить...

— Хьюго? — перебил он, не слушая дальше. Он работал у меня. В лаборатории показал себя довольно способным исследователем, но за ее пределами — круглый дурак. Мы вынуждены были расстаться.

Он сунул листки обратно мне в руки.

— Прочти хотя бы, — настаивал я. — Он говорил, что это родилось из идеи, которую он обсуждал вместе с тобой.

Он снова взял доклад и нагнул над титульным листом.

— Я уверен, что здесь нет ничего стоящего. Потом. — Он снова пожал плечами. — Но входи же.

Признаться, я ожидал более теплого приема. Он выглядел

одновременно вялым и отрешенным, как будто его волновали несравненно более серьезные проблемы — однако не забыл закрыть калитку и кивнул мне, приглашая следовать за ним по заросшей травой дорожке к одноэтажному зеленому строению. Внутри я увидел лабораторное оборудование, сдвинутое к стенам, автоклавы и центрифуги, компьютеры и электронные микроскопы, скамеечки, заставленные стеклянной посудой. Большая часть пола была высвобождена.

— Наш госпиталь. — В его охрипшем голосе появились иронические интонации. — Большинство наших пациентов уже спят в саду за домом.

Я прошел вслед за ним в маленькую аскетически обставленную и неуютную комнатку, где он жил. Надпись «Только для стерильных штаммов» по-прежнему красовалась на дверце холодильника. Микроволновая печь, консервный нож и кофеварка были аккуратно расставлены на выкрашенной в черный цвет специальной подставке. В комнате находилась еще узкая койка и единственный стул с жесткой спинкой. Он предложил мне стул.

— Хочешь выпить?

Прежний Эрик никогда не прикасался к крепким напиткам, потому что считал, что они убивают мозговые клетки. Теперь же он вынимал из холодильника большую бутылку воды и лабораторную колбу, от которой на километр разило неразбавленным спиртом. Я сделал маленький осторожный глоток. Он же налил себе порядочную порцию огненной жидкости и отправил внутрь одним глотком, лишь слегка разбавив водой. Сидя на койке, он пролистал доклад.

— Неглупая работа. — Он отбросил доклад в сторону. — Но уже поздно.

— Не мог бы ты воспроизвести его эксперименты? — наседал я. — Ле Мойен верил в то, что сможет разделаться с вирусами навсегда.

— Узнаю безумную мечту Хьюго. — Он замолчал на минуту и, нахмурившись, посмотрел на покоробившуюся от воды страницу. — Хотя данные в работе выглядят убедительно. Я думаю, мы вполне могли бы попытаться год назад или около того, но теперь... — Он предложил мне колбу и сделал еще один основательный глоток. — Теперь это не имеет смысла. Да и сотрудников не осталось.

— Не имеет смысла? — Я был шокирован. — А ты не думаешь, что вирус может вернуться?

— Он не вернется.

— Откуда такая уверенность? О нем ведь так мало было известно...

— Мне известно гораздо больше. — Он выглядел очень уверенным. — Возбудителем болезни служит мутантный миксовирус. Передаваемый по воздуху. Он инфицировал все население. Выжившие приобрели стойкий иммунитет. Цикл завершен. Когда не останется ни одного носителя, вирус неизбежно вымрет.

— Слабое утешение, — пробормотал я. — Миллионы погибших.

— Миллиарды, — уточнил он ровным голосом, будто речь шла просто о некоем численном значении. Я собрал данные со всего мира. Общая смертность составила примерно 92 процента. Это означает, что в живых осталось около полумиллиарда. Нормальная населенность для планеты.

— Нормальная? Что ты имеешь в виду?

— До сих пор мы имели дело с ужасающей перенаселенностью. — Он отставил стакан и мрачно уставился на меня. — Это глубоко поразило меня там, в Африке. Помнишь нашу тогдашнюю глупость? — Он как-то

странно покосился на меня. — Мы чувствовали себя страшно благородными, что сумели спасти миллион голодающих. И закрывали глаза на три миллиона их несчастных детей, кому придется в будущем еще тяжелее?

Я отодвинулся от него вместе со стулом и сидел, качая головой не в силах поверить.

— Мы забыли, откуда вышли. — Он возвысил свой дребезжащий голос, словно читая лекцию нерадивому студенту. — Один из множества биологических видов, вовлеченных в природный баланс. Наша численность контролировалась хищниками, болезнями, ограниченным запасом пищи — пока мы не вмешались и не нарушили баланс своей санитарией и всеми теми благоглупостями, которые мы героически совершали в Африке.

Я сидел, уставившись на него, дрожа от озноба, вспоминая все, что Мэдден говорил мне о его неопубликованной книге.

— Помнишь цикл «хищник-жертва»? — заметив мой шок, он старался теперь говорить убедительнее. — Он действует таким образом, чтобы держать оба вида в природном равновесии. Койоты пожирают кроликов — и размножаются, пока число последних резко не сокращается. После того как большая часть койотов подыхает от голода, число кроликов становится прежним.

— Я слышал, как тебя называли вирусологом-волшебником. — Мой голос дрожал. — Не ты ли... — я не смог закончить вопроса, он проигнорировал его.

— Мы животные, — повторил он. — В доисторические времена нам приходилось считаться со своими ограничениями. Когда охота бывала неудачной или приходила засуха, мы знали, что некоторые из нас должны умереть. Проблемы начались, когда мы стали слишком умными. Или наоборот, не слишком умными. С огня, топора и плуга началось наше великое насилие над природой. Мы выжгли леса, распахали прерии и привели большинство видов к полному уничтожению. И продолжали бы в том же духе, не будь мы принуждены остановиться.

— Значит, ты признаешься... — На этот раз он, казалось, понял. Вся его фигура обмякла, стала бесформенной. Только осунувшееся лицо упорно было повернуто ко мне. Он сидел на постели с полминуты, потом с видимым усилием ткнул в сторону пожелтевшей распечатки доклада, валявшейся на полу.

— Думаю, ты заслужил право на мою исповедь, если тащил это из самой Атланты.

— Ты... ты... — Я задохнулся. — Ты хочешь сказать, что убил большую часть человечества?

Я увидел, как он вскинул руку и поймал себя на том, что замахнулся на него стаканом.

— Что сделано, то сделано, Бен. — Стакан выскользнул у меня из руки и разбился вдребезги об пол. — Мы не в силах ничего изменить.

— И ты вынашивал все это, стряпая свои смертоносные миксовирусы... — Я не мог продолжать.

Помню ужасный холод в этой маленькой комнатухе, резкий запах этилового спирта и приглушенный вой вентилятора в компьютере.

— С самого возвращения из Африки?

— Десять лет, Бен. Я спланировал все очень тщательно — используя постоянный фактор уничтожения. Я думал восстановить природу в ее

правах всеобщим подравниваем человечества. Непрерывно проводя испытания на животных, пока я, наконец, не получил стабильные результаты.

— Десять лет?

— Это было нелегко, Бен. Очень нелегко! — Его усохшее тело затряслось, и он опять надолго устался в мятые страницы, машинально кусая себе губы, пока я не увидел, что потекла кровь. — Из-за Моники прежде всего — хрипло прошептал он, по-прежнему уставясь в пол. — Хотя я не ожидал, что выживу — и как бы я хотел, чтобы этого не случилось.

Он с силой стиснул небритые челюсти и поднял свои больные, почти покаянные глаза на меня. — Я выжидал, Бен. Так долго, как только мог. Пока Крэнли не заставил меня пойти на это.

— Вот как? Интересно, каким же образом?

— Хьюго порвал со мной. Я никогда не знал точно почему, но боялся, что он догадывается о моих опытах. И когда Крэнли пригласил нас обоих на свой симпозиум, я подумал, теперь или никогда — Слезы выступили на его покрасневших, запавших глазах.

— Я все хорошо рассчитал, Бен — Теперь он почти шептал. — Я сделал это ради будущего человечества. Если бы ты только поверил мне...

Я покачал головой и спросил, как он это сделал.

— Сибирский грипп. — Он сделал глубокий, прерывистый вдох, прежде чем продолжать. — Все прошло под его естественным прикрытием, потому что первоначальные симптомы не слишком-то отличались. Я наполнил собственным вирусом аэрозольные флаконы с надписью «дезодорант» и распылил его по всему миру, в каждом самолете, на который брал билет, и в каждом аэропорту, в котором приземлялся.

Слишком потрясенный, чтобы думать или говорить, я сидел вместе с ним в этой узкой, лишенной окон комнатенке, вдыхая кошмарный этанол и беспорядочно вспоминая дни, проведенные вместе в Калифорнийском университете и в Африке, нашу двойную свадьбу, джулеп, который Сьюзен так и не смогла выпить, Ле Мойена и его доклад.

— А ты уверен, — спросил я наконец, — ты уверен, что твой вирус полностью исчерпал себя?

Вполне — Он кивнул, становясь спокойнее. — Если это имеет еще какое-то значение.

Я задержал дыхание, чтобы спросить почему, и не нашел в себе сил сделать это.

— Одного побочного эффекта я все же не смог предусмотреть. — Он смущенно пожал плечами, и его голос упал до еле слышимого шепота. — Эксперименты я должен был держать в тайне, отсюда все последствия. Можешь клясть меня — Вызов вспыхнул и мгновенно потух в его глазах. — Если это имеет какое-то значение.

— Какой эффект? — прошептал я.

— Вирус инфицирует всех млекопитающих. — Его голос, по-прежнему медленный и безжизненный, стал чуть громче — Выжившие кажутся полностью нормальными, женские особи сохраняют способность к воспроизводству. Я и не подозревал каких-либо генных изменений, пока они совсем недавно не обнаружили у мелких зверьков. Лабораторные испытания подтвердили их наличие и у более крупных животных, включая человека. Следующее поколение рождается бесплодным. Наши

дети будут последними в человеческом роду. — Он помолчал, затем продолжил еще громче, подводя суровый итог. — Эра млекопитающих подошла к концу.

Я сидел, ошеломленный.

— Но остались еще птицы. — Его слабая улыбка ошеломила меня. — Птицы оказались устойчивыми к вирусу. Это уже что-то, Бен. Они начнут новую эру. Я чувствую себя счастливым, когда вижу воробьишу, строящую свое гнездо. Это значит, что жизнь продолжается. Помнишь, с тем злосчастным астероидом завершилась эра динозавров. А теперь мы завершаем нашу. Я думаю, своей наступающей эрой птицы распорядятся лучше.

Сегодня он мне что то совсем не нравится

На плакате написано «Миру настал конец»

Майкл Коуни

УМРИ, ЛОРЕЛЕЙ

Майкл Коуни живет на острове Ванкувер, где и происходит действие рассказа. «Умри, Лорелей» — научно-фантастический рассказ о людях и дельфинах, однако выражено в нем куда больше, чем просто отношения между различными видами живых существ. В этом зеркале отразилась еще и частица нас самих.

А Коуни так вводит древнюю легенду в свой рассказ: «Ползучий Риф... Была когда-то на Рейне сирена Лорелей, которая пением заманивала моряков на острые скалы. Было это давным-давно, да и все

это — легенда, не более. Но порой, вечерами, когда береговой бриз насвистывает странные мелодии в стенах моей фермы, я думаю о Рейнской Деве и Ползучем Рифе, чья музыка родилась из потребности насыщения. И я гадаю: где и когда начал Ползучий Риф свой путь по миру?»

© Michael Coney. Die, Lorelei.

F&SF, May 1993

Перевод Т. Кухты

Мартовский полдень на западном побережье: ясно, пронизывающий ветер, рваные облака. В разрывы ослепительно бьют лучи солнца, и море блистает вспышками света. У подножья скалы, далеко внизу бьются с грохотом волны, разлетаясь в холодные брызги. Вдали, за проливом бесшумно скользит над волнами планер; исчезнув за громадой Луизы, он мгновенно спустя выныривает и разворачивается к заливу Робертс-Бэй, где находится клуб. Я поежился. Сейчас чокнутый пилот приведнётся в ледяные волны. И зачем только так рано открывать сезон?

Дальше тропа спускалась к ложине, извиваясь меж земляничных деревьев и развалин немыслимо древних строений. Навстречу мне поднималась по тропе девушка, ее каштановые волосы развевались на ветру. Диана Уэстэвэй. За ней, резвясь, следовал адаптированный дельфин, животное нырнуло в заросли, и послышался оклик Дианы:

— Милашка! Ко мне, Милашка!

Под нами, у самой лагуны, стоял дом ее отца. Не дом, а груда хлама! Точно его вынесло на берег случайным штормом. Что ж, нет смысла труда спускаться, если Диана поднимается сюда. У ее отца водится неплохой ликер, но мне достаточно и Дианы — она красавица.

Она увидела меня и, помахав рукой, ускорила шаг.

— Привет, Джо, — сказала она, переводя дыхание. Улыбается она просто восхитительно. А когда грустит — от такого зрелища дрогнет всякое мужское сердце.

— Куда ты направляешься? — спросил я.

— В «Тихоокеанский Питомник». — Она погладила дельфина по голове. Надо проверить Милашку. Отец... отец говорит, что это его последний шанс. — Уголки ее губ грустно опустились.

Никакой жалости у этого нелюдима!

— Господи, дельфином больше, дельфином меньше — какая разница?

— Он говорит, что Милашка плохо влияет на остальных. Ты же сам видел, он все время ошибается, а отец считает, что другие дельфины перенимают его замашки. В последние дни они все будто с ума посходили.

Бриз шуршал листьями солянок, гнул и раскачивал зеленеющие ветви кустов. Прилив был невысок. Вокруг узкого перешейка, где галечный пляж отделял лагуну от океана, появилась рябь. Прямоугольники рыбных загонов угадывались по выступающим над мелководьем лагуны шестам изгородей.

За загонами, где топкий берег переходил в поросшее водорослями морское дно, высился серый холм размерами с опрокинутый сухогруз. Ползучий Риф.

Два года назад Дэн Уэстэвэй заманил Риф в лагуну рыбой и

планктоном. Затем осушил часть лагуны и стал ждать, когда Риф погибнет.

А Риф все еще жил. Дэн говорил мне, что это чудовище представляет собой сообщество кишечнорастворимых организмов с необычайно высоким метаболизмом — они живут, гибнут, размножаются, питаются и становятся пищей. В отличие от прочих коралловых образований, Риф не просто надстраивался на останках погибших организмов — казалось, он способен расти самопроизвольно в избранном направлении.

Впервые о появлении Рифа сообщили в новостях — помнится мне, лет десять назад, и тогда он был в середине Пролива. За это время он продвинулся почти на двадцать миль. Для обычного рифа скорость приличная — только вряд ли это явление можно назвать обычным рифом.

Говорили, что Риф образовался в результате глобального потепления и изменения океанских течений. Кто его знает! Ходят легенды, что такие рифы не просто так бродят по океанскому дну. Пожирая все на своем пути, постоянно меняясь в объеме, они приманивают добычу необычным, одиноким зовом, который не слышим мы, но хорошо слышат другие существа...

Из своего дома вышел Дэн Уэстэвэй. За ним вприпрыжку следовала дюжина дельфино-амфибий. Время лова. Дэн пересек двор, распахнул ворота и, пройдя по гальке, остановился у воды. Мы услышали, как он свистнул. Дельфины разом кинулись вперед и исчезли под водой.

Я обернулся к Диане.

— Пойду с тобой.

— О... — удивилась она. — Разве ты не к отцу шел?

— Да это не к спеху.

Как я мог сказать ей правду? Она-то полагала, что я — единственный друг ее отца. Скорее всего, так оно и было, но как объяснить ей, что именно ради нее приходил я в гости темными мартовскими вечерами, когда мы с Дэном тянули вдвоем спиртное, а ветер бешено грохотал в окна?

Диана только что завершила двухлетнее обучение в колледже Управления Колоний и через пару недель покидала Землю, чтобы занять важный пост на какой-то там планете. Не влюбился же я в нее, в конце концов? Черт побери, ведь мы ровесники с ее отцом!.. Может быть, я любил в ней то, что она собой воплощает — живую, здоровую, юную женственность.

Всю дорогу до «Тихоокеанского Питомника» Диана болтала без умолку. Из своего псевдо-тюдоровского жилища навстречу нам вышла владелица «Питомника», сама Миранда Марджори-бэнкс. Шарф ручной вышивки, развевающееся платье — этакая расфуфыренная штучка с выговором, заученным по старинным записям. Мода теперь на редкость причудлива — а впрочем, не причудливее существ, которых Миранда выращивала в своем питомнике.

— Ах, это мистер Сагар! — Она говорила так, словно рот у нее был полон недозревших вишен. — И Диана Уэстэвэй! Прелестно. Какое милое животное, — механически добавила она, взглянув на Милашку.

Диана поведала о недостатках Милашки.

— Отец говорит, что он просто глуп, но я в этом сомневаюсь. Он просто не желает... сотрудничать.

— Причина такого нежелания — зачастую обыкновенная скука. Дельфины очень смысленные существа, и перемена общества творит с

ними чудеса. — Миранда открыла дверцу загона, втокнула туда Милашку и легким толчком захлопнула дверцу. Ловко проделано. Сухопутная акула в бессильной ярости кинулась на проволочную стену. Щеколда задребезжала. Бедный Милашка жалобно защелкал, сквозь проволоку высматривая Диану.

— Вы же не оставите его со всеми этим тварями! — воскликнула Диана. Акулы, скаты, луна-рыбы, марлины и осминоги бродили за оградой, валялись в траве, их жабры мерно пульсировали — имплантированные оксигенаторы насыщали кислородом их кровь и поддерживали существование. Отвратительное зрелище! Молодая женщина в униформе Гражданского Заключенного ходила между ними, поливая из шланга и натирая увлажнителем марлинов и луна-рыб. Сухопутная рыба сбрасывала чешую. Вонь стояла непереносимая.

— Заверяю вас, Милашка в полной безопасности, — сказала Миранда. — Я весьма тщательно отбираю рыб, которых принимаю под свое попечительство. Многие мои близкие друзья сейчас в отъезде — на Полуострове такие ужасные зимы — и Милашка несомненно будет счастлив пообщаться с их питомцами.

— Глядите, он уже нашел приятеля, — сказал я в утешение Диане.

Милашка столкнулся носом к носу с молот-рыбой весьма злобного вида. В конце концов рыбина попятилась и с растерянным видом уползла. Диана облегченно засмеялась.

— Когда мне вернуться? — спросила она.

— О... я приеду к вашему отцу завтра, во время прилива. — Миранда уже шагала к дому, развеивая по ветру свои вычурные одежды.

Диана посмотрела на меня, я — на нее. Она была довольна — с Милашкой будет все в порядке. Я глядел ей в глаза на полсекунды больше, чем следовало.

— Тебе ведь необязательно сразу возвращаться домой. Пообедаем в Луизе?

Играешь с огнем, Сагар. Приготовься к отказу.

— Прекрасная идея, Джо, — сказала она.

Утро следующего дня, прилив. Далеко от берега, над гладью пролива вынырнул дельфин, высоко подпрыгнул и шумно плюхнулся вниз. Дэниэл Уэствэй опустил бинокль.

— Идут, — сказал он. — Они куда лучше справляются без этого твоего чертова Милашки.

Диана искоса глянула на меня, но ничего не сказала, неподалеку стоял грузовик на воздушной подушке Миранды Мардэжорибэнкс. Погода была неважная, моросил дождь, и ветер все усиливался. Может быть, за эти столетия климат на планете и изменился, но март на Полуострове оставался мартом. Мы ждали.

Началась работа. Тут и там рябили воду прыжки рыб, выныривали горбатые спины дельфинов, гнавших стадо. Дэн что-то проворчал, прыгнул в старенькую резиновую шлюпку и быстро греб от берега, между загонков. Порыв ветра с дождем хлестнул по пляжу. Какого черта я здесь делаю? У меня полно хлопот на слитовой ферме, а я вот заявился в забытую Богом дыру ради хорошенькой дочки океанолога, заделавшегося рыбаком! Всегда у меня ума было мало, до и того лишился.

Миранда Мардэжорибэнкс выбралась из своего грузовика и подошла к нам, полы длинного дождевика хлопали ее по лодыжкам.

— Ужасная погода, мистер Сагар! — прокричала она, точно я глухой.

— Как Милашка? — прокричала в ответ Диана.

— В хорошем состоянии.

Мы следили, как Дэн сражается с загонами, открывает ворота, свешиваясь за борт своей вертлявой лодчонки. Рискованное занятие! Скоро весь узкий канал кишел рыбой — дельфины загоняли добычу в лагуну. Огромный лосось отчаянным прыжком вымахнул неподалеку от нас и шлепнулся у самых ног Миранды. Она брезгливо отпихнула рыбину ногой. Из воды вынырнул дельфин, выбрался на причал и подобрался к Диане. Наклонясь, она ласково погладила его по голове. Дельфин нежно терся о нее носом, щелкая и посвистывая.

Диана защелкала, засвистела в ответ. Надо же!

— Я и не знал, что ты умеешь говорить с дельфинами, — сказал я.

— Совсем немножко, — улыбнулась она. — Но им, похоже, нравятся мои старания. Диана бросила на меня странный взгляд. — А теперь ты его слышишь?

— Нет. Теперь — нет.

— Он все еще говорит, только на слишком высокой для людей частоте.

— Но ведь ты его слышишь.

Диана вытянула губы трубочкой. Я ничего не расслышал, но дельфин внимательно глянул на нее.

— Ну да, — сказала она, — слышу. Нас в колледже Управления очень многому учили. И кое в чем даже изменили... Тем или иным способом улучшили восприятие всех наших чувств. Просто для того, чтобы мы были лучше готовы ко всему, что может с нами случиться. В общем, мы немножко супермены... — Уголки ее губ грустно опустились. Очень скоро ей предстояло покинуть все это.

Дэн, неистово работая веслами, метался меж загонров, запирали одни ворота, распахиная другие, чтобы впустить новые косяки рыбы.

— Отличный улов! — прокричала Миранда.

— Вот на этом вчера и подвел нас Милашка, — сказала Диана. — Мы и оглянуться не успели, как половина рыбы плыла уже себе вдоль берега, а он с дурацким видом восседал на пляже. И хуже всего, что это уже не в первый раз.

Время шло. Появился Дэн, у него ручьями стекала вода.

— Пойдем в дом, — сказал он и сделал вид, что только сейчас заметил Миранду. — А, это вы! У меня этим утром еще не было времени отобрать для вас рыбу. Может, как-нибудь в другой раз?

— Дорогой мой, я не стану ездить впустую туда и назад по такой мерзкой погоде.

Дэн фыркнул.

— Ну, папочка! — поспешно вмешалась Диана. — Это же займет считанные минуты.

— Ну ладно, ладно. Так что же вам нужно?

— Гм, — протянула Миранда, — сейчас большой спрос на хвостоклов...

— Господи, вот уже чего нет, того нет. Лэн глянул на нее с нескрываемым отвращением. — Пару лососей, может быть. Или треска.

— О, не думаю, чтобы кого-нибудь заинтересовала ручная треска. Неужели у вас не найдется чего-нибудь более... экзотического?

— Кажется, я приметил в улове парочку гренландских акул.

Повторяю — кажется.

— Прекрасно. А также — все интересное, что ни найдете.

Диана издала несколько звуков и нагнулась с причала. Я заметил, как в воде мелькнули хвостовые плавники, потом дельфины исчезли. Дэн, снова что-то ворча, уселся в резиновую лодку и погреб к загонам. Скоро он вернулся, и мы собрались вокруг узкого слипа. Неподалеку кружили две крупные рыбы, то и дело пытаясь прорваться к открытой воде, но бдительные дельфины всякий раз их отгоняли. Умницы эти дельфины! Только будут ли они так умелы, когда Диана уедет и некому будет говорить с ними на их языке? Дэн взял острогу и вошел в воду, тыкая вокруг себя острой.

Вода вскипела. Черный силуэт метнулся у самых ног Дэна. Он нанес удар острой и с трудом поволок добычу к слипу. Диана спрыгнула в воду с шестом, оканчивающимся большой проволоочной петлей, и погрузила шест под воду. Небольшое замешательство — и вдруг Дэн завопил и с ужасающим плеском опрокинулся на спину. Едва сдерживая смех, Диана втащила на слип хвост черного чудовища. Дэн, с трудом поднявшись на ноги, ухватился за голову рыбы. Скоро она целиком лежала на причале, хватая ртом воздух и злобно выкатывая на нас глаза. Омерзительная тварь, достаточно уродливая, чтобы удовлетворить самого пылкого любителя рыб. Из ее жаберных щелей сочилась кровь.

Дэн и Диана уже выволакивали на сушу вторую акулу; на сей раз выпало окунуться Диане. Она выбралась на причал, смеясь, но у ее отца настроение портилось на глазах. Он яростно бил по воде острой, подцепляя диковинную губастую рыбку с глазами навывкате, длиной в метр. Я всегда удивлялся, как это у людей достает хладнокровия плавать в здешних водах.

— Забирайте вы их поскорее в свой бак, — проворчал Дэн. — Они, между прочим, родились на свет без этих ваших чертовых оксигенаторов, и вы это отлично знаете.

— Да, но этих я не возьму.

Время словно остановилось. Дэн побледнел. Острога со стуком упала на причал.

— Что вы сказали? — почти ласково переспросил он.

— Эти экземпляры повреждены. Поглядите только на их жабры! Я не смогу продать их. Мои клиенты привыкли получать все самое лучшее.

— Их можно вылечить, — процедил Дэн с видом убийцы.

— Вне всякого сомнения. Однако это слабое утешение, потому что покалеченная рыба годится только на корм. Бросьте их назад в воду. Я их не возьму.

— Вы их заказали, и вы их купите.

— Ошибаетесь, — надменно сказала Миранда. — Я только хотела взглянуть на них. Я на них посмотрела и теперь возвращаю назад. Это привилегия каждого покупателя. Всего доброго, мистер Уэстэвэй. Всего доброго, мистер Сагар. И вам, Диана. — Она повернулась и, хлопая полами плаща, пошла к грузовику.

— Стой, где стоишь! — гаркнул Дэн и, в три шага настигнув Миранду, схватил ее за руку.

— Пусти, животное! — взвизгнула она.

— Папа! — предостерегающе крикнула Диана.

— Всем известно, что ты величайший сноб на всем Полуострове, — сдержанно продолжал Дэн, крепко держа за руку свою невольную

слушательницу. — И друзей у тебя нет с тех пор, как ты разругалась со снобом номер два, Кариокой Джонс. К тому же, ты бессовестная торгашка и живешь за счет самого большого сумасбродства, если не считать полетов на планерах. Ты богатеешь, уговаривая легковверное дурачье, что нет ничего лучше ручных рыб. Поскольку твои так называемые питомцы плохо приспособлены к жизни на суше — а не надо быть океанологом, чтобы это знать — ты удваиваешь доходы, продавая их обеспокоенным владельцам сменные оксигенаторы, увлажнители, зуболечебные приборы, присыпку, соляные и железные пилули, витамины и прочую дребедень. А если рыбы все еще продолжают подыхать, ты берешь их в питомник под свое наблюдение и получаешь за это жирный куш. Ты — скряга, шарлатанка, позор профессии ветеринара!

Великолепная речь — никакой лжи, ничего, что давало бы основание для судебного преследования.

— Я привлеку тебя за оскорбление, свинья!

— Провались ты к чертовой матери! — буркнул Дэн, выпуская ее руку.

Миранда лихорадочно озибалась в поисках достойного, с ее точки зрения, ответа — и нашла. Серая туша Ползучего Рифа высилась над загонами, точно семья слонов, задравших хоботы.

— Я знаю, ты хочешь уничтожить этот риф — а еще называешь себя океанологом! В этом рифе миллионы живых существ, и у каждого из них такое же право на жизнь, как у тебя, Дэниел Уэствэй! Будь уверен — если только ты посмеешь хотя бы кулаком погрозить этому рифу, я подниму против тебя и полицию, и журналистов — ты и пикнуть не успеешь. Понял?

— Ты сама не знаешь, о чем говоришь, — устало отозвался Уэствэй.

Он терпеть не мог Миранду. Уж не потому ли, что Диана уговорила его доверить Миранде перевоспитание Милашки? Не боялся ли он, что Миранда добьется успеха, так где он оказался бессилем? Наверняка. И все же, в этой неприязни должно было скрываться что-то еще.

В следующие дни дождь перестал, зато ветер вдруг словно обрел второе дыхание и играючи сорвал кровлю с моей небольшой фабрики. Я там изготавливаю украшения из кожи слитое — вернее, изготавливал, пока мои рабочие не забастовали. Им не нравится, когда ледяная вода льется ручьями за шиворот и портит станки. Признаться, я их понимаю.

Сами слиты, ящерицы синего цвета, забились поглубже в свои хижины — ветер разбрызгивал в загончиках соленую водяную пыль. Никогда еще я не видел своих слитов такими несчастными — с того дня, как Кариока Джонс привезла на ферму свою сухопутную пилу-рыбу Челмондели. Слиты, подобно хамелеонам, меняют цвет в зависимости от настроения. Желтый — страх, синий — несчастье, розовый — любовь, не говоря уже о множестве промежуточных оттенков. Столетие было затрачено на то, чтобы закрепить у них это свойство. Они ежегодно меняют кожу, и если ее немедленно обработать, из нее уже можно сделать что угодно — шарфы, платья и тому подобное. При этом кожа сохраняет свойство менять цвет — в зависимости уже от своего нового владельца...

Я заменил кровлю, утихомирил забастовщиков и к четвергу уже был сыт этим по горло, так что с утра сел в свой автомобиль на воздушной подушке, сделал вид, что не заметил мастера, который спешил сообщить

мне об очередной неполадке, и во всю прыть умчался прочь.

Я остановился на распутии, где основное шоссе сворачивало к Луизе. Куда бы податься? Кариока Джонс вышла из тюрьмы и снова поселилась в «Звездах» — своем воздушном доме. Ужасная женщина, хотя посплетничать с ней после обеда совсем неплохо. Но нужно ли мне сейчас общество стареющей кинозвезды, которая способна говорить только о своих активистских подвигах.

Боже упаси! Я повернул на юг и уже скоро, припарковав машину, спускался к лагуне. Ветер стих, и малянистая гладь моря была неподвижна. На пляже, у дома Дэна Уэстэвэя толпились люди. Сегодня утром я не был здесь единственным гостем.

Меня опередила полиция.

Господи... Случилось что-то страшное. Диана!.. Я бросился бежать. Диана, истерзанная, лежит на песке без движения. На нее напала шайка бродячих сухопутных акул — эти твари в последнее время наводнили Полуостров... Стоп — возле дома только один вертолет, полицейский, в синюю полосу. Скорую помощь никто не вызывал, а это значит, что пострадавших нет.

Дэн Уэстэвэй с красным от гнева лицом орал на Уоррена Ранни, шефа полиции города Луиза.

— Эта чертова баба грозила, что она мне еще покажет, и показала! — Он приблизил лицо к лицу Ренни. — Какого дьявола, Ренни, что за волокита? Пошлешь ты людей обыскать ее проклятый питомник или нет?

— Дэн, — спокойно отозвался Ренни, — какие у тебя доказательства?

— Доказательства? — Доказательства! Дюжины мертвых дельфинов тебе недостаточно? Пошли! — Он зашагал вдоль края лагуны, а за ним последовали фараоны и ваш покорный слуга. Дианы нигде не было видно. — Эта баба пробралась сюда прошлой ночью и разбросала отраву. Ее дом совсем близко — вон, видишь, за деревьями торчит труба? Я надеюсь, ты все это записываешь?

— Все мое время, — терпеливо отвечал Ренни. — Дэн, я не хотел бы записывать то, о чем ты потом пожалеешь.

— Джо ее слышал! — рявкнул вдруг Дэн, разворачиваясь ко мне. — Скажи ему, Джо! Расскажи, как мне угрожала эта чертова баба, Марджорибэнкс!

Я заколебался, и Ренни одарил меня пронзительным взглядом, на которые он великий мастер.

— Произошло недоразумение, — выдавил я.

— Недоразумение! — Дэн издевательски хохотнул. — Ты это так называешь? Какого дьявола ты защищаешь ее, Сагар?

Что еще я мог сказать? Мы поспешно шагали по грязному пляжу, огибая примитивную дамбу, построенную Дэном в те дни, когда он заманил в ловушку Ползучий Риф. Теперь эта часть лагуны была осушена, и Риф потерял способность передвигаться... может быть. Он маячил перед нами — серый полумесяц — пять метров в высоту, шесть или семь в ширину, а длиной, так все сорок метров. Тускло-серого цвета, он был зернисто-рыхлым, как пемза. Первые два метра в основании Рифа были плотными, но выше вещество Рифа разветвлялось, свиваясь диковинными спиралями, завитками, колоннами — точь-в-точь церковный орган, чудовищное творение безумца. В расселинах коралла шныряли иглокожие — морские звезды и морские ежи.

— А ведь эта проклятая штука все еще жива, — пробормотал Ренни,

разглядывая трепещущие реснички анемоны. — Каким дьяволом она кормится?

Анемона схватила алую бабочку. Щупальца с силой свились, запихивая пойманное насекомое в желудок.

— Чтоб мне провалиться, — изумленно проговорил кто-то.

— Весь Риф все еще живет, — заметил Дэн. — Сюда. Повернем вот сюда.

Мы вошли во впадину серого полумесяца. Там была Диана, окруженная с трех сторон причудливыми стенами Рифа. Она улыбнулась мне и обратилась к отцу:

— Послушай, папа, я думаю, ты...

— Ладно, — оборвал ее Дэн. — Вот, Ренни, погляди на это.

Над коралловой стеной свисал хвостовой плавник дельфина. Голова и почти все тело скрывались в глубокой расселине.

— Это мой ученый дельфин. Самка. Вот так мы ее и нашли. Другие тоже были здесь, вокруг Рифа — в агонии. Мы отнесли их домой, но что проку? Они все умерли. Отравление. Чтобы я да не узнал симптомы! Ну, что ты на это скажешь?

— Папа, — твердо сказала Диана, — по-моему, тебе стоит взглянуть вот на это.

— Что? — Дэн шагнул вперед, не отрывая глаз от трупа. — Иисусе...

Он поднял какую-то щепку, потыкал ею тело и приподнял хвост. Мы столпились вокруг.

Там, где тело дельфина соприкасалось с Рифом, плоть исчезла. По спине у меня поползли мурашки. Миллионы тончайших щупалец отпрянули в раковины. Глубже в расселине, ни на что не обращая внимания, трудились ненасытные анемоны. На голове дельфинки, насыщаясь, возлежала морская звезда. Омерзительное зрелище!

— Вот странно, правда? — сказал полицейский. — У дельфинов ведь такие прочные шкуры. Да и вряд ли труп успел разложиться. Так какого дьявола...

— Ее растворили... — тихо сказал Дэн. — Коралл выделяет сильный растворитель... и другие существа, вероятно, тоже. — Он выпрямился. — Нужно изучить это явление. Однако сути дела это не меняет. Вначале что-то должно было убить дельфина. Я исследовал других погибших животных и нашел в их крови сильнейший яд. Вернемся в дом.

И мы, слава Богу, вышли из этой впадины. Нас окружали бесчисленные миллионы живых существ, вырванных из родной стихии и борющихся за существование...

— Черт подери! — воскликнул кто-то.

— Удивительно, что Риф вообще живет, — сказал я Диане. — Все эти морские звезды, ежи, сами кораллы — как они ухитряются существовать без воды?

— У отца есть теория... — она осеклась и обернулась. — Что случилось, Джим?

Один из полицейских, Джим Андерс, согнулся, разглядывая тыльную сторону ладони.

— Чертовски жжется, — пробормотал он.

— Дай — ка я гляну, — сказала Диана. — Эй, не шевелись! Ты дотронулся до морского ежа. — Сильно сдавив мякоть ладони, она извлекла наружу стерженок тонкого шипа, вонзившегося в кожу. — Не вздумай тереть. У этой иглы кончик зазубрен, ты ее только глубже

загонишь в кожу. Я вытащу ее в доме.

— А я ничего не касался, — сказал Андерс.

— Морского ежа можно задеть даже не заметив, — показала головой Диана. — Со мной это не раз случалось, когда ныряла.

У Андреса от боли слезы навернулись на глаза. Пальцы левой руки с силой сомкнулись на запястье правой. Кожа вокруг иглы горела нездоровой краснотой. Плохо дело.

— Я же ничего не касался, — упрямо повторил он.

Я поднял обломок дерева, выбеленного морем, замахнулся им на морского ежа, забившегося в коралловую щель, и внимательно осмотрел обломок.

Из дерева торчало с полдюжины черных иголок...

Господи! Я схватил Диану за руку и выволок из опасной зоны, на бегу предостерегающе крича остальным. Дэн побежал за нами. Полицейские обступили нас, и я показал им обломок дерева.

— Ты хочешь сказать, что еж метнул иглы? — недоверчиво осведомился Дэн.

— Проверь сам, — посоветовал я.

— Папа, не надо, — поспешно сказала Диана. — Я все сама видела. Именно так погибли наши дельфины. Помнишь, в каждом из них мы нашли вот такие иглы? Мы-то решили, что подцепили их, когда оттаскивали тела подальше от Рифа.

— Пришлите вертолет скорой помощи к дому Уэстэвэя, срочно! — распорядился Рекни в свой наручный визифон. — Как ты себя чувствуешь? — обратился он к Андресу, который скорчился над своей рукой с посеревшим от боли лицом.

— Это не обычный морской еж и не обычная игла, — проговорил Дэн. — И весь этот проклятый Риф — не обычный.

Чайка уселась на коралловый пик, не сводя глаз с дельфиньих останков. Алчная пожирательница падали ждала, когда мы скроемся из виду.

— Присядь-ка лучше. — Ренни извлек нож, наклонился над Андерсом и занялся малоприятным делом. Я увидел, как брызнула кровь. — Сиди и не шевелись, ладно? Сейчас прибудет помощь. — Он резко повернулся к Дэну. — И ты зовешь себя океанологом? Какого черта ты не знал об этом? Пудришь мне мозги болтовней о Миранде Марджорибэнкс! Твое счастье, Уэстэвэй, что я не включал диктофон. И вот что я тебе скажу: если Андрес... — Ренни не договорил.

— С ним все будет в порядке, — сказал Дэн. — Ему досталась только одна игла, а дельфинам — по несколько дюжин. Чего я не понимаю... — Он впился взглядом в Риф. — Дельфины ведь обычно хорошо чувствуют опасность. Как же это им пришлось в голову шнырять вокруг Рифа?

— Да уж верно не с подачи Миранды Марджорибэнкс! — огрызнулся Ренни.

Дэн, однако, был не из тех, кто легко признает свои ошибки, и начал громко рассуждать о природе и развитии Ползучего Рифа. Андрес тихо постанывал, а Ренни нетерпеливо глядел на небо.

Почему только Дэн оставил свою профессию и выбрал такую примитивную жизнь? И только ли научное воодушевление горело в его глазах, когда он смотрел на Риф и рассуждал о полипах, медузах, кишечнополостных и иглокожих?

Прилетел вертолет скорой помощи, взметнув в воздух вихрь песка и

гальки. Погрузили Андерса. Скоро взлетел и полицейский вертолет, и мы трое — я, Дэн, Диана — остались одни посреди внезапной тишины.

— А чайка-то так и не двинулась, — сказал Дэн.

Риф побил хищницу ее же оружием.

Мелкие распри — главное занятие многих жителей Полуострова, но я к их числу не отношусь. Всю следующую неделю до меня доходили слухи, что вражда между Дэном и Мирандой Марджорибэнкс все усиливается, так что я держался подальше от их лагуны, и от «Тихоокеанского Питомника». Очень уж неохота ввязываться в чужие дразги.

В воскресенье я заехал к Кариоке Джонс. Почему? Да потому что она — один из лучших моих клиентов. Вот и все. Мы сидели в обзорном зале ее воздушного дома и смотрели, как в сотне метров внизу волны медленно лижут берег.

На бурном мартовском ветру в таком доме не слишком уютно. Хмелея от качки, мы взлетали в небо, Кариока взвизгивала от восторга и цеплялась за мою руку, расплескивая ликер на обивку кресла.

— Джо, дорогой мой, ну разве это не прелесть? — проворковала она.

— А кабель проверяют часто?

— Вчера здесь была Миранда, так она порядком испугалась. Она, бедняжка, не переносит высоты.

— Миранда — здесь? Я думал, ты ее и на дух не переносишь.

Черные глаза Кариоки блеснули.

— Джо, да с чего ты это взял, скажи на милость? Из — за досадного недоразумения, случившегося в ее питомнике... ну знаешь, серьезные женщины вроде нас с Мирандой не позволяют таким глупостям становиться помехой дружбе. Джо, все кончено и забыто. Я вызвала ее осмотреть Челмондели — он в последнее время был немного не в себе.

Отвратительная рыба-пила лежала перед нами на коврике. Услышав свое имя, она дернула головой. Метровой длины пила чиркнула по воздуху, едва не задев мою лодыжку. Господи Иисусе!..

— Спокойно, малыш, — пробормотал я. Уродина пристально следила за мной, акулоподобное тело напряглось, в жаберных щелях пульсировал оксигенатор. У меня по спине пробежали мурашки.

— Но дело кончилось тем, что Миранда почувствовала себя хуже, чем рыба! — захохотала Кариока и своей прелестной ручкой ухватила за мое плечо — дом снова качнуло. Лучше не думать о том, откуда у стареющей женщины такие молодые руки. — Пришлось мне опускаться на землю, чтобы она могла закончить осмотр. Впрочем, я согласилась всецело бросить силы «Врагов Рабства» на поддержку ее великого дела. Она, дорогуша, была так довольна!

— Я думал, что «Врагов» распустили.

— Послушай, Джо, только потому, что было отложено принятие этого отвратительного закона об уголовной реформе, нельзя пускать на ветер великолепный боевой дух моей организации. «Враги рабства» живы, едины и только ищут дела, в котором можно было бы заявить о себе. И теперь мы нашли такое дело — благодаря Миранде Млрджорибэнкс!

— Гм, — забеспокоился я, — и какое же это дело?

Активисты Кариоки меня раздражают. Когда-то я и сам был с ними, но их методы показались мне слишком грубыми. Должно быть, я прирожденный законопослушный гражданин. Не то что Кариока — только из тюрьмы, и снова рвется в бой.

Она посерьезнела:

— Ты слышал, что этот неотесанный рыбак Уэстэвэй замышляет взорвать Ползучий Риф? Он решил уничтожить этот уникальный экземпляр земноводной жизни только потому, что тот стоит на пути его непомерной страсти к наживе!

— Насколько мне известно, Риф убил его дельфинов.

Кариока только фыркнула.

— Не сомневаюсь, что у Рифа были на то свои причины. Так или иначе, а «Враги» намерены помешать этому замыслу, даже если им придется пикетировать возле самого Рифа. Мы скорее сами погибнем от подлого взрыва, чем позволим уничтожить такую красоту!

— Гм... на твоём месте, Кариока, я не подходил бы слишком близко к этому рифу.

— О, я вполне признаю, что у бедного создания есть свои, хоть и слабые способы защиты! — заверила она.

Должен ли я предостеречь Дэна? Черт побери, да! Я нашел его во дворе дома — он бросал палку ручному дельфину. Тот подскочил к воротам, носом откинул щеколду и распахнул ворота. Затем умница-дельфин прополз по гальке туда, где лежала палка, и с ней вернулся к Дэну, сияя ухмылкой и отдуваясь. Дэн заметил меня и проворчал что-то приветственное.

— Марджорибэнкс напустила на тебя «Врагов Рабства», — сообщил я ему.

— Знаю, Джо, и буду наготове, он искоса глянул на Риф. — Пускай только прибудет взрывчатка, и этот малыш взлетит на воздух, как миленький, а «Враги» пусть себе хоть лопнут. Пойдем в дом, выпьем. Я тебя недели две не видел, Джо.

Диана была дома — готовила ужин на старомодной плите, которая топилась дровами. Дэн порой чересчур буквально понимал девиз «назад, к природе». На скамье, в углу стоял электронный микроскоп, рядом лежали куски коралла.

— Дэн, а почему бы тебе просто не построить ограду вокруг Рифа? — спросил я.

Он налил всем, передал мне стакан и сел.

— Ограда нужна высокая, а это будет стоять слишком дорого. Дельфинов точно притягивает этот проклятый Риф, а прыгают они на добрых десять футов в высоту. И потом, я просто не желаю, чтобы Риф торчал у меня под боком. Есть в нем что-то жуткое. Понять не могу, что именно.

Может быть, и так. А может, Риф был просто поводом для стычки с Мирандой?

— Но не можешь же ты так просто взять и взорвать Риф, — сказал я. — Господи, ты же все-таки океанолог!

Диана предостерегающе нахмурилась, но Уэстэвэй продолжал довольно мирно:

— Верно, но я ведь еще и рыбак, и мое процветание зависит от ученых дельфинов. Само присутствие Рифа отвлекает их от работы. У меня случались недоразумения еще до того, как дельфины погибли. Все предельно просто. Я изучил Риф, записал все свои наблюдения и нашел в Рифе не больше особенностей, чем в любой сухопутной акуле — вот только он приспособился к жизни на суше без помощи человека. Забавное явление, и ничего более. Может быть, в океане сотни ему подобных. Так

что долг океанолога я исполнил, а теперь мне надо зарабатывать на жизнь.

— У тебя же есть по меньшей мере один дельфин, и чувствует он себя совсем неплохо.

— Да, это Милашка. Он просто глуп, и больше ничего. — Дэн помолчал, колеблясь. — Он появился пару дней назад — удрал из «Тихоокеанского Питомника». Верно, соскучился по Диане, — он поднялся. — Иди-ка сюда, если хочешь узнать кое-что любопытное о Ползучем Рифе.

Он рассказал удивительную историю, иллюстрируя ее видеозаписями и образцами коралла, и странно звучал его хриплый невыразительный голос в полуразвалившемся доме на краю лагуны, где за окнами выл мартовский ветер, а волны шуршали и скребли по галечному пляжу.

— Весь секрет в Метаболизме, — рассказывал Дэн, а Диана сидела рядом. Отчего она была так беспокойна? — Коралл мадрепора принадлежит к отряду зоантариев, который включает и морские анемоны. Твердая часть коралла, скелет, состоит из углекислого кальция, извлеченного из морской воды. Обычно колония развивается на окаменевших останках прежних поколений кораллов. Однако в случае Ползучего Рифа коралл развил в себе способность вырабатывать сильную кислоту, которая растворяет останки и перерабатывает в известь для новых полипов. Процесс добывания извести из морской воды здесь попросту минует.

Дэн смотрел куда-то поверх моей головы, позабыв о своей выпивке.

— И еще два новых свойства — ускоренный обмен веществ и ульевый инстинкт. Это помогает Ползучему Рифу передвигаться в любом избранном им направлении со скоростью примерно четыре километра в год. Словом, Риф получает возможность двигаться против планктонового потока. Если, конечно, его не интересует что-нибудь другое — как, например, мои дельфины, которые пару лет назад проложили для него дорожку из мертвой рыбы по океанскому дну.

Так Риф стал угрожать судоходству и рыболовству, и тогда мы заманили его в лагуну и ждали, пока он не погибнет. И никто на это не жаловался.

Он умолк и одним глотком осушил стакан.

— Почему же он не погиб? — спросил я.

— Риф очень быстро развивается. Подумай только, как быстро должны расти новые полипы, чтобы он мог двигаться со скоростью четыре километра в год! Да и он привык к тому, что при отливе оказывается выше уровня воды. Риф без труда приспособился к жизни на суше. Правда, пищи здесь поменьше — но и обмен веществ у него замедлился, как у медведя в спячке. И на помощь Рифу пришли анемоны, морские ежи и звезды, которые живут в симбиозе с полипами.

— Это-то мне ясно, — сказал я. — Только все равно не могу понять — как же он питается? Двигаться-то он не может.

— Так ведь вокруг полно насекомых — воздух над лагуной прямо-таки кишит москитами. Так сказать, воздушный планктон... — Ден помрачнел еще больше. — И потом, — похоже, Риф может приманивать и более крупную добычу. Бродячих сухопутных акул, садовых барракуд — всех этих тварей, которых столько расплодилось на Полуострове. А также птиц... и моих дельфинов.

Дэн умолк. Диана, добрая душа, пригласила меня поужинать. Весь

вечер я флиртовал с ней при угрюмом молчании Дэна. Однако и у Дианы вид был какой-то рассеянный.

— В чем дело? — спросил я. Мне казалось, что она думает о том, как сложится ее судьба там, среди звезд. И о том, что ее отец останется здесь совсем один.

— Да так, ничего. — Глаза ее отсутствующе глядели вдаль. — Просто слушаю ветер.

Воскресное утро. Визифон зажужжал около десяти часов. На экране появилось лицо Кариоки — резкость изображения нарочно слегка смазана, чтобы затушевать морщинки.

— Джо! — воскликнула она. — «Враги Рабства» проводят сегодня в полдень митинг возле «Принцессы Луизы». Там будут все, кто хоть что-то значит, и я совершенно уверена, что мы можем рассчитывать на твое присутствие. Я обращусь к людям с речью, милая Миранда тоже, а потом мы все вместе двинемся к лагуне. Кстати, я не говорила тебе, что хочу заказать одну из твоих прелестных слитовых пелерин?

Гм, шантаж? Ну, пускай.

— Я там буду. Только мне не хотелось бы принимать чью-то сторону.

— Ох, Джо, какое имеет значение, на какой ты стороне — в демонстрации важно количество участников. Разведка сообщила мне, что это чудовище Уэстэвэй получил наконец свою взрывчатку, и я намерена позаботиться, чтобы наш милый Риф был окружен друзьями и защитниками, а там уж пускай Уэстэвэй нажимает свою чудовищную кнопку, если, конечно, посмеет!

— Ради Бога, Кариока, не подпускай ты людей к Рифу. Джим Андерс только вчера вышел из больницы. Он с трудом выкарабкался.

— А ты, Джо, разве не защищался бы, если б что-то угрожало твоей жизни? Вот что я тебе скажу: я уверена, что симпатии всего Полуострова, не говоря уже обо всем народе, на все сто процентов с несчастным, запуганным Рифом! Господи, который час? Мне пора лететь. Пока, Джо, дорогой!

Экран погас. Я задумчиво потягивал горячее питье. «Враги Рабства» мастера возбуждать общественный интерес! Если Кариока обеспечила трансляцию по третьему каналу видео — а она не из тех, кто недооценивает средства информации, — вряд ли Дэну удастся так легко избавиться от Рифа.

Я включил карманный видеовизор, и тотчас на экранчике появилось лицо Миранды Марджорибэнкс. Час от часу не легче! Я поспешил отключиться. Битва за Ползучий Риф обещала превратиться в процесс века.

Я отправился на ферму. Ветер снова усилился, и ветхие жилища слитов раскачивались, грозя вот-вот взлететь вместе с их обитателями — наподобие дома Кариоки. Я укрепил стены изнутри камнями, а слиты между тем жались по углам, синяя от страха.

В половине двенадцатого я набрал номер лагуны. На экране появилось лицо Дианы.

Я встал вне досягаемости объектива и, нарочито хрипло дыша, сообщил:

— Это анонимный вызов с неизвестного визифона!

Потеха, да и только.

— Как хорошо! Я как раз мечтала, чтобы кто-нибудь меня подбодрил.

Какую гадость ты собираешься мне показать, Джо?

— А как ты узнала, что это я?

— По дыханию. Нет серьезно, Джо, ты знаешь, что у нас здесь сегодня ожидается сражение?

— Знаю. Где отец?

Она состроила гримаску.

— Длинной палкой запикивает в Риф «юппиты». Ох, Джо, я никак не могу его образумить. Недавно у нас побывала полиция, и этот мошенник Ренни сообщил, что «Враги» добиваются судебного запрета. Если папа взорвет Риф, у него будут крупные неприятности. А он только смеется, Джо.

Черт побери!

— Радость моя, я как раз собираюсь на этот митинг. Если удастся, я постараюсь утихомирить «Врагов», только вряд ли это удастся. У них руки так и чешутся унизить твоего отца. Это все козни Миранды. Они добьются судебного запрета и будут стоять вокруг, издеваться и подбивать его нажать кнопку. Кстати, что такое «поппиты».

— Последнее слово во взрывном деле, — она поморщилась. — Тепловая вспышка, радиоуправление и так далее. Когда «поппит» взрывается, все, что соприкасалось с ним, расширяется так быстро, что почти испаряется. Вряд ли папа удержится от искушения нажать на кнопку. Пожалуйста, — продолжала она, — только не осуждай его. Когда меня не будет, ему понадобится друг. А он с большим трудом сходится с людьми после смерти мамы.

— Ты никогда мне не рассказывала, как она умерла.

— Это случилось в исследовательском рейсе, вокруг Гольф-ских островов... — Диана замаялась. — Папа никогда не рассказывал мне подробностей, сказал только, что мама ныряла и... Я была тогда совсем ребенком. Он бросил свою работу и стал рыбаком.

Помнится, Дэниел Уэстэвэй как-то сказал мне: «Джо, рыбак не любит моря. Он его только грабит...»

Я отключился и отправился в Луизу. Порывы ветра, то и дело меняя направление, хлестали по равнине, гнули деревья, точно луки. Вести машину было нелегко; несколько раз меня сбивало с дороги, и приходилось продираться через кустарник. Наконец я отключил подъем и перенес тяжесть на колеса. Полегчало. Я прибыл в город вскоре после полудня, припарковался и пешком прошел пару кварталов — туда, где стоял вытасченный на берег прогулочный корабль «Принцесса Луиза».

На тротуаре была установлена трибуна, и уже издали я услышал пронзительный голос, обращавшийся к толпе. Там собрались по меньшей мере пять сотен людей, и везде мелькали камеры «Видео-Три». Яблоку негде упасть, а толпа все прибывала.

— ... Человек-Разрушитель, — вещал пронзительный голос. — Неужели нет предела его самоуправству? Неужели он так и будет попираť все живое на своем пути к владычеству над природой? Исчезли с лица земли гагарка и странствующий голубь, гигантский панда и сибирский тигр, гризли и американский лось...

Говорила Мираида Марджорибэнкс.

— Кое-кто из нас сражается с приливом безразличия, — вещала она. — Немногие из нас все еще вносят свой малый вклад в продолжение существования животного царства — если только можно назвать царством эту жалкую кучку уцелевших.

Я рада, что могу внести свою лепту в это благородное дело. — Она сделала паузу и погладила по голове небольшую пятнистую собаку, которая лежала у ее ног. — В «Тихоокеанском Питомнике» я воссоздаю наземную жизнь. С любовью и самоотверженностью я возрождаю то, что отняли у нас ревность и ненависть человека. Я приглашаю вас в любое время посетить «Тихоокеанский Питомник» и стать свидетелями совершенных мной превращений, познакомиться с живыми существами, которым я дала новую восхитительную жизнь. Вы можете приобрести моих питомцев. — Она подняла морскую собаку на руки, покачала ее, погладила по голове. — Тот не знает бескорыстной любви, кто не познал преданности морской собаки! — провозгласила Миранда, точно участвовала в рекламном ролике; впрочем, кто бы ни поручился, что так оно и было?

Толпа одобрительно забормотала, затем восторженно загудела — это к микрофону подошла Кариока Джонс. Она ослепительно улыбнулась и взмахнула листком бумаги. Над нею развевалось знамя.

— Друзья мои! Вот судебный запрет, который по нашему настоянию принял суд! Здесь говорится, что отвратительный негодяй Уэстэвэй не может уничтожить Ползучий Риф, под угрозой немедленного заключения в тюрьму! Разве это не чудесно? Я уверена, что вы все так же взволнованы, как и я, а потому предлагаю сию минуту отправиться маршем в лагуну и в открытую схватиться с Уэстэвэем! По пути вам будет обеспечено снабжение едой и напитками, а кроме того, назад вас доставят транспортом, об этом уже позаботились. Как вы знаете, ничто так не способствует упадку сил и духа, как необходимость плестись пешком после демонстрации.

Она улыбнулась еще шире, так что накрашенный рот перечеркнул лицо кроваво-алым шрамом, зябкий ветер развевал ее прямые черные волосы. Ужасная женщина, но со своим делом она справилась — лучше некуда. Рядом с ней Миранда Мардэжорибэнкс пыталась что-то сказать, но вдруг обнаружила, что ее задвинули на вторую роль — обычная судьба партнеров Кариоки на шоу.

— Итак, в поход! — весело прокричала бывшая звезда «Видео-Три». — Все, как один, поднимем наши знамена!

Передо мной вырос лес развевающихся на ветру флагов. Я попятился и, чувствуя себя дезертиром, бочком двинулся к машине. На обочине я заметил нескольких людей из планерного клуба; Дуг Маршалл отпустил какую-то шпильку насчет моего позорного отступления. Я двинулся на юг — на небольшой высоте, предусмотрительно выпустив колеса.

Всю дорогу я сражался с рулем. Движение было не слишком оживленное, но дважды я миновал грузовики с припасами для участников марша. Сразу за «Тихоокеанским Питомником» дорога круто изгибалась, затем вливалась в шоссе, ведущее вниз к лагуне. По холму взбиралась раскрасневшаяся и запыхавшаяся Диана, за ней вприпрыжку следовал Милашка.

— Папа велел вернуть его в питомник, — с несчастным видом пояснила она.

— Я думал, он захочет испортить настроение Миранде.

— Оно так, но он сказал, что не желает, чтобы его надували, и что не заберет назад Милашку, пока тот не исправится. — Диана поколебалась. — Я всерьез беспокоюсь, Джо. Папа уже установил все

«поппиты» и теперь сидит там, злорадно уставясь на панель дистанционного управления, Я... я боюсь, случится что-нибудь ужасное...

Я спустился в лагуну и припарковал машину. Дэн стоял на пороге дома, уперев руки в бока и посмеиваясь.

— Приехал повеселиться, Джо?

Вид у него был совершенно непринужденный. Панель управления лежала на скамье у подветренной стены дома. Прибой расшвыривал гальку, и воздух был туманным от водяной взвеси. Паршивая погода для общественных мероприятий. Мои брюки пропитались влагой. Дэн, должно быть, тоже промок насквозь, но ему сегодня все было нипочем.

Прилетел полицейский вертолет, сел, опасно раскачиваясь и расшвыривая водоросли. Ренни Уоррен с сердитым видом зашагал к нам.

— Что, Дэн, все еще не отказался от своей затеи? — Он одарил меня пронзительным взглядом. Ренни явно считал меня сообщником, и если Дэн не образумится, как бы мне не оказаться за решеткой. — По холму поднимается почти тысяча демонстрантов, парень, Что прикажешь мне делать, если дела обернутся совсем худо?

— Так значит, в одной Луизе почти тысяча тупоголовых ханжей, — удивленно пробормотал Дан. — Разве не показывает это, что сидит глубоко в нас, дожидаясь смуты, чтобы вылезти наружу? Эти олухи едят мясо, травят крыс и обрызгивают инсектицидами розовые кусты — но вот кто-то говорит им, что чертов Риф, в отличие от крысы, бесценен и чудесен, и вот они уже верят этому, и вот уже без всяких вопросов идут сражаться за Риф!

Говорю тебе, Уоррен: этот Риф — убийца. Остается лишь надеяться, что таких, как он, немного, иначе конец рыболовству.

— Дан, — сказал Ренни, — если кто-нибудь взорвет Риф, я лично сопровождаю его в тюрьму.

Наступило тяжелое молчание. Я уже жалел, что не остался дома. Дэн, шестеро полицейских и я, грешный, стояли и смотрели на Риф. Иисусе, хотел бы я знать, что творится в голове у Дэна!

Затем мы услышали крики. С вершины холма к нам текла толпа. Мужчины, женщины, дети, собаки, даже сухопутные рыбы. Над ними развевались флаги. Впереди шагала Кариока Джонс. Бесконечное шествие исчезало за вершиной холма.

Кариока Джонс остановилась перед нами. Вид у нее был ужасный — косметика размазалась по лицу, черные волосы прилипли к черепу. Однако глаза ее победно сверкали. Она дождалась, пока Миранда и другие ее спутники подойдут поближе, затем сунула руку в изукрашенную драгоценностями сумочку и с торжествующим видом извлекла бумаги. Толпа остановилась, вытянувшись вдоль по тропе и вокруг мыса. Точь-в-точь римляне в Колизее, ожидающие смерти гладиатора. Кариока протянула бумаги Дэну.

— И что же ты на это скажешь, мерзавец?

Дэн быстро прочел документ усмехаясь. Уоррен Ренни настороженно шагнул к панели управления.

— Все в порядке, Кариока, — сказал Дэн. — Вполне законная бумага.

Кариока сузила глаза и стремительно обернулась к своей свите.

— Ив! Веди демонстрантов к Рифу, хорошо? — Она снова повернулась к Дэну. — Ты меня не обманешь. Убери взрывчатку, пока не подверглась опасности жизнь сотен невинных людей!

— Нет.

— Господи! Ты соображаешь, что говоришь?

— В судебном запрете сказано, что мне нельзя взрывать Риф. Я и не взрываю. Но вот «поппиты» останутся на местах, и я, Кариока, нипочем не полезу вынимать их оттуда собственными руками. Если хочешь знать, почему, спроси Джима Андерса.

— Эй, Уоррен Рени! Полицейский ты или нет? Почему ты позволяешь этому дьяволу держать нас всех в заложниках?

Для Ренни это было уже чересчур.

— Вы можете уйти, — с задетым видом объявил он.

Кариока огляделась с бессильной яростью.

— Миранда! Это ведь, как я понимаю, твоя затея. Ну так сделай хоть что-нибудь, пока все мы не подошли от скуки! И как только я могла согласиться участвовать в этой нелепице? Они даже еще не стали пикетом вокруг Рифа. Толпятся себе вокруг, точно стадо! В чем дело, черт возьми?

— Кариока, — сказала женщина по имени Ив, — люди боятся подходить близко к Рифу. Говорят, он опасен.

— Еще бы не опасен! Он и должен быть опасным. Только зря ты плачешься мне, голубушка! Весь этот провал организован Мирандой Марджрибэнкс — к ней и обращайся! А я умываю руки.

За толпой, на середине склоне холма я увидел Диану. Вид у нее был потерянный. Мгновение она смотрела на нас, затем медленно двинулась к Рифу; ветер трепал полы ее куртки, играл длинными волосами. Может, она что-то задумала? Милашки при ней не было.

— Великие победы требуют жертв, — начала Миранда, поворачиваясь лицом к собравшимся. Прибой заглушал ее слова, и люди большей частью даже не понимали, что она обращается к ним. — Небольшая опасность — разве это не малая плата за возможность увидеть вблизи это чудо природы? В конце концов, о чем же мы говорим? Это извечная война между жизнью и красотой с одной стороны и алчностью и материализмом — с другой. Вы видите перед собой, — она драматическим жестом указала пальцем на Дэна, — грабителя, хищника и... — голос Миранды сорвался. Она смотрела вдаль поверх голов толпы.

— Не делай этого, Дэн, — сказал я. И тут увидел то же, что и Миранда.

К этому времени все демонстранты столпились во дворе и на пляже. Ренни, Дэн, Кариока, Миранда и я стояли у подветренной стены дома, возле скамьи. На скамье лежала панель дистанционного управления с красной кнопкой. Полагаю, все мы инстинктивно держались поближе к кнопке, чтобы помешать каким-нибудь безрассудным действиям. За толпой высился склон холма, поросший травой и кустарником, в котором гулял ветер.

Там, одинокая, шла Диана. Медленно, полусонно, словно не осознавая нашего присутствия.

А через гребень холма, блистая и приплясывая на сырой траве, катилась к нам волна сухопутных рыб.

— Боже мой! — воскликнула Миранда. — Они сбежали из «Питомника»! Как они, черт побери, могли выбраться?

Дэн посмеивался:

— И ведь они идут к Рифу, подружка! А Риф способен метать отравленные иглы. Боюсь, твои питомцы погибнут. Все до единого.

— Какого дьявола их всех несет к Рифу, Дэн? — вмешался Ренни. Он

явно подозревал, что это дело рук Дэна.

— Я ведь говорил тебе, что Риф опасен, — рыбаки все усмехались. — Он погубил моих дельфинов, и вот уже много месяцев он приманивает к себе все съедобное, будь то птицы или сухопутные рыбы. Ему, видишь ли, надо много есть. У него высокий метаболизм...

Волна сухопутной рыбы скатилась с холма, а между рыбой и Рифом шла Диана. Я крикнул, предостерегая ее, но она была слишком далеко и не расслышала. Пребывала в своем собственном мире. Рыбы накатились на нее грозной серебрящейся волной.

И миновали ее, обтекая Диану, точно она была скалой в море. Я схватился за скамью, чтобы не упасть. Господи, какой ужас... Рыбы двигались дальше, и рядом с Дианой осталось только одно существо. Милашка. Не замедляя шага, Диана рассеянно погладила его по голове.

— Ради Бога, кто-нибудь, остановите их! — взвизнула Миранда. — В этой рыбе целое состояние!

Дэн все еще говорил, но слушал его только я.

— Риф развил в себе способность приманивать пищу звуковыми волнами. Эти кораллы растут спиралями один на другом, и растут довольно быстро. Выжили те колонии, которые сумели преобразовать ветер в наборы звуков, привлекающие живые существа: птиц, рыб, даже насекомых. Звуки на высоких частотах, Миранда. Люди их не слышат. Но твоя рыба...

Бум-м!

Ползучий Риф превратился в фонтан обломков. Земля содрогнулась. Диана упала; над ней сыпались дождем осколки коралла. Сухопутные рыбы на миг закружились, затем поспешно брызнули в разные стороны, прячась в кустарнике. Туча дыма и коралловой пыли зависла в воздухе, затем ветер подхватил ее. Мы пригнулись — на головы сыпались мелкие камушки. Крики толпы затихли, сменившись бормотанием.

Диана поднялась, и я услышал собственный громкий вздох облегчения.

Ползучий Риф? От него осталась только впадина, черневшая в грязи. Вода, сочась из-под земли, быстро заполняла ее.

Дэне все еще говорил. Может быть, он и не умолкал?

— Как видите, больше расти он не в состоянии. Слишком высокий метаболизм. Отдельные кораллы умрут от голода, прежде чем сумеют вырастить акустические завитки...

Кариока Джонс обрела дыхание и рывком развернулась:

— Миранда, ты немыслимая скотина! Сколько я трудилась, сколько сил отдала своим дорогим «Врагам», а ты продала нас с потрохами из-за какой-то вонючей рыбы!

Миранда, само собой, отрицала, что нажала на кнопку, но пользы ей от этого было немного. Никто не видел, как это произошло — все следили, как сухопутные рыбы идут навстречу гибели. Зато каждый знал Миранду.

— Милая Миранда, — говорила мне Кариока Джонс несколькими днями спустя, — конечно, способная женщина с деловой хваткой, но она не принадлежит к типу людей, которых я хотела бы видеть на своем Пасхальном Фестивале. — И единым росчерком пера по списку гостей она отправила ветеринар-шу на самое дно общественной жизни Полуострова.

Уоррен Ренни не спешил с обвинениями.

— Джо, она этого не делала. Я знаю, кто сделал, но у меня нет доказательств. Если хочешь знать правду — Дэн Уэстэвэй перехитрил

меня. Он увидел отличную возможность подставить своего врага и, подлец, дотянулся до кнопки своим зудящим пальчиком. Да все равно... — он вздохнул. — Мне совсем не жаль, что этот чертов Риф сметен с лица земли. То есть, я природу обожаю, как никто. Но Риф... было в нем что-то зловещее. Ты знаешь, что он когда-то убил жену Дэна — поймал, когда она ныряла? Может, есть существа, которым просто не дано жить в гармонии с человеком...

Так вот чем объясняется ненависть Дэна к Рифу!

Я виделся с Дианой незадолго до того, как она отправилась в космопорт Сентри Даун, чтобы сесть на борт космического челнока. Неподалеку от берега вынырнул из воды дельфин. Он прыгал по пляжу, приподнялся и носом отворил щеколду на воротах. Диана погладила его, и Милашка защелкал и засвистел, попутно издавая и другие звуки, которых я не мог слышать — зато слышала Диана.

Она свистнула в ответ и сказала мне:

— Я все время пытаюсь говорить с ним — забываю, что он глухой. Мы обнаружили это всего несколько дней назад. Вот почему он не мог загонять рыбу — не слышал, что говорили другие дельфины. А так он очень даже смышленная животинка.

Достаточно смышленная, чтобы научиться открывать ворота... Интересно, знает ли Диана, как отец использовал ее и ее любимца? В то мартовское утро, когда Милашка выпустил рыбу из загонов «Тихоокеанского Питомника». Дэн отлично знал, что это произойдет — и серебристая волна сошла вниз по склону, стремясь на зов Рифа.

Ползучий Риф... Была когда-то на Рейне сирена Лорелей, которая пением заманивала моряков на острые скалы. Было это давным-давно, да и все это — легенда, не более. Но порой, вечерами, когда береговой бриз насвистывает странные мелодии в стенах моей фермы, я думаю о Рейнской Деве и Ползучем Рифе, чья музыка родилась из потребности насыщения. И я гадаю: где и когда начал Ползучий Риф свой путь по миру?

Итак, Милашка был глух и потому не погиб вместе с другими дельфинами. Но Диана-то могла слышать дельфинью речь! И, единственная среди нас, могла слышать непреодолимый зов Рифа. В эти ветреные вечера я порой вспоминаю ее и вижу, как наяву: вот она, зачарованная, бредет навстречу Лорелей и смерти.

Но Диана жива и неувядаема в своем вечном полете среди звезд, потому что, благодарение Господу, я вовремя понял, в чем дело, и нажал на кнопку.

НАУКОСОФИЯ

Движения нет, сказал мудрец брадатый...

Увы, двигаться проще, чем пытаться опровергать это высказывание. И хотя рассуждения биохимика Азимова по поводу законов сохранения энергии импульса могут показаться не слишком последовательными с исторической точки зрения, и не слишком строго отшлифованными теоретически, все же чисто человеческое ощущение какой-то глубины за внешне простыми явлениями оно передает.

Кроме чудес есть и фокусы. Доверие к авторитетам не спасает от шарлатанов, а также тех, кто честно заблуждается, хотя отказ от авторитетов тоже мало помогает в необычных ситуациях. Потому что авторитеты и классические теории, как правило, правы, но нет правил без исключений, а точка роста той или иной теории относится обычно к исключениям. Чтобы там ни говорили про дилетантов, надо любить не столько интеллигентов, сколько интеллигентность в себе. Впрочем, надо ли это объяснять любителям Фантастики? Законы сохранения в механике всего лишь отражают некоторую локальную стабильность и однородность свойств пространства-времени, благодаря которой мы существуем, но которая нам кажется нередко невыносимо однообразной и скучной. А ведь именно наука обещает в ближайшее время прорыть кротовые дыры в пространственно-временном континууме куда-нибудь к динозаврам, для всех и реально. В общем, закон — не догма, а руководство к дальнейшему движению.

Теперь по поводу законов сохранения движения. Мы хотим, чтобы одновременно работали и весы, и вечный двигатель, но еще до Ньютона мастера механики сформулировали мудрое правило: «Фунт может уравновесить фунт, но фунт не может поднять фунт». За волосы себя из болота не вытащишь, и до Луны подбрасыванием магнитов на железном листе не доберешься. Трудно почувствовать органичность законов сохранения, а не их бухгалтерскую заданность, против чего всегда будет бунтовать человеческий разум. Но ведь именно детальное описание механики движения дельфинов выявляет парадоксальные детали (все расчеты дают неправдоподобно низкий коэффициент трения), на основании которых строится гипотеза об использовании дельфинами микролевитации при их стремительно-захватывающем движении по

морским просторам.

Айзек Азимов

КОЕ-ЧТО ЗАДАРОМ

© Isaac Asimov. Something for Nothing.

F&SF, September 1991

Перевод Е. Демченко

Когда я был маленьким, я читал сказку об Аладдине и волшебной лампе и, подобно всем малышам, любящим книги, мечтал о ней. Я представлял, как найду старинную лампу в куче мусора (хотя не знал, как такая лампа могла выглядеть) и, потеряв ее, вдруг увижу долгожданного джинна, готового исполнить каждое мое желание.

Единственный подвох — я не знал, чего пожелать. Аладдин мечтал пировать в замке на золотых блюдах, окруженный танцующими красавицами, и чтобы рабы опускали перед ним подносы, полные драгоценных камней. Но я, тем не менее, предчувствовал, что стоит мне показаться с чем-либо подобным — особенно в сопровождении танцующих красавиц — в таком благопристойном районе, как Бруклин, это непременно бы вызвало пересуды.

Итак, с высоты моих девяти лет я думал, что лучше всего попросить денег. Золотые монеты выглядели бы особенно потрясающе, но по здравому размышлению я решил, что лучше заполучить американские банкноты. Которые я тут же отдал бы отцу. (Мне и в голову не приходило, что я могу припрятать денег для себя.)

Какая сумма мне представлялась? Для моего юного воображения тысяча долларов была в сущности беспредельна. Я думал, как приятно иметь толстую пачку одно-пяти, десяти и двадцатидолларовых банкнот и отдать их отцу со словами: «Вот тысяча долларов, папа».

Но затем я представил, как мой отец побледнеет, глаза его вылезут из орбит, и он гневно воскликнет, не прикасаясь к деньгам: «Где ты взял эти деньги, Айзек?»

Все объяснения бесполезны. Он будет уверен в том, что я, в мои девять лет, каким-то образом придумал, как ограбить банк, и сдаст меня в полицию. Именно так поступают талмудические патриархи.

По крайней мере, Бог приказал Аврааму принести в жертву своего сына, отправив его в пустыню, и он сразу повиновался. Его сына, спасенного в последний момент, тоже звали Исаак.

Но я чувствовал, что подобного случая не представится, и перестал искать лампу Аладдина в мусорных ящиках.

Затем я повзрослел и, мало-помалу, приобрел то, что больше всего напоминает лампу Аладдина в реальности. Это называется «деньги».

В то время я пытался так распорядиться своим имуществом, чтобы правительство, когда я миную великий небесный процессор, получив причитающуюся ему долю, оставило несколько пенни моей жене и детям. Это очень трудная задача.

Моя дорогая, горячо меня любящая жена Дженет, заметив мои мучения, сказала недавно: «Почему ты так переживаешь за

человечество? Почему бы тебе не потратить какие-то деньги на себя? У тебя есть еда, крыша над головой, одежда, прекрасная квартира, все необходимое для работы, но, тем не менее, ты настолько одержим, что не можешь обойтись без какой-то непонятной глупой роскоши. Но уж если дело обстоит так, ты, в конце концов, можешь себе это позволить».

«О, прекрасная мысль», — сказал я. И через шестьдесят лет я вернулся к вопросу, что бы я хотел иметь по волшебству джинна. После долгих размышлений я пришел к прежнему заключению: «Дженнет, я не знаю, чего пожелать». «Ты безнадежен», — уже в который раз повторила она.

Но человечеству в целом есть что пожелать. И, если возможно, задаром, чтобы свалилось с неба по волшебству джинна.

В течение всей своей истории человечество испытывало нетерпимость к законам природы и старалось найти помощь извне. Оно обращалось с молитвами к богам и демонам, ангелам и сказочным феям.

И сегодня миллионы людей в Америке страстно обращаются к Богу в надежде, что он нарушит законы природы в результате их усердных молитв.

Тем не менее, если мы не ограничимся простыми наблюдениями над природой, мы приходим к противоположному заключению. Мир далек от того, чтобы получить что-то из ничего, и более того, мы получаем ничто из нечего. Все живущее в конце концов умирает. Множество вещей, в том числе и трупы, распадаются от времени. Движение медленно и неуклонно останавливается, независимо от того движение ли это живого существа или неодушевленного предмета.

Подобные наблюдения заставили ранних философов и их последователей, вплоть до XVI века, считать, что и сама планета подвержена увяданию, разложению и медленному распаду. Удивительно, что она до сих пор не разрушилась, но европейские философы, по крайней мере, ожидают, что день Страшного суда уже близок, и всеобщий упадок предвещает этот день.

(Небесные же тела, несомненно, не подвергаются разрушению и изменению и продолжают вращаться вечно.) Их светила не гаснут, как земные костры. Их движение не замедляется. Аристотель (384–322 гг. до н. э.) считал, что земля и небо созданы из совершенно разных материй и подчиняются разным законам природы.

Только в XVI веке ученые были в состоянии определить, что и Земля и вся вселенная подчиняются одним и тем же законам природы. Но в то время они еще не могли объяснить, что все сущее на Земле в некоторой степени не подвержено разрушению. Есть такие особенности материи, которые так же вечны и неизменны, как на Земле, так и на небе.

(В XVIII веке, если я не ошибаюсь, ученые обнаружили, что все тем не менее, подвержено увяданию и распаду, и не только на Земле, но и в каждой частице вселенной. Это разрушение, тем не менее, по форме более трудноуловимо, чем думали древние.)

Возьмем, к примеру, бильярдные шары. Я уверен, что в бильярд играли задолго до того, как Исаак Ньютон (1642–1727 гг.) в 1687 году открыл закон движения. В бильярд многие искусно играют и сегодня, при этом не имея представления, как формулируются законы движения. Тем не менее, они знают, как движутся бильярдные шары, что происходит,

когда они сталкиваются друг с другом или с бортиком бильярдного стола.

Когда бильярдный шар ударяется о край стола, он отскакивает, двигаясь с первоначальной скоростью в противоположном направлении, в зависимости от угла толчка. (В действительности он теряет скорость из-за трения между шаром, поверхностью и бортиком стола, но потеря скорости очень мала и мы ее не замечаем.) Таким же образом, два бильярдных шара, двигающиеся с равной скоростью, сталкиваются в центре стола, отскакивают и разлетаются в разные стороны с той же самой скоростью, с которой стремились друг к другу. Подобные наблюдения показывают, что скорость движения бильярдных шаров не уменьшается, если не принимать во внимание трение. Мы могли бы сказать, что скорость сохраняется и в то же время не сохраняется. Но это правомерно только при определенных условиях, когда все бильярдные шары имеют равную массу.

Представим себе два бильярдных шара, один из которых имеет большую массу, стремящиеся друг к другу с равной скоростью. Оба шара отскочат друг от друга, но более легкий будет двигаться быстрее, чем более массивный, и если скорости после столкновения будут суммированы, окажется, что они не будут равняться сумме скоростей до столкновения. Скорость не сохраняется.

Английский математик Джон Уоллис (1616–1703 гг.) в 1668 году заметил, что мерой движения является не только быстрота движения или, точнее, «скорость» (v), но масса, умноженная на скорость (mv). Этот результат он назвал «движение» или по-латински «momentum».

Измерения показывают, что количество движения (в современной физике — импульс) сохраняется. Независимо от того, как бильярдные шары (или что-то другое) ударяются и отскакивают, количество движения после столкновения точно такое же, как до него (опять при условии, что мы не принимаем во внимание трение).

И, тем не менее, все не так просто, как кажется на первый взгляд. Бильярдные шары совершенно упруги и почти ничего не теряют во время столкновения и отскока. А теперь представьте, что вы имеете два бильярдных шара, стремящихся друг к другу и в момент столкновения превратившихся в глиняные. Теперь мы имеем совершенно неупругое столкновение. Глина деформируется, шары слипаются и не отскакивают друг от друга. Действительно, они остаются совершенно неподвижными. Оба шара имели движение, когда стремились друг к другу, и теперь, когда они находятся в состоянии покоя, движение отсутствует. Что же произошло, ведь количество движения должно сохраняться?

Скорость — «векторная величина». Это значит, что она характеризуется не только быстротой движения, но и направлением. В сущности, «быстрота движения» является мерой движения в определенном направлении. Если мы указываем направление «быстроты движения», то она становится «скоростью». Так как движение — это несколько скоростей одновременно, оно также векторная величина, и направление движения так же должно быть учтено. Обычно принимают движение в определенном направлении, как положительную величину ($+mv$), а движение в противоположном направлении, как отрицательную величину ($-mv$).

Если два предмета с равной массой движутся навстречу друг другу с равной скоростью, подвергаются неупругому столкновению, слипаются и становятся неподвижными, мы имеем пример, когда $+mv$ суммируется с

— mv и равняется нулю. Количество движения при этом сохраняется.

Если до столкновения один предмет движется немного быстрее, чем другой, затем они слипаются и двигаются по направлению предмета, имевшего большую скорость, с быстротой, достаточной для сохранения суммы количества движения; если два предмета частично упруги и отскакивают, но с меньшей быстротой, чем до столкновения, сумма количества движения по-прежнему неизменна.

Если два предмета сталкиваются под углом, они отскакивают друг от друга под углом. Если движение каждого предмета измерено с помощью «векторного анализа» до и после столкновения, и движение каждого предмета приобрело положительный и отрицательный компонент, то в результате движение сохраняется.

Представьте себе объект, находящийся в полном покое с движением равным нулю. Вдруг он взрывается, и части его летят во всех направлениях. Каждая часть имеет движение не равное нулю, но если движения всех частей суммировать векторно, то окажется, что сумма движения равна нулю.

Сохраняется не количество движения каждой части системы, а количество движения самой системы.

Когда мы говорим о сохранении любого вещества, мы должны иметь в виду «закрытую систему», такую, где вещество не проникает внутрь извне и не вытекает наружу.

Давайте представим бильiardные шары, двигающиеся по безграничной поверхности, сталкивающиеся и отскакивающие, а затем представим эту же поверхность, как закрытую систему, и не будем принимать во внимание трение.

Но бильiardный стол — это предмет, имеющий бортик. Представим себе бильiardный шар, ударяющийся прямо о бортик стола и, отскочивши, двигающийся по своему следу с той же скоростью, которую он имел до столкновения. В этом случае $(+mv)$ превращается в $(-mv)$ и, казалось бы, количество движения не сохраняется.

Но это не так, потому что бильiardный стол сам является частью системы, и когда бильiardный шар ударяется о бортик и отскакивает, стол так же отскакивает в противоположном направлении. Более того, бильiardный стол прикреплен (силой трения и, возможно, чем-то еще) к Земле, то есть отскакивает целая планета.

Так как Земля имеет массу в тысячи триллионов раз больше, чем бильiardный шар, планета вращается со скоростью в тысячи триллионов раз меньшей, чем бильiardный шар — и эта скорость практически неизмерима, но она существует. Люди об этом обычно не задумываются. Нам не приходит в голову, что Земля реагирует на движение бильiardных шаров.

Возможно, что первой мыслью того, кто об этом услышит (я постоянно об этом думаю), будет мысль о том, что если множество бильiardных шаров отскочат в одном направлении, движение Земли в космосе будет постепенно подвергаться воздействию.

Бильiardный шар ударяется о край стола и отскакивает. После этого мы останавливаем его рукой, скажем так. Это мгновенно изменяет его движение, и движение Земли так же изменяется. Бильiardный шар может претерпевать все виды движения, столкновений и отскоков, и Земля будет неотвратимо следовать за ним. Наконец бильiardный шар, который

изначально был неподвижен, опять станет неподвижным и приобретет изначальное нулевое движение. То же самое произойдет и с Землей.

Сюда же можно отнести движение пушечных ядер, взрывы атомных бомб, сход снежных лавин, нарастание и таяние полярных льдов и тому подобное. В целом, движение Земли в течение долгого времени не может измениться, несмотря на разнообразные влияния внутри Земли, то есть ее движение продолжается с волшебным постоянством, испытывая при этом толчки и влияния извне.

Закон Уоллиса о сохранении количества движения был первым из величайших законов сохранения, и в течение почти трех с половиной веков напряженных исследований не было замечено ни одного исключения.

Законы сохранения, несомненно, являются просто обобщениями, которые имеют собственную сущность. Всегда остается вероятность того, что при определенных неожиданных обстоятельствах, они могут быть нарушены. Тем не менее подобные обстоятельства еще никогда не были замечены в связи с законом сохранения движения, и вы не встретите ни одного ученого, рискнувшего поверить, что закон сохранения движения может быть нарушен.

Подобный закон сохранения движения существует относительно предметов, которые вращаются, а не двигаются по прямой. Вращающиеся объекты демонстрируют «закон сохранения момента углового движения».

Угловое движение также векторная величина и может существовать в других противоположных направлениях, по часовой стрелке и против. Два предмета, вращающиеся в противоположных направлениях, могут зацепиться, и вращение полностью остановится. Опять же, предмет с нулевым угловым движением при взрыве может распасться на кусочки, каждый из которых будет вращаться, но все угловые моменты, если их приплюсовать, будут равны нулю.

Простое и угловое движение настолько похожи в некоторых параметрах, что уместно подумать о превращении одного в другое. Оказывается, это невозможно. Эти два явления существуют независимо друг от друга.

Может показаться, что это не так. По крайней мере, если лошадь тянет повозку и сообщает ей движение, колеса начинают вращаться так, что тяга создает угловое движение. Так же быстрое вращение мотора автомобиля вызывает вращение колес, которые, в свою очередь, заставляют машину двигаться по прямой с большой скоростью.

Это, тем не менее, результат сил трения. Лошадь, тянущая повозку, толкает ее против движения Земли, которая производит равное движение в противоположном направлении. Вращение колес означает, что угловое движение Земли эквивалентно изменилось в противоположном направлении.

Все будет происходить совершенно иначе, если не будет трения. Представьте себе неподвижную машину на совершенно гладкой поверхности льда. Вы включите мотор, колеса начнут вращаться, но машина не сдвинется с места. Это невозможно, если нет трения. Точно так же и лошадь не сдвинет повозку, если ее копыта будут бесполезно скользить по льду.

В таком случае, возможно ли движение при полном отсутствии трения?

Конечно, да. Объект, находящийся в открытом космосе, при взрыве разлетается на части, двигающиеся во всех направлениях и вращающиеся также во всех направлениях. Сумма движения после взрыва, тем не менее, будет той же, что и до взрыва; и это так же верно для углового движения.

Но, предположим, у вас нет желания лететь во всех направлениях сразу, а вы имеете летательный аппарат, который должен двигаться в космосе в определенном направлении, и вы хотите, чтобы он стартовал, находясь в неподвижном состоянии. В этом случае, как считает Ньютон, есть только один путь: заставить часть механизма двигаться в одном направлении, чтобы оставшаяся часть двигалась в противоположном желаемом направлении. Только так можно добиться, чтобы механизм сохранял движение.

Вообразите себя в больших санях, находящихся на скользкой льдине, и у вас в санях есть груда кирпичей. Если вы бросите кирпич в направлении противоположном тому, в котором вы бы хотели двигаться, сани в тот же момент двинутся в желаемом направлении. При отсутствии трения скорость саней будет неограниченной. Если вы будете продолжать бросать кирпичи в том же направлении, сани будут набирать скорость с каждым броском и, в конце концов, начнут двигаться очень быстро. То же самое происходит в космосе. Горючее, сгорая в космическом корабле, выделяет раскаленный газ, который под давлением бьет струей в одном направлении, заставляя космический корабль двигаться в противоположном.

Когда американский физик Роберт Хачингс Годарт (1882-1945 гг.) пытался запустить в атмосферу маленькие ракеты на спиртовом топливе, желая достичь Луны, он подвергся резкой критике в передовой статье в «The New York Times». В этой статье, ставшей знаменитой, говорилось, как глупо со стороны Годар да не знать того, что хорошо известно каждому старшекласснику: движение невозможно, если не от чего отталкиваться.

Автор статьи признавал огромное значение сил трения, но, увы, он, очевидно, не был знаком с законом сохранения движения, то есть с третьим законом Ньютона.

Принцип ракеты, заключающийся в том, что одну часть системы необходимо заставить двигаться в одном направлении, чтобы другая могла двигаться в противоположном, казался тогда неэкономичным. Космический корабль должен иметь на борту огромное количество горючего, чтобы лететь, и казалось естественным подумать о каких-то иных способах.

Возможно ли каким-либо образом обратить угловое движение в простое движение? Что произойдет, если попытаться заставить колесо вращаться в космическом корабле и преобразовать это вращательное движение в движение космического корабля по прямой. Использование вращения колеса в космическом корабле казалось гораздо эффективнее, чем трата многих тонн бьющего струей горючего.

В 1960-х годах джентльмен по фамилии Дин (я не знаю его полного имени) претендовал на изобретение схемы, в которой угловое движение преобразовывалось, по крайней мере частично, в обычное движение. Если бы ему удалось привести его колесную конструкцию во вращательное движение, она бы, при правильной ориентации, стала двигаться вверх. Ему удалось доказать это с помощью весов. Вес системы уменьшался при

вращении колеса, так как она имела тенденцию подниматься вверх. В некотором смысле это мог быть эффект антигравитации, который бы выводил космические корабли в открытый космос более эффективно, чем принцип ракеты.

Это явление привлекло внимание писателей, работающих в области научного вымысла, в том числе и известного редактора журнала «Analog» У. Кэмпбела Дж., который увлекался областью пограничных исследований и, в частности, «конструкцией Дина». Он поверил в нее и всячески способствовал публикации материала.

В вопросах науки я жесткий консерватор, и для меня преобразование углового движения в обычное примерно то же самое, что поиски лампы Аладдина в мусорном ящике. Я не могу поверить, что «конструкция Дина» представляет интерес, и в этом меня поддерживают многие писатели-фантасты, имеющие научную подготовку.

Но ничто не могло остановить Кэмпбела. Он был уверен, что ученые склонны усложнять научные направления до такой степени, что становятся слепы ко всему, что нарушает их укоренившиеся предрассудки.

Конечно, нельзя сказать, что Джон был совсем неправ. Известно, что ученые иногда отказываются принять нечто на их взгляд бесполезное, несмотря на всю очевидность, только потому, что это не соответствует их представлениям.

И все же остерегайтесь заблуждений. Ученые иногда ослеплены предрассудками к новому и бесполезному, не чувствуя, что исследования на границе наук могут быть истинными, хотя бы потому, что они это отрицают. В большинстве случаев, когда уважаемые ученые отвергают что-то, как нарушение законов природы, это действительно является нарушением и к этому относятся нетерпимо.

Фактически из «конструкции Дина» ничего не получилось.

Теперь мы подошли к проблеме трения и движения. Представьте себе бильярдный шар на поверхности стола, к которому прикоснулись кием так осторожно, что он едва сдвинулся с места. Тем не менее вы придали ему небольшое движение. Бильярдный шар сможет продвинуться только на несколько дюймов, замедляя свое движение и остановится в результате сил трения. Что же происходит с движением в этом случае?

Правильный ответ на этот вопрос можно дать, зная природу нагревания. В XVII веке нагревание воспринимали, как тончайшие флюиды (подобным образом мы представляем себе электрический ток). Различные предметы содержат различное количество флюидов, которые могут переходить из одного места в другое, подобно любым флюидам.

В 1798 году, Бенджамин Томпсон, граф Румфорд (1753–1814 гг.) — тори выслали его из Соединенных Штатов — сверлил пистолет для нужд выборов в Баварии. Он заметил, что во время этого процесса выделяется большое количество тепла. Пистолет и сверлильный инструмент имели изначально комнатную температуру. Тепла, выделившегося во время сверления, было достаточно для закипания воды, и чем дольше продолжалось сверление, тем больше кипела вода.

Румфорду стало ясно, что теплота выделяется в результате сверления, и он предположил, что трение сверла о металл пистолета приводит крошечные частицы обоих в быстрое движение и теплота является выражением этого движения.

В то время выводы Румфорда не были приняты во внимание, но через

несколько лет все изменилось. В последующие десять лет британский химик Джон Далтон (1766–1844 гг.) выдвинул убедительную атомную теорию и химики признали, что материя состоит из мельчайших атомов.

Именно атомы приходят в движение в результате трения, а движение атомов может быть представлено, как теплота.

В 1840-х годах английский ученый Джеймс Прескотт Джоуль (1818–1889 гг.), глубоко изучил явление теплоты (к этой теме я вернусь в следующем месяце), и предложения Румфорда стали казаться все более и более разумными.

В 1860-х годах британский физик Джеймс Кларк Максвелл (1831–1879 гг.) и австрийский физик Людвиг Больцман (1844–1906 гг.), независимо друг от друга описали математически движение атомов внутри вещества и показали, что понятие случайного движения атомов, как выражение теплоты («кинетическая теория»), было совершенно оправдано.

Это объясняет влияние трения на движение. Когда предмет движется по поверхности, нулевое трение невозможно. Всегда существуют неровности на поверхности предмета и поверхности, по которой он движется. Они задевают друг за друга и делают усилия, чтобы преодолеть их. Каждое такое задевание уменьшает скорость движущегося объекта и таким образом уменьшает движение.

Это происходит очень быстро, если кирпич скользит по грубому деревянному полу, и очень медленно, если отполированный металлический предмет скользит по льду. Тем не менее, в конце концов, скорость и движение упадут до нуля.

Но движение не исчезнет. Оно перейдет в атомы, составляющие поверхность движущегося тела и поверхности, по которой оно движется.

Законы сохранения переходного движения и углового движения фундаментальны. Но существует другой закон, который большинство людей считают даже более значительным и, пожалуй, самым основным законом природы. Это закон сохранения энергии, который ставит лампу Аладдина окончательно вне закона. Я вернусь к этой теме в следующем месяце.

Айзек Азимов

ПРОЩАЙТЕ... ПРОЩАЙТЕ...

© Isaac Asimov. Farewell — farewell

F&SF, August 1992

Перевод Е. Демченко

Всем моим благосклонным читателям, относившимся ко мне с любовью более тридцати лет, я должен сказать «прощайте».

Я написал триста девяносто девять очерков для журнала «Fantasy & Science Fiction». Это очерки были написаны с огромным удовольствием, так как я всегда имел возможность говорить то, что хотел. С ужасом я обнаружил, что четырехсотый очерк мне завершить не удастся.

Моим желанием всегда было умереть за работой, уткнувшись носом в

клавиши пишущей машинки. Но не все в жизни происходит так, как хочешь.

К счастью, ни в ад, ни в рай я не верю, и поэтому смерть не вызывает у меня чувства страха, тем не менее, она ужасает мою жену Дженет, дочь Робин, редакторов Дженифер Брел, Шейлу Вильямс и Эда Фермана. Все они будут несчастны, если со мной что-нибудь случится.

Я поговорил с каждым из них в отдельности, пытаюсь убедить их принять мою смерть, когда она придет, по возможности спокойно. Итак, прощайте, моя дорогая жена Дженет, любимая дочь Робин и все редакторы и издатели, относившиеся ко мне гораздо лучше, чем я того заслуживал.

Прощайте и вы, мои благосклонные читатели. Вы всегда были добры и поддерживали во мне интерес к чудесам науки, давая возможность писать мои очерки. Итак, прощайте.

6 апреля 1992 года. Айзек Азимов умер прошлой ночью. Телефон не умолкал ни на минуту радио и газеты интересовались моим откликом. В общем-то, все вопросы и ответы можно было предугадать заранее, кроме одного. Женщина из «Detroit Free Press» спросила «Было бы что-нибудь, чем не интересовался доктор Азимов?»

Я вспомнил только об одном. Он, казалось, не очень интересовался собаками, по крайней мере, двумя моими. Однажды мы уговорили его и Дженет приехать в Коннектикут, разумеется, собаки его полюбили, и он относился к ним благожелательно, в промежутках между шутками на вечеринке с коктейлями и воодушевляющей речью на окружном благотворительном базаре.

Его литературная работа в области научного вымысла началась в 1940-х годах, в «Astounding» Джона Кэмпбелла, а его карьера «толкователя науки» — вот здесь, в ноябрьском номере 1958 года. Он был мечтой редактора — за тридцать четыре года ни разу не затянул работу до последнего срока, не говоря о том, чтобы пропустить его. За исключением того, что он имел смутное представление о том, где ставятся запятые, его проза почти не нуждалась в редактировании и была ясной и стремительной как горный поток. Айзек Азимов был также и мечтой издателя. Однажды я почувствовал себя в некотором роде виноватым, назначив ему весьма незначительную прибавку в зарплате, и он написал мне: «Я пишу мои статьи из любви, а не за деньги, и я писал бы их с таким же удовольствием без всякого гонорара. Если я не напечатаюсь в каком-то из номеров, ни один читатель, вероятно, не будет удручен больше, чем я сам. Хотя, возможно, мне и не придется огорчаться, потому что до тех пор, пока существует «Fantasy & Science Fiction», единственной причиной, по которой я могу пропустить номер, будет смерть, или еще что-то в этом роде.»

Какое было у него главное качество? — спрашивают журналист. Должно быть, его заразительный энтузиазм, его любовь к работе, удовольствие от «объяснений» науки. В последние годы Айзек стал раздражаться, отвечая на пустые вопросы читателей, но большую часть своей жизни он отвечал на каждый вопрос и иногда посылал мне копии ответов. В 1966 году молодой человек поинтересовался, в чем заключается цель жизни и что Айзек думает по этому поводу. Айзек ответил так. «Что касается цели жизни изначально ее может и не быть. По крайней мере, вселенная будет все так же существовать, если не будет

жизни. И тем не менее, пока мы живы, мы можем создать эту цель — получая удовольствие от познания Вселенной и нашего места в ней, помогая другим познать это чувство»

Эдвард Л Ферман

TRANSLATED INTO RUSSIAN

Isaac Asimov. Nemesis. - N.Y.: Doubleday, 1990.

Азимов Айзек. Немезида — М.: Мир, 1993.

Ольга Спицына

«НЕМЕЗИДА». ПОСЛЕДНЯЯ ЗВЕЗДА АЙЗЕКА АЗИМОВА

Так получилось, что первый юбилейный номер «Сверхновой» во многом обращен к памяти классика мировой фантастики и многолетнего автора «F&SF» Айзека Азимова. Русскому читателю давно известны и великолепные романы Азимова, и многочисленные его рассказы, без которых, пожалуй, не обходился почти ни один сборник переводной фантастики на русском языке.

В недавние же годы в России изданы азимовские серии «Основание», «Роботы», «Счастливчик Старр», и вот теперь — «Немезида».

Наш «материнский» журнал своевременно, в апрельском номере 1990 года, отметил выход «Немезиды» рецензией Орсона Скотта Карда.

Стоит поблагодарить издательство «Мир» за оперативность (сравните выходные данные оригинала и перевода) и качество (вообще традиционно отличающее старейшую русскую серию зарубежной фантастики), с какими была подготовлена и выпущена последняя книга мастера.

А мастер в последнем своем романе остался верен себе. Хотя в авторском предисловии Азимов и отрицал тематическую связь «Немезиды» с сериями о роботах, Основании, Империи и другими своими произведениями, в романе присутствуют почти все «сверхтемы» азимовского творчества. Это и отношения между перенаселенной и истощенной прародительницей-Землей и новыми человеческими поселениями (в связи с чем вспоминаются «Стальные пещеры», «Сами Боги», «Обнаженное Солнце»); и социальные эксперименты в элитарных «эфирных поселениях» (термин принадлежит еще К. Э. Циолковскому, а к теме социального экспериментирования и отбора Азимов обращался в «Конце Вечности», «Обнаженном Солнце» и «Основании»); наконец, мотив женщины-ученого — Юджиния Инсигна и Тесса Вендель — прямые наследницы Сьюзен Кэлвин, героини цикла о роботах, а Марлена, одаренная сверхъестественными умственными способностями, чем-то схожа с Селеной из «Самых богов». И еще — глобальная идея о равнозначности отдельной человеческой судьбы и судеб всего

человечества и Вселенной и их неразрывной связи (опять же вспомним «Обнаженное солнце», «Космическое течение», «Основание». «Самых богов», «Конец Вечности»).

Я не буду пересказывать содержание романа, пусть читатель сам получит удовольствие, следя за приключениями героев при свете Солнца и Немезиды, тем более, что его (читателя) ждет множество захватывающих ситуаций и загадок в природе и человеческих отношениях.

Скажу только, что «Немезида» — «science fiction» в чистом виде, роман об ученых и открытиях, где драма идей обуславливает драму людей и целых социумов. Это вообще характерно для творчества доктора Азимова, писателя-ученого, интеллектуала и рационалиста — личная жизнь почти всех азимовских героев плотно переплетена с глобальными проблемами цивилизации, и новый роман, подобно прежним, приникнут великой верой в человеческий интеллект, способный противостоять стихиям космических и социальных катастроф. Поэтому, может быть, на взгляд современного, особенно молодого читателя, привыкшего к произведениям «новой волны» (тоже уже становящимся классикой), книга покажется суховатой, перенасыщенной научно-технической информацией в ущерб психологизму и художественности. Впрочем, и сам автор в предисловии предупреждает читателя — «Уже давно я принял твердое решение... писать простым, понятным языком. Я отказался от всяких попыток образно излагать свои мысли, прибегая к символике или к какому-либо модному стилю...» Но тут Азимов несколько слукавил — в романе явно прослеживается прием «символических параллелей»: как неотвратно сближаются в космическом пространстве две звезды Солнце и Немезида, так сближаются и две сюжетные линии, и в конце все герои находят и счастье, и друг друга, и решение научных проблем, и душевный покой. И еще — новая звезда названа именем богини возмездия, и каждый из людей в романе получит по делам своим. «Немезида все же пришла» — этой фразой кончается повествование.

А роман нашел своего читателя и в англоязычных странах, и в России. Айзек Азимов в предисловии написал, что не надеется получить Пулитцеровскую премию за свои романы, а Орсон Скотт Кард добавил в рецензии в «F&SF», что и в номинационных списках премий «Хьюго» и «Небьюла» нынче тоже числятся книги совсем другого стиля и направления (а я добавлю, что это и понятно — чистая «научная фантастика» пережила пик своей популярности вместе с концом НТР и наступлением постэнтээровской эпохи, когда возобновился интерес к гуманитарным проблемам и ценностям). Но тут же Орсон Кард заметил, что чем старше становился Азимов, тем лучше становились его книги, что не обязательно писателю быть новым, чтобы быть блестящим, а что до обвинений в «устарелости», то им подвергался еще Иоганн Себастьян Бах (тоже ставший классиком еще при жизни).

От себя же я скажу — при всей кажущейся скучноватости, «науковатости», длиннотах в научно-технических описаниях и, наоборот, схематичности в описании героев и житейских ситуаций (особенно любовных линий) — все равно, на мой взгляд, «Немезида» весьма актуальна — ясностью мысли, верой в человека и человечество, здоровым рациональным оптимизмом — может, как раз этого нам и не хватает в конце нашего века и в России, и в мире вообще.

И в последний раз я вернусь к предисловию, где автор смутно

пообещал когда-нибудь написать еще книги, которые бы связали бы действие «Немезиды» с мирами других его произведений — эпопей о Роботах и Основании. Жаль, что эти романы уже не будут написаны. «Немезида» — последняя книга, последняя звезда, открытая в космосе Айзека Азимова.

ИНВАРИАНТ

**Алексис де Токвиль
(1805-1859)**

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Продолжаем публикацию глав книги Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке». Начало — в четвертом номере «Сверхновой»: Введение, гл. 1. Внешние очертания Северной Америки.

Печатается по изд.:

Алексис де Токвиль. Демократия в Америке.

М., «Прогресс», 1992

Перевод В. Олейника

Глава II ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ И КАК ОНО СКАЗАЛОСЬ НА ИХ БУДУЩЕМ

О том, почему необходимо знать происхождение народов для понимания их общественного строя и законов. — Америка — единственная страна, на примере которой можно ясно увидеть начальный этап становления великого народа. — В чем состояло сходство людей, заселивших английскую часть Америки. — В чем заключалось их различие. — Замечание, касающееся всех европейцев, поселившихся на побережье Нового Света. — Колонизация Виргинии. — Колонизация Новой Англии. — Характерные особенности первых жителей Новой Англии. — Их прибытие. — Первые законы. — Общественный договор. —

Уголовный кодекс, заимствованный из законов Моисея. — Религиозная одержимость. — Республиканский дух. — Тесная связь между приверженностью религии и духом свободы.

Рождается человек. Его первые годы проходят неосознанно, в играх и забавах. Он растет, мужает. Наконец, мир открывает перед ним свои двери, он входит в него и вступает в общение с себе подобными. И тогда к нему впервые начинают приглядываться, изучать его, и многим кажется, что те пороки и добродетели, которые будут ему свойственны в зрелом возрасте зарождаются именно теперь.

В этом-то, на мой взгляд, и состоит серьезное заблуждение.

Вернитесь назад. Посмотрите внимательно на ребенка, когда он еще у материнской груди. Постарайтесь увидеть, как внешний мир впервые отражается в еще затуманенном зеркале его разума; отметьте его первые сильные впечатления; вслушайтесь в первые произнесенные им слова, которые свидетельствуют о пробуждении пока еще дремлющей силы его разума, и, наконец, поприсутствуйте при первых испытаниях, которые ему предстоит выдержать, и только в этом случае вы поймете, в чем источник его предрассудков, привычек и страстей, которые он пронесет через всю свою жизнь, можно сказать, что человек становится самим собой уже с пеленок.

Нечто аналогичное происходит и с нациями. Происхождение всегда накладывает отпечаток на народы. Обстоятельства, в которых рождаются нации и которые служат их становлению, оказывают воздействие на все их будущее развитие.

Если бы мы могли вернуться в тот период, когда возникло то или иное общество, и посмотреть на его первые исторические памятники, то мы непременно, я в этом не сомневаюсь, отыскали бы первопричины предрассудков, привычек и пристрастий, распространенных в данном обществе, — словом, все то, что составляет национальный характер. Мы смогли бы также найти объяснение обычаям, которые будто бы совершенно не соответствуют тому, что принято сегодня; законам, которые, казалось бы, несовместимы с признанными в наше время порывами; противоречащим друг другу взглядам, которые то и дело встречаются в обществе, словно некие остатки цепей, хотя и свисающих по-прежнему со сводов древнего здания, но уже давно ничего не поддерживающих. Это могло бы объяснить судьбы отдельных народов, которых невидимая сила словно увлекает к некой цели, неведомой им самим. Однако до сих пор для подобного анализа общества не хватает фактов. Стремление познать самих себя приходит к народам лишь по мере их старения, поэтому, когда они наконец задумываются о необходимости взглянуть на свою колыбель, время уже заволокло ее дымкой, а невежество и тщеславие окутало вымыслом, за которым истина потерялась окончательно.

Америка оказалась единственной страной, где стало возможным наблюдать естественное и спокойное развитие общества и где удалось точно определить то влияние, которое оказал начальный период его становления на будущее штатов.

В эпоху, когда европейцы высадились на побережье Нового Света, основные черты их национального характера были уже вполне сформированы; каждый из европейских народов имел свое особое, отличное от прочих лицо. А так как все они уже достигли того уровня

развития цивилизации, когда человек созревает для изучения самого себя, то они оставили нам достоверное описание своих взглядов, нравов и обычаев. Таким образом, люди, жившие в XV веке, практически столь же хорошо нам знакомы, как и наши современники. Америка в полной мере дает нам увидеть то, что из-за невежества или варварства первобытных людей скрыто от наших глаз.

Нашим современникам, недалеко отстоящим от эпохи зарождения американского общества и, следовательно, имеющим о нем весьма детальное представление и одновременно достаточно далеким от тех времен, что позволяет им реально оценивать полученные результаты, казалось, дано было заглянуть дальше своих предшественников, в события человеческой истории. Провидение вложило в наши руки факел, которого недоставало нашим отцам и который позволил нам различить в свершившихся судьбах нации первопричины, сокрытые от наших предков плотной завесой прошлого.

Когда, глубоко изучив историю Америки, начинаешь внимательно анализировать ее политический и общественный строй, убеждаешься в достоверности следующей истины: не существует ни одного принципа, ни одной привычки, ни одного закона — я бы даже сказал: ни одного события, — которое нельзя было бы без труда объяснить, зная начальную стадию становления этого общества. Те, кто полностью прочтет эту книгу, обнаружат, что в данной главе содержится основа всего того, о чем пойдет речь в дальнейшем, а также ключ к пониманию практически всего предлагаемого сочинения.

Эмигранты, которые в различные периоды занимали земли, входящие сегодня в состав американского Союза, во многом отличались друг от друга. Разнились также их цели, да и принципы управления, которыми они руководствовались.

Вместе с тем эти люди имели и немало общего, ибо все они находились в одинаковом положении.

Пожалуй, самым прочным и самым долговременным связующим звеном между людьми является язык. Все эмигранты говорили на одном языке, все они были детьми одного народа. Родившиеся в стране, испокон веков бурлившей вследствие борьбы между различными партиями, в стране, где всевозможные группировки были вынуждены поочередно просить защиты у закона, эти люди прошли серьезную политическую закалку в суровой школе, и поэтому они гораздо лучше, нежели большинство народов Европы, понимали, что такое права человека и принципы истинной свободы. Во времена первых поселений общинное правление, этот прообраз свободных институтов власти, уже глубоко вошло в обычаи англичан, и, таким образом, внутри самой монархии Тюдоров уже утвердился принцип народовластия.

Это была эпоха самого разгара борьбы различных религиозных направлений, всколыхнувшая весь христианский мир. Англия с каким-то исступлением устремилась на новое для нее ристалище. Ее жители, всегда отличавшиеся степенностью и рассудительностью, посуровели и стали склонны к спорам. Интеллектуальные битвы привели к росту образованности и культуры англичан. В результате обсуждения религиозных тем их нравы становились значительно чище. Все эти черты, свойственные данной нации, в большей или меньшей степени были характерны и для тех из ее сыновей, которые отправились искать счастья по другую сторону океана.

Здесь было бы уместно сделать одно замечание, которое нам послужит и впоследствии и которое применимо не только к англичанам, но также и к французам, испанцам и ко всем европейцам в целом, обустроивавшимся друг за другом на берегах Нового Света. Все новые европейские колонии если и не являли собой пример развитой демократии, то имели по крайней мере ее зачатки. Это объяснялось двумя причинами: можно утверждать, что у основной массы эмигрантов, покидавших свою родину, полностью отсутствовало чувство какого-либо превосходства над другими. Конечно, в изгнание отправляются отнюдь не самые счастливые и богатые люди, однако именно бедность, так же как и невзгоды, является лучшей в мире порукой равенства между людьми. Случалось, правда, что и знатные господа переселялись в Америку вследствие политических или религиозных междоусобиц. Вначале здесь были приняты законы, устанавливающие социальную градацию, однако вскоре стало очевидным, что американская почва совсем не приемлет землевладельческую аристократию. Выяснилось, что для возделывания этой непокорной земли требовались постоянные и заинтересованные усилия самих владельцев. Выходило так, что даже если земельные участки и были обработаны наилучшим образом, все равно урожай был не настолько велик, чтобы обеспечить достаток одновременно как владельцу земли, так и самому фермеру. И земля попросту дробилась на небольшие владения, которые обрабатывали сами собственники. Аристократия же всячески старается приобрести именно землю, она оседает на этой земле и чувствует в ней свою опору; аристократия возникает и существует не только благодаря привилегиям или принадлежности к определенному роду, но и потому, что обладает земельной собственностью, передаваемой по наследству. Именно поэтому аристократия держится за землю, зависит от нее и на нее опирается. В одной и той же нации могут быть обладатели огромных состояний и люди, живущие в крайней нищете; но если эти состояния не представляют собой земельных владений, то можно сказать, что в этом обществе есть и бедные, и богатые, но настоящей аристократии, в сущности нет.

Итак, английские колонии в эпоху своего становления походили на членов одной семьи. Вначале все они, казалось, были созданы для того, чтобы явить собой пример торжества свободы, но не аристократической свободы их матери-родины, а буржуазно-демократической свободы, полного воплощения которой еще не встречалось в истории человечества.

Вместе с тем на этом однообразном фоне стали проявляться весьма заметные различия, на которые необходимо указать.

В большом англоамериканском семействе можно вычленить две основные ветви, которые существуют и развиваются, так и не слившись окончательно: одна — на юге, а другая — на севере страны.

Первая английская колония была основана в Виргинии: эмигранты прибыли туда в 1607 году. В то время в Европе господствовало убеждение в том, что главное богатство народов состоит в обладании золотыми приисками и серебряными рудниками. Это фатальное заблуждение нанесло больший урон, чем война и все дурные законы вместе взятые, приведя к разорению верившие в это европейские страны и к гибели множества людей в Америке. Поэтому в Виргинию отправляли прежде всего именно искателей золота²⁷ — людей без средств и с плохой

27 В хартии, дарованной английским королем поселенцам в 1609 году, среди прочего

репутацией, чей неумный и буйный нрав нарушал спокойствие только что родившейся колонии²⁸ и ставил под сомнение ее будущее.

Вскоре за ними начали приезжать мастеровые и земледельцы — люди, более спокойные и более нравственные, но практически ничем не отличавшиеся от низших слоев английского общества. Ни единого благородного помысла, ни одной возвышенной цели не лежало в основе создаваемых ими поселений. Едва только возникла эта колония, как в ней было введено рабство²⁹. Именно это чрезвычайно важное обстоятельство и оказало огромное влияние на характер, законы и все будущее Юга.

Рабство, которому мы дадим объяснение ниже, обесценивает труд; оно вводит элементы праздности в общество, а вместе с праздностью — невежество и спесь, нищету и роскошь. Оно нервирует силы разума и усыпляет человеческую активность. Воздействие рабства в сочетании с английским характером является объяснением нравов и социального устройства Юга.

Что же касается Севера, то здесь на той же исходной английской основе проявилось нечто совершенно противоположное. Тут я позволю себе остановиться на некоторых частностях.

Именно в северных английских колониях, более известных как штаты Новой Англии³⁰, сформировались те два или три основных принципа, на которых сегодня основывается теория общественного развития Соединенных Штатов.

Принципы, возобладавшие в Новой Англии, сначала получили распространение в соседних штатах, а затем, проникая все дальше и дальше, дошли до самых отдаленных районов страны и, наконец, если так можно выразиться, *завладели* всей конфедерацией. В настоящее время их влияние вышло далеко за ее пределы и распространилось на весь Американский континент. Культуру Новой Англии можно сравнить с костром, зажженным на вершине холма, который, дав тепло окружающим, все еще окрашивает своим заревом далекий горизонт.

Основание Новой Англии было совершенно новым явлением: все здесь было особенным и самобытным.

Вначале почти во всех колониях селились бедные и необразованные люди, которых нищета и беспутство гнали из страны, где они родились, или же это были стремящиеся к наживе спекулянты и изворотливые говорилось о том, что колонистам вменяется в обязанность выплачивать королю Англии пятину от добываемого в колониях золота и серебра. См. *Маршалл. Жизнь Вашингтона*, т. I, с. 18–66.

28 Значительную часть новых колонистов, говорит Стит в «Истории Виргинии», составляли беспутные молодые люди из хороших семей, которых родители отправляли за море с тем, чтобы спасти их от грозящей им позорной участи. Среди других поселенцев были бывшие слуги, злостные банкиры, развратники и тому подобные люди, больше способные грабить и разрушать, нежели упрочивать положение колонии. Ими верховодили бунтарски настроенные люди из той же среды, с легкостью толкавшие эту разношерстную толпу на всевозможные безрассудные и злые поступки.

29 Рабство было введено к 1620 году после прибытия голландского корабля, высадившего двадцать негров на берега реки Джеймс.

30 Штаты Новой Англии расположены к западу от Гудзона. Сегодня их насчитывается шесть: 1) Коннектикут, 2) Род-Айленд, 3) Массачусетс, 4) Вермонт, 5) Нью-Гемпшир, 6) Мэн.

предприниматели. Есть колонии, которые не могут похвастаться даже таким происхождением своих поселенцев. Так, например, Санто-Доминго было основано пиратами. Да и в наше время население Австралии пополняют в основном уголовные суды Англии.

Все эмигранты, расселившиеся на побережье Новой Англии, принадлежали в метрополии к более или менее обеспеченным слоям населения. Их смешение на американской земле было с самого начала явлением необычным: они создали общество, в котором не было ни знатных господ, ни простого народа, — другими словами, у них не существовало ни богатых, ни бедных. По отношению к их общей численности среди эмигрантов встречалось значительно больше просвещенных людей, нежели среди населения любой европейской страны нашего времени. Все они почти без исключения получили весьма передовое образование, и многие из них прославились в Европе своими талантами и ученостью. Другие колонии были основаны безродными авантюристами; поселенцам же Новой Англии были свойственны порядок и высокая нравственность, которые они перенесли с собой на эту землю. Они переселялись в пустынные края, с женами и детьми. Но что особенно отличало их от прочих колонистов, так это сама цель их переселения в Америку. Отнюдь не крайняя необходимость заставила их покинуть родину; они оставляли там весьма высокое общественное положение, об утрате которого можно было пожалеть, и надежные средства к существованию. Они переселялись в Новый Свет вовсе не с тем, чтобы улучшить свое положение или приумножить состояние, — они отказывались от теплоты родной земли потому, что, повинаясь зову разума и сердца и терпя неизбежные для переселенцев мытарства и невзгоды, стремились добиться торжества некой *идеи*.

Эмигранты, или, как они сами вполне заслуженно называли себя, *пилигримы*, принадлежали к той секте в Англии, которая за строгость своих нравственных принципов была названа пуританской. Пуританизм был не только религиозной доктриной; по своим идеям это религиозное течение во многом смыкалось с самыми смелыми демократическими и республиканскими теориями. Вследствие этого пуритане приобрели себе заклятых и опасных врагов. На родной земле пуритан преследовало правительство, их строгим нравам претила повседневная жизнь того общества, в котором они жили, и пуритане стали искать для себя такую дикую отдаленную землю, где можно было бы жить сообразно собственным принципам и свободно молиться Богу.

Несколько цитат помогут лучше понять дух этих благочестивых искателей приключений, чем все то, что мы можем о них рассказать.

Историк Натаниел Мортон, изучавший первый период существования Америки, так начинает свое повествование. «Я всегда считал, что мы, отцы которых при основании этой колонии были свидетелями столь многочисленных и столь памятных проявлений милости Божьей, должны увековечить эти знаки Господни, написав об этом, То, чему свидетелями явились мы сами, и то, что услышали от отцов наших, мы обязаны передать нашим детям с тем, чтобы поколения, идущие нам на смену, научились славить Господа; с тем, чтобы семя Авраамово, рабы Его, сыны Иакова, избранные Его, вечно вспоминали чудеса Его, которые Он сотворил... (Псал. 104, 6,5). И должны узнать они, как Бог перенес в пустыню виноградную лозу и посадил ее и выгнал язычников; как Он очистил для нее место и утвердил корни ее, оставил ее расти и покрывать

собою самые отдаленные земли (Псал. 79, 9,10); и не только это должны знать они, но и то, как Он вел народ Свой в жилище святыни Своей и насадил его на горе достояния Своего (Исход, 15,17). Эти деяния должны стать известны всем, чтобы восхвалять за них Господа, как Он того достоин, и чтобы хоть часть лучей славы Его осветили бы имена почитаемых святых, которые служили Ему».

Читая это вступление, невольно проникаешься настроением религиозным и одновременно торжественным; от строк словно веет духом древности, каким-то библейским благовонием.

Вера, воодушевляющая писателя, возвышает его слог. В ваших глазах, как и в его собственных, пилигримы уже не выглядят горсткой искателей приключений, отправившихся за моря в поисках счастья; они как бы превратились в зерна, посеянные рукой Господней на земле, предопределенной Им для того, чтобы там родился великий народ.

Автор продолжает, следующим образом описывая отплытие первых эмигрантов.

«...И оставили они этот город (Делфт-халефт), который послужил им местом передышки; между тем они сохраняли спокойствие, ибо знали, что они суть лишь странники и чужеземцы на этом свете. Ничто земное не связывало их, они возводили очи свои к небесам — к своей дорогой родине, — где Господь воздвиг для них Свой святой город. Наконец они прибыли в гавань, где их уже ожидал корабль. Множество друзей, которые не смогли последовать за ними, желали по крайней мере проводить их. Миновала бессонная ночь — прошла она в дружеских изъявлениях, благочестивых речах и других проявлениях истинной христианской любви. На следующее утро он взошли на корабль. Провожавшие их друзья последовали за ними, и тут слышались глубокие вздохи, из всех глаз полились слезы, все начали обнимать друг друга и истово молиться, что не могло не растрогать даже посторонних свидетелей этого прощания. Но вот подали сигнал к отплытию, и пилигримы упали на колени, и их пастырь, подняв к небу глаза, полные слез, поручил их милосердию Божьему. И наконец, простились они друг с другом, и слова прощания для многих из них звучали, возможно, в последний раз».

Эмигрантов насчитывалось приблизительно сто пятьдесят человек, включая всех мужчин, женщин и детей. Цель их путешествия состояла в том, чтобы на берегах Гудзона основать свою колонию. Однако после долгого блуждания в океане они были вынуждены пристать к бесплодным берегам Новой Англии в том месте, где сегодня расположен город Плимут. До сих пор посетителям показывают ту скалу, на которой высадились странники.

«Но прежде, чем продолжать, — говорит цитируемый историк, — попробуем на мгновение представить себе истинное положение этих несчастных людей и подивимся милости Господа, спасшего их.

Итак, переплыв огромный океан, они достигли наконец цели своих странствий, но не было там друзей, которые могли бы встретить их, ни жилища, в котором они нашли бы себе приют. Зима здесь была в самом разгаре, а тем, кому знаком наш климат, известно, сколь суровы зимы в наших краях и какие ураганы свирепствуют в это время. Зимой трудно добраться и до знакомых мест, но несравненно труднее устроиться в новых. Их взорам представилась страшная и скорбная пустыня, полная хищных зверей и диких людей, о численности и свирепости которых они

не имели тогда ни малейшего представления. Мерзлая земля была покрыта лесом и кустарником, и все вокруг было мрачно и негостеприимно. А за их спинами простирался безбрежный океан, отделявший их от цивилизованного мира. Им оставалось лишь обратить свои взоры к небу, чтобы хотя бы там найти немного успокоения и надежды».

Не следует думать, что пуритане были благочестивы лишь умозрительно или что они совершенно отстранились от мирских дел. Пуританизм, как я уже отмечал выше, является политическим течением в той же мере, что и религиозным. Едва успев высадиться на этом негостеприимном берегу, описанном Натаниелом Мортонем, эмигранты сразу же поспешили организовать в общество, заключив с этой целью соглашение следующего содержания:

«Мы, нижеподписавшиеся, предприняв во славу Божию, для распространения христианской веры и славы нашего отечества путешествие с целью основать первую колонию на этих далеких берегах, настоящим торжественно и в полном согласии между собой и перед лицом Бога заявляем, что решили объединиться в гражданский политический организм для лучшего самоуправления, а также для достижения наших целей: в силу этого соглашения мы введем законы, ордонансы и акты, а также сообразно с необходимостью создадим административные учреждения, которым мы обещаем следовать и подчиняться».

Это произошло в 1620 году. С того времени поток эмигрантов не иссякал. Религиозные и политические страсти, раздиравшие Британскую империю в течение всего царствования Карла I, гнали на берега Американского континента все новых и новых сектантов. В Англии главный очаг пуританизма по-прежнему оставался среди людей, принадлежавших к среднему сословию; большинство эмигрантов были выходцами именно из этой среды. Население Новой Англии быстро увеличивалось, и в то время, когда сословная иерархия в метрополии все еще деспотически размежевывала людей, колония все больше и больше являла собой однородное во всех отношениях общество.

Демократия, о какой античный мир не осмеливался даже мечтать, вырвалась из недр старого феодального общества во всем величии и во всеоружии.

Английское правительство, довольное тем, что бациллы беспорядков и новых революций удалялись от него на значительное расстояние, хладнокровно взирало на эту многочисленную эмиграцию. Оно даже способствовало ей всеми средствами и, казалось, нимало не заботилось о судьбах тех, кто отправлялся искать на американской земле убежище от жестоких английских законов. Пожалуй, правительство воспринимало Новую Англию как страну, находящуюся во власти фантастических мечтаний, которую можно отдать искателям новизны с тем, чтобы они свободно экспериментировали с ней.

Английские колонии — и это было одной из главных причин их процветания — всегда пользовались большей внутренней свободой и большей политической независимостью, нежели колонии других стран. Но ни в одной части страны принцип свободы не осуществлялся столь полно и столь широко, как в штатах Новой Англии.

В то время всеми признавалось, что земли Нового Света должны принадлежать той европейской нации, которая первая их открыла.

На этом основании к концу XVI века практически все побережье Северной Америки стало владением английской короны. Способы, использовавшиеся британским правительством для заселения этих новоприобретенных территорий, были самыми различными: в одних случаях король передавал определенную часть земель Нового Света в подчинение назначенному им губернатору, который должен был управлять ими от имени короля и в соответствии с его непосредственными распоряжениями; аналогичная система колониального владения была принята всеми остальными европейскими государствами. В других случаях король предоставлял часть территории страны в собственность отдельным лицам и компаниям. При этом вся полнота гражданской и политической власти сосредоточивалась в руках одного или нескольких лиц, которые под надзором и контролем правительства продавали земли и управляли местными жителями. И наконец, третья система заключалась в предоставлении определенному числу эмигрантов права учреждать гражданское политическое общество под покровительством метрополии, а также права самоуправления во всем, что не противоречило английским законам.

Подобная форма управления колониями, столь благоприятствующая развитию свободы, была применена на практике лишь в Новой Англии.

В 1628 году такая хартия на колонию была пожалована Карлом I эмигрантам, ехавшим обосновываться в Массачусетсе.

Однако чаще всего хартии даровались колониям Новой Англии значительно позже их основания, когда существование колонии становилось уже свершившимся фактом. Города Плимут, Провиденс, Нью-хейвен, штаты Коннектикут и Род-Айленд были основаны без всякого содействия и практически без ведома Англии. Новые поселенцы создали свои сообщества самостоятельно, не получив на это никаких полномочий от метрополии, хотя они и не отрицали ее верховенства, и только лишь тридцать или даже сорок лет спустя, уже при Карле II, королевская хартия узаконила их существование.

Таким образом, изучая первые документы истории и законодательства Новой Англии, зачастую бывает сложно проследить ту связь, которая соединяла эмигрантов со страной их предков. То и дело обнаруживаешь, что они проявляют свою суверенность — сами назначают должностных лиц, заключают мир и объявляют войну, регламентируют деятельность полиции, принимают законы, как если бы они были подвластны одному лишь Богу.

Самым необычным и в то же время наиболее поучительным является законодательство той эпохи. Именно в нем по преимуществу следует искать ключ к той великой социальной загадке, которую в наше время представляют собой для всего мира Соединенные Штаты.

Среди вышеупомянутых исторических документов необходимо в особенности выделить в качестве одного из наиболее характерных для данного периода свод законов, которые издал в 1650 году небольшой штат Коннектикут.

Законодатели Коннектикута прежде всего занялись уголовным законодательством; при составлении законов у них появилась весьма странная идея подчерпнуть их из Священного Писания: «Кто будет поклоняться иному Богу, кроме Господа нашего, — говорят они вначале, — будет предан смерти». Далее следует десять или двенадцать подобных положений, целиком взятых из книг Второзакония, Исхода и

Левита.

Богохульство, колдовство, прелюбодеяние, изнасилование карались смертью, равно как и оскорбление, нанесенное сыном своим родителям. Законодательство грубого и полуцивилизованного народа было, таким образом, перенесено в просвещенное и нравственное общество, и поэтому нигде больше не складывалось такого положения, когда смертная казнь была столь широко предусмотрена законами и столь мало применима к виновным. Составляя данный свод уголовных законов, законодатели были озабочены прежде всего необходимостью поддержания нравственности и добропорядочности в обществе. Как следствие они постоянно вторгались в область человеческих чувств, и не было почти ни одного греха, который им не удавалось бы превратить в предмет судебного разбирательства. Читатель, видимо, отметил, с какой строгостью наказывались прелюбодеяние и изнасилование. Самые обычные отношения между людьми, не состоящими в браке, строго пресекались. За судьями закреплялось право применять к виновному одно из трех наказаний: денежный штраф, порка или брак, причем, если верить протоколам тогдашних Нью-хейвенских судов, дела подобного рода вовсе не были редкостью. В судебном решении от 1 мая 1660 года записано, что одна девушка была приговорена к денежному штрафу и подвержена суровому внушению лишь за то, что она сказала несколько нескромных слов молодому человеку и позволила себя поцеловать. Кодекс 1650 года изобилует также и предупредительными мерами. Леность и пьянство подвергались, согласно этим законам, строгому наказанию. Трактирщики не имели права давать посетителю больше вина, нежели полагалось по закону; малейшая ложь, если она могла нанести вред кому-либо, влекла за собой штраф или телесное наказание. В других местах кодекса законодатели, совершенно забыв, что в Европе они сами же защищали великие принципы религиозной свободы, предусматривали наложение денежного штрафа с целью заставить людей присутствовать на богослужении и даже вводили весьма суровые меры наказания вплоть до смертной казни, тем христианам, которые молились Богу иначе, чем они сами. Рвение этих законодателей к регламентации всех и вся иногда приводило к тому, что они принимались за совсем уж недостойные дела. Так, например, в том же своде законов есть закон, запрещающий употребление табака. Не следует, впрочем, забывать, что эти либо странные, либо тиранические законы принимались отнюдь не принудительным путем: они одобрялись свободным голосованием всех заинтересованных в них граждан; не следует также упускать из виду то, что в этом обществе нравы были еще более строгими и более пуританскими, нежели сами законы. Так, например, в 1649 году в Бостоне сформировалось вполне серьезное общество, целью которого была борьба против светской блажи — ношения длинных волос¹.

Подобные несуразицы, бесспорно, постыдны для разумного человека; они свидетельствуют о ничтожестве нашей натуры, которая не в состоянии осознать до конца, что такое истина и справедливость, в результате чего человек зачастую вынужден делать выбор между двумя крайностями.

Наряду с этим уголовным законодательством, в котором столь глубоко отразились как ограниченность сектантского мироощущения, так и все воспламененные гонениями и не переставшие будоражить души людей религиозные страсти, появилось в какой-то степени обусловленное

ими собрание законов политического характера. Составленные двести лет тому назад, эти законы по своему духу свободы ушли далеко вперед по сравнению с нашим временем.

Общие принципы построения современных конституций, которые большинство европейцев XVII века понимало с трудом и которые лишь частично восторжествовали в тот период в Великобритании, были полностью признаны в Новой Англии и закреплены ее законами: участие народа в общественных делах, свободное голосование по вопросу о налогах, ответственность представителей власти перед народом, личная свобода и суд присяжных — все это было воспринято единодушно и реально введено в жизнь в Новой Англии.

Эти исходные принципы получили здесь самое широкое применение и распространение, тогда как в Европе ни одна нация на это не решилась.

В Коннектикуте избирательный корпус изначально состоял из всех граждан, проживающих в данном штате, что, впрочем, совершенно понятно. У этого нарождающегося народа тогда еще господствовало почти полное равенство между людьми в том, что касалось их имущественного положения и тем более уровня их интеллектуального развития³¹.

В тот период в Коннектикуте подлежали избранию все должностные лица исполнительной власти, вплоть до губернатора штата.

Все граждане в возрасте старше шестнадцати лет были обязаны носить оружие; они составляли народную милицию, сами назначали из своей среды офицеров и должны были находиться в постоянной готовности к защите отечества.

Законы Коннектикута, так же как и законы других штатов Новой Англии, отражают зарождение и развитие той общинной независимости, которая и в наши дни по-прежнему является основой американской свободы и инструментом ее воплощения в жизнь.

В Европе политическая жизнь большинства стран начиналась на верху официальной пирамиды и затем постепенно, да и то не в полной мере охватывала все ячейки общества.

В Америке же, напротив, община была образована раньше, чем округ; округ появился прежде штата, а штат — прежде, чем вся конфедерация.

К 1650 году в Новой Англии община полностью и окончательно утвердилась. Община была тем местом, которое объединяло и крепко связывало людей и где они могли проявить свои интересы и пристрастия, осуществить свои права и выполнить обязанности. Внутри общины кипела истинная и активная политическая жизнь, вполне демократическая и республиканская по своей сути. Колонии пока еще продолжали признавать верховную власть метрополии, штаты по-прежнему управлялись по законам монархии, однако республика уже полнокровно развивалась в рамках общины.

Община выбирала должностных лиц всех уровней, устанавливала местные налоги, а также взимала все прочие. В общинах Новой Англии не было принято никаких законов о представительных органах. Любые общинные дела, затрагивающие интересы всех ее жителей, обсуждались,

31 В 1641 году Генеральная Ассамблея Род-Айленда при полном согласии установила демократическую форму правления в штате и заявила, что власть возлагается на корпус свободных граждан, которые обладают исключительным правом издавать законы и следить за их выполнением. — Кодекс 1650 года, с. 70.

как в Афинах, на центральной площади или на общем собрании.

Когда внимательно изучаешь законы, которые принимались в течение всего первого периода существования американских республик, невольно поражаешься государственной мудрости законодателей, воплощавших в жизнь передовые теории.

Очевидно, что американские законодатели понимали обязанности общества в отношении своих членов гораздо шире и возвышеннее, нежели европейские законодатели того времени, и предъявляли к обществу такие высокие требования, от выполнения которых в других частях света оно пока еще уклонялось. В штатах Новой Англии бедняки были на полном обеспечении общества с момента его возникновения; строгие меры принимались для того, чтобы поддерживать в надлежащем состоянии дороги — для наблюдения за ними назначались даже специальные чиновники; в публичные реестры общин заносились результаты обсуждения гражданами различных вопросов, факты смерти, бракосочетания и рождения членов общины; для ведения этих реестров специально назначались регистраторы. Существовали также чиновники, на которых возлагалась задача управления не востребуемыми наследствами. Другие чиновники занимались тем, что следили за соблюдением границ передаваемых по наследству земельных владений. Главной функцией ряда Должностных лиц было поддержание общественного порядка в общине.

Закон предусматривал тысячи самых различных мер, чтобы удовлетворить множество уже существующих или возможных социальных потребностей, о которых во Франции и в наше-то время имеется лишь весьма смутное представление.

Однако самобытность американской цивилизации с самого начала наиболее ярко проявилась в предписаниях, касающихся общественного образования.

«Принимая во внимание, — говорится в законе, — тот факт, что Сатана, враг рода человеческого, находит в невежестве людей свое самое мощное оружие, и заботясь о том, чтобы знания, принесенные сюда нашими отцами, не отошли в небытие вместе с ними; принимая во внимание то, что в воспитании детей прежде всего заинтересовано государство, мы, с помощью Божьей...» Далее следуют положения, предписывающие создание школ во всех общинах и обязывающие всех жителей под угрозой крупных штрафов взять на себя содержание этих школ. Аналогичным образом в наиболее густонаселенных районах создавались высшие школы. Муниципальные власти должны были следить за тем, чтобы родители отправляли своих детей в школы; эти власти пользовались правом налагать штраф на тех родителей, которые не выполняли данного требования; в случае же, если подобное неповиновение продолжалось, общество принимало на себя роль семьи, забирало ребенка на свое попечение и лишало отцов этих детей прав, которыми их наделила сама природа и которыми они столь дурно пользовались. Читатель, несомненно, обратил внимание на преамбулу данных ордонансов: в Америке к просвещению ведет именно религия, тогда как к свободе человека направляет соблюдение им законов Божьих.

Когда, бросив, таким образом, беглый взгляд на американское общество 1650 года, обращаешься к положению в Европе, и в особенности к той ситуации, которая сложилась на всем континенте в ту же эпоху, тебя охватывает глубокое изумление: в начале XVII века повсюду на

развалинах олигархической и феодальной свободы средневековья восторжествовала абсолютная монархия. В этой блестящей и просвещенной Европе идея прав человека совершенно игнорировалась — как никогда более; никогда еще народы не принимали столь слабого участия в общественной и политической жизни своих государств; никогда еще принципы истинной свободы не занимали столь мало умы людей. И все это тогда, когда все эти принципы, неизвестные европейским нациям либо презираемые ими, были провозглашены в пустынных краях Нового Света и легли в основу будущего развития великого народа. Самые смелые теории, созданные человеческим разумом, получили применение на практике в этом столь простом на первый взгляд обществе, которое ни один государственный деятель, без всякого сомнения, даже не удостоил бы своего внимания. Отдавшись на волю своей самобытности, человек, пользуясь лишь одним воображением, создал экспромтом беспрецедентное законодательство. При этой безвестной демократии, которая еще не дала миру ни одного генерала, ни одного философа или великого писателя, человек имел возможность встать в присутствии свободных граждан и при всеобщем одобрении дать следующее прекрасное определение свободы:

«Нам не следует заблуждаться относительно того, что мы понимаем под нашей независимостью. В самом деле, существует своего рода порочная свобода, которой пользуются как животные, так и люди и которая состоит в том, чтобы поступать сообразно собственным желаниям. Такая свобода враждебна любой власти; ее трудно подчинить каким-либо правилам; при ней мы опускаемся все ниже и ниже; она — враг истины и мира; даже Господь счел необходимым воспротивиться ей! Но одновременно существует свобода гражданская и нравственная; сила, воплощающаяся в единении всех; сила, которую самой власти предназначено охранять: эта свобода заключается в том, чтобы без страха совершать доброе и справедливое. Эту святую свободу мы обязаны защищать от любых случайностей и в случае необходимости жертвовать за нее собственной жизнью»³².

Я уже сказал довольно много, чтобы представить в истинном свете характер англоамериканской цивилизации. Она есть результат (данное исходное положение должно постоянно присутствовать в ходе любых размышлений) двух совершенно различных начал, которые, кстати говоря, весьма часто находились в противоборстве друг с другом, но которые в Америке удалось каким-то образом соединить одно с другим и даже превосходно сочетать. Речь идет о *приверженности* религии и о *духе свободы*.

Основатели Новой Англии были ревностными сектантами и одновременно восторженными новаторами. С одной стороны, их сдерживали оковы определенных религиозных верований, а с другой — они были совершенно свободны от каких-либо политических предрассудков.

Отсюда и появились две различные, но вовсе не противоречащие друг

32 Мэзер. Великие деяния Христа в Америке, т. II, с. 13. Эта речь была произнесена Уинтропом. Его обвиняли в том, что будучи должностным лицом, он совершил ряд незаконных действий; однако после произнесения речи, из которой взят данный отрывок, он был оправдан под всеобщие рукоплескания, и с тех пор его всегда переизбирали губернатором штата. См.: *Маршалл*, т. I, с. 166.

другу тенденции, отпечаток которых нетрудно заметить повсюду — как в нравах общества, так и в его законах.

Эти люди способны приносить в жертву религиозным убеждениям своих друзей, свою семью и свою родину; можно предположить, что они поглощены поиском некоего интеллектуального блага, за которое готовы заплатить, столь дорогую цену. Между тем, оказывается, что они практически с той же настойчивостью стремятся добиться не только морального удовлетворения, но и материальных благ, ища счастья на том свете и одновременно благополучия и свободы на этом.

Политические убеждения и созданные человечеством законы и институты превращаются в их руках в нечто столь податливое и гибкое, что кажется, они могут принимать любой оборот и как угодно комбинироваться.

Перед этими людьми рушатся все преграды, сковывавшие общество, в котором они родились; устаревшие взгляды, в течение долгих веков влиявшие на мир, постепенно исчезают, перед ними открываются практически безграничные возможности, напоминающие некое бесконечное пространство без горизонта. Человек устремляет свой разум к этому полю деятельности, он исхаживает его вдоль и поперек, однако, достигнув границ мира политики, он невольно останавливается. Трепеща, от отказывается использовать свои самые устрашающие возможности, он больше не хочет ни сомневаться, ни создавать нечто новое, он даже воздерживается от желания приподнять завесу, закрывающую святилище, — исполненный уважения, он преклоняет колени перед истинами, которые принимает беспрекословно.

Таким образом, в мире нравственности все упорядочено, согласовано, предусмотрено и решено заранее. В мире же политики все находится в постоянном движении, все оспаривается, все как-то неопределенно; в одном — пассивное, хотя и добровольное повиновение, в другом — независимость к опыту и горячее отрицание любого авторитета.

Эти две тенденции, столь противоположные на первый взгляд, не наносят друг другу никакого вреда, напротив, они развиваются в полном согласии и даже как бы оказывают поддержку одна другой.

Религия видит в гражданской свободе благородное выражение человеческих способностей, а в политическом мире — поле деятельности, предоставленное человеческому разуму Создателем. Свободная и могущественная в своей сфере, полностью удовлетворенная отведенным ей в обществе местом, религия прекрасно осознает, что ее империя окажется более прочной, если она станет властвовать, опираясь лишь на собственные силы, и господствовать над сердцами без какой-либо поддержки извне.

Свобода же видит в религии свою союзницу в борьбе и в победах, колыбель своего собственного детства, божественный источник своих прав. Она воспринимает религию как блюстительницу нравственности, а саму нравственность считает гарантией законности и залогом своего собственного существования².

ПРИЧИНЫ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛОАМЕРИКАНСКИХ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ

Что сохранилось от аристократических институтов при самой

полной демократии. Почему это произошло. Необходимость различать, что имеет пуританское начало, а что пришло из аристократической Англии

Читатель не должен делать из всего изложенного слишком общие и слишком безоговорочные выводы. Безусловно, общественное положение, религиозные убеждения и нравы первых эмигрантов оказали колоссальное воздействие на судьбы их нового отечества. Тем не менее не от их воли зависело создание такого общества, где они сами стали бы исключительными его творцами с самого начала. Никто не способен полностью освободиться от своего прошлого. Поселенцам не раз случалось смешивать, как сознательно, так и безотчетно, те убеждения и обычаи, которые были свойственны только им самим, с другими убеждениями и обычаями, которые они получили в процессе образования или почерпнули из национальных традиций страны, откуда они были родом.

Таким образом, желая составить правильное представление о современных англоамериканцах, нужно уметь точно различать, что имеет пуританские корни, а что — английские.

В Соединенных Штатах нередко можно столкнуться с законами или обычаями, которые существенно отличаются от всего того, что их окружает. Создается впечатление, что эти законы составлены в духе, совершенно противоположном тому, который господствует в американском законодательстве в целом; что эти обычаи как бы противоречат всей атмосфере, присущей данному обществу. Если бы английские колонии были основаны в менее просвещенную эпоху или если бы их происхождение терялось в глубине веков, то тогда задача, скорее всего, оказалась бы неразрешимой.

Для того чтобы пояснить свою мысль, приведу здесь один пример.

Гражданское и уголовное законодательства американцев признают всего лишь две меры пресечения: *тюремное заключение или внесение залога*. Согласно процедуре, ответчику вначале предлагается внести залог, если же он отказывается это сделать, то подлежит тюремному заключению. После этого рассматриваются обоснованность и тяжесть выдвинутого обвинения.

Совершенно очевидно, что подобное законодательство направлено прежде всего против бедняка и благоприятно только лишь для богача.

Бедняк далеко не всегда может найти необходимую для залога сумму, даже если речь идет о гражданском деле; кроме того, если он должен дожидаться судебного решения в тюрьме, то вынужденное бездействие вскоре в любом случае приведет его к нищете.

Богачу же, напротив, в гражданских делах всегда удастся избежать заключения. Более того, если он и совершил правонарушение, то легко может избежать грозящего ему наказания: после того как он представил залог, он без труда исчезает. Таким образом, можно утверждать, что для него все наказания, определяемые законом, сводятся всего лишь к простому денежному взысканию, то есть обычному штрафу. Ничто не несет на себе большей печати аристократического духа, нежели подобное законодательство!

Однако в Америке законы составляются бедными, которые, естественно, стараются сохранить за собой наибольшие общественные привилегии и преимущества.

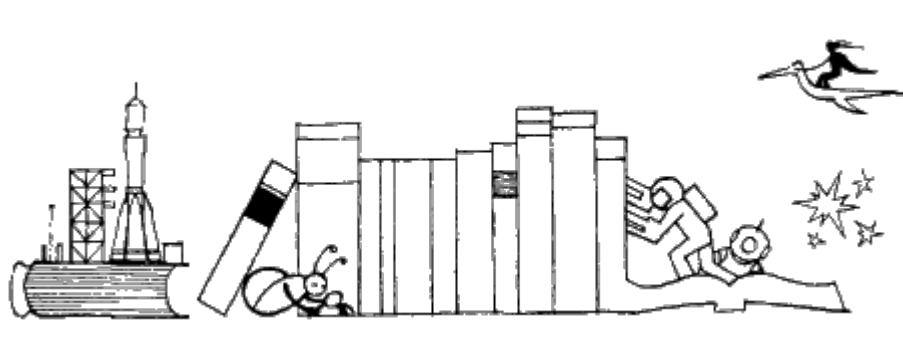
Объяснение этому феномену следует искать в Англии: законы, о которых идет речь, — английские. Американцы приняли их без каких-либо изменений, несмотря на то что они прямо противоречат общему содержанию их законодательства и всем их убеждениям.

Народ менее всего склонен менять как свои обычаи, так и свое гражданское законодательство. Гражданские законы досконально известны лишь юристам, то есть тем, чей прямой интерес заключается в сохранении их в том виде, в котором они уже существуют, независимо от того, хороши эти законы или плохи, — по той лишь простой причине, что они их прекрасно знают, большая же часть населения знакома с законами лишь весьма приблизительно; люди сталкиваются с ними только в конкретных случаях, с трудом воспринимают их общую направленность и потому подчиняются им совершенно бездумно.

Я привел здесь всего лишь один пример, тогда как мог бы перечислить их значительно больше.

Картина, которую являет собой американское общество, словно бы покрыта, если так можно выразиться, слоем демократии, из-под которого время от времени проступают старинные, аристократические краски.

(Продолжение следует)

ОБЗОР

А. В. Добрякова

ВЕРСИИ СТРАХА В МИРАХ СТИВЕНА КИНГА

Фобии исходно присутствовали в мышлении человека, насколько мы можем о том судить на историческом материале. Современник мамонтов боялся пещерного льва, а нынешняя эпоха добавила к этому множество как реальных, так и иллюзорных страхов. Психологи их изучают, классифицируют, а писатели — используют. Ибо страх вроде занозы, — нет-нет, да и проявится. Человек это ощущает как беспокойство, депрессивное состояние, даже физическое расстройство (даже раковая опухоль может явиться следствием пережитого стресса, вызванного сильным страхом). Видимость разрешения, выхода подавленной подкорке дают произведения, построенные на инстинктах страха, в чем, возможно,

и таится секрет их популярности.

Стивена Кинга традиционно относят к мистическим писателям. Прямой литературный потомок Хораса Уолпола, Анны Радклиф, Льюиса и Бекфорда, авторов «готических» романов об ужасном и непостижимом, и, как и они, представитель европейской цивилизации, Стивен Кинг является наследником фобий, заимствованных западной традицией из христианского религиозного мистицизма. Психологическая фрустрация прямо вытекала из догматов монотеистической религии. Верующие постоянно испытывали «страх божий», т. е. боязнь не угодить своему небесному властелину и попасть под его карающую длань, и вместе с тем, страх перед его противником, не менее беспощадным, чем Господь Бог, перед «дьявольскими кознями».

Это чисто средневековое сознание блестяще описано Стивеном Кингом в его повести «Кэрри», где фанатичная христианка-мать сначала калечит жизнь себе, а затем жизнь своей талантливой дочери. Дар Кэрри, ее способности к телекинезу, будучи, по-существу, от природы ни плохими, ни хорошими, оказываются употреблены на уничтожение людей и самое себя. Истязания, которыми ее мать пытается добиться «духовного развития» дочери, хотя и напоминают поведение мазохистов времен раннего христианства, еще больше смахивают на натаску щенка на злобность, когда животное сажают под медный таз и колотят по нему, пока собака не остервенеет. Провозглашая Христа «богом любви», сектантка в повествовании Кинга полагает любовь в ее физическом выражении полового общения «смертным грехом» и вслед церковным догматам Средневековья борется с инстинктом размножения путем подавления, что, само собой, в точности по Зигмунду Фрейду, приводит к извращению его до садомазохизма и человеконенавистничества.

Это произведение, в значительной степени, могло быть навеяно религиозно-сектантскими общинами, в которых для достижения «божьей благодати» не гнушались никакими физическими или психическими средствами, включая истязания, наркотики, подмешанные в «священное вино» (для эффекта «мистического озарения») и откровенный гипноз. Прямо следуя христианской мистике, Кинг выводит образ «черного священника» («Поселение Иерусалим»). «Джеймс Бун постоянно имел связь с несколькими женщинами, уверяя каждую из них в том, что он выполняет тем самым волю Господа и что они должны неукоснительно поддерживать его в этом» Потомок Джеймса Буна кончает жизнь самоубийством, поскольку это оказывается единственным способом прекратить проклятие его рода, тянущееся почти столетие. С психологической точки зрения обыгрывается драма инверсии понятий, когда то, что почитается благом (христианская догма и ее миссионер) превращается в свою чудовищную противоположность, уничтожая своих последователей и всех, до кого может дотянуться «рука проклятия».

Одним из атрибутов культовой распри всегда является создание «образа врага». На ранних этапах становления христианства религиозная вражда между назаряями (последователями Христа) и фарисеями (традиционными иудеями) приводила к взаимным обвинениям в общении с темными силами. Например, в еврейской книге того времени, трактате Сота 47а написано: «А учитель сказал: «Иисус Назарянин занимался чародейством и свел Израиля с пути». Даже в канонических текстах слышны отголоски этой вражды: «Фарисеи же, услышавши сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою Вельзевула, князя бесовского»

(Матф., гл. 12, ст. 24).

Это обвинение в связях с демоническими силами породило важные следствия в историческом поведении христианства как религии, не терпящей конкурентов. Агрессивный догматизм, породивший воинствующую христианскую церковь, питался двойственным отношением к магии и волшебству. С одной стороны, «именем бога» священник был обязан выполнять функции жреца древности и совершать чудеса исцеления, кормления голодных. С другой стороны, те же самые действия, совершаемые без благословения церкви, считались порочными и опасными, вне зависимости от благих или же неблагих результатов для страждущих. Ибо здесь, согласно официальной доктрине, могла проявиться сила других богов, которых монотеизм объявил своими противниками: «Ибо все боги народов — бесы, Господь же небеса сотворил» (Пс., 95, 5). По-видимому, то, что чудеса неоднократно совершались в древности безо всякой христианской религии, а также могли спонтанно проявляться у людей, более всего раздражало и озадачивало церковных схоластов. Сформировалась система «табу» на проявление психических способностей без благословения церкви (сам Стивен Кинг упоминает только одно из этих табу: «Ворожей не оставляй в живых»).

Для Джона Смита из «Мертвой зоны» его ясновидение является как следствием несчастья (травм головы и длительной комы), так и причиной немалых бед в дальнейшем, как дар Кассандры. Сам герой испытывает скорее страх перед «мертвой зоной» — участком мозга, где гнездятся его сверхъестественные способности, чем гордость и удовлетворение собой. Телепатическое видение делает его опасным для общества, несмотря на то, что он сам стремится употребить его исключительно во благо.

Как говорили индусские мудрецы: «Самое большое несчастье — это сила без разума». Но если, например, в учениях Индии или Северном Китае ясновидение — это одна из нормальных способностей, которую, после более менее долгой практики, может развить в себе человек, то в европейской мистической традиции это дар небес или дар преисподней.

В западной фантастике одним из традиционных персонажей является «безумный ученый» — т. е. человек, делающий открытия ради целей господства над миром. Человек с развитым интеллектом, но без способности оценить моральную ответственность за использования своего ума. Пожалуй, «Франкенштейн» Мэри Шелли положил начало галерее образов знания во имя зла при исходных благих намерениях. Традиционная христианская догма ограничивала исследовательский инстинкт рамками теософской схоластики и поисками подтверждения «бытия божьего». Плоды от древа познания изначально считались отравленными ядом дьявольским. Рациональное начало как производное от мирового зла — это тот подсознательный культурный слой, на котором зиждятся произведения об открытиях, способных погубить мир.

Стивен Кинг блестяще воспользовался этим архетипическим пластом в своем произведении «Несущая огонь» («Воспламеняющая взглядом»). Роль «безумного ученого», готового расшевелить стихию и неспособного ею управлять, выполняют спецслужбы США в тандеме с военным ведомством, не знающим уж что еще придумать для истребления ближнего. «Вы пытаетесь контролировать силы, которыми владеет только Всевышний...», — прямо говорит один из персонажей, справедливо считая это безумием. По традиционному мифологическому сценарию,

непосредственные виновники нарушения табу: психиатр — экспериментатор, чиновники, прямые исполнители, пробудившие демона, — погибают. Мировое равновесие восстановлено, гордецы, возомнившие подчинить себе Провидение, наказаны: Чудовище убивает Франкенштейна. Правда, Чарли, как и Кэрри, вовсе не исчадие Ада, а, скорее, жертва своих собственных возможностей. Играя на стереотипном страхе, Кинг в этом романе с симпатией рисует современную девочку, попавшуюся в тенета страшного мира взрослых.

Роман «Темная половина» представляется автобиографичным для Стивена Кинга. В этом произведении он пытается решить для себя и читателя проблему ответственности автора за свое творение:

«Но писатели ПРИГЛАШАЮТ призраков, это вполне возможно; наряду с актерами и художниками, они, наверное, единственно приемлемые в сегодняшней нашей жизни медиумы. Они создают миры, которые никогда не существовали, населяют их людьми, никогда не жившими, а затем приглашают нас присоединяться к ним в их фантазиях И мы так и делаем Да Мы ПЛАТИМ, чтобы делать это».

При этом используется мотив «черного двойника», немного модифицированный биологическими подробностями истории недоразвившегося еще в утробе матери брата-близнеца. Герой «Темной половины» безуспешно пытается «похоронить» (предать земле — архетипический образ забвения, обращения во прах) свое темное начало, но отвергнутое подсознание хищника становится навязчивым вампиром-убийцей, борясь за свое существование в мире людей.

Любопытное мнение по этому вопросу бытует среди оккультистов. Они полагают, что монстры в самом деле могут быть «призраками» существ, обитающих не на Земле, а в других мирах. Стивен Кинг, бесспорно, или знает эту версию или пришел к ней самостоятельно. Она довольно подробно изложена в рассказе «Я — дверной проем», где персонаж становится проводником на Землю чудовищных, злобных тварей Сгустки злобной энергии находят себе посредника (от простого любителя ужасов до маньяка — убийцы, сеющего страх) и начинают эксплуатировать его творческие способности. При этом автор романов ужаса как бы освобождается от вампира, но тот, через его произведения, подселается к другим людям. Начинает являться им ночами, или извращает их отношения с близкими, незаметно для самого человека, делая его орудием разрушения. А существо, питаемое энергией распада и страха, процветает там, где ему быть не положено, т. е. на Земле.

Но оккультисты также полагают, что мы, наши мысли, являемся проводниками не чего попало, а именно тех сущностей, что соответствуют нашей природе. То есть наши злобные, агрессивные мысли приводят к нам из просторов мироздания плотоядных чудовищ, а миролюбивые и доброжелательные — покровителей и помощников. Ибо Космос велик и разнообразен, но в нем действует линейный закон отражения: подобное к подобному. Поэтому оккультисты считают фантастов — породителей фильмов и романов ужасов проводниками из «темных миров». Вместе с тем, эзотерические исследователи убеждены, что творчество названных фантастов является предупреждением технологическому разуму, охваченному «экспансионистской паранойей», т. е. идеями «завоевания космоса». В самом деле, если человечество не способно нормально существовать в гармонии с собственной природой, то тем меньше шанс достичь положительного результата на других планетах.

В конце концов, используя свои психические силы, Тад, герой «Темной половины», изгоняет свое порождение в Ад, откуда он его извлек, и это относительно редкий у Стивена Кинга счастливый конец. Чаще, как в «Тумане», «Нечто в сером», монстры остаются непобежденными, торжествуя над всеми попытками от них избавиться.

Отметим, что Стивен Кинг не пропустил в своих творениях зоофобию (боязнь животных) — «Ночная смена», «Адова кошка», и такой сравнительно редкий психоз, как хронофобия («Лангольеры»), где проступает архетипический пласт, связанный с образом «всепожирающего времени». Но если в греко-римской мифологии он был представлен Хроносом, поглощающим своих детей, то у Стивена Кинга роль злобного и беспощадного божества выполняют шары неизвестного происхождения, истребляющие прошлое и обращающие материю в пустоту.

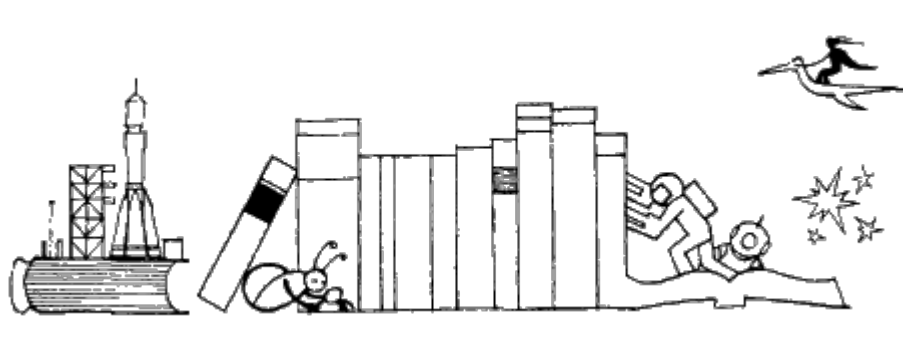
Если проследить становление этого пласта в мистической традиции Запада, то страх перед смертью как бы усилился в обществе в христианское время, и образ мимолетности жизни и полного торжества распада и смерти очень характерен для западной традиции. Отчасти он проявляется и в некрофобии (боязни мертвецов, также активно эксплуатируемой Стивеном Кингом, например, в «Сиянии»). Европейская философия полагает жизнь человека единственной, чем заметно отличается от трактовки соотношения жизни и смерти в языческой традиции и на Востоке (реинкарнация). Ощущение скоротечности и невозвратимости жизни — один из основных мотивов западной культуры. «Лангольеры» полны этим чувством неизбежности обращения в ничто.

Самый распространенный и многообразный страх человечества — это страх перед неведомым, вернее, перед теми опасностями, которые неведомое может в себе таить. В известной степени, технологическая цивилизация в ее сегодняшнем состоянии, расплачивается за использование понятия «черный ящик». Простота модели мира — это опасное удобство. Изготавливая вещи и употребляя их, люди пользуются свойствами, им известными, и зачастую не желают ничего знать, кроме необходимых в данном случае качеств. Но при этом можно столкнуться с побочными эффектами, ибо «неведение пагубно». Черный ящик может превратиться в Ящик Пандоры. Обычная машина — в робота-убийцу, одушевленного неким невидимым злым духом («Кристина»). Вещь может поглотить душу и поработить человека, сделав его орудием тьмы («Необходимые вещи»).

Когда читаешь Стивена Кинга, возникает двойственное ощущение. Прямо скажем, торговля страхом и насилием не вызывает особого сочувствия. С другой стороны — это объективное отражение архетипических пластов нашей цивилизации в яркой и талантливой форме. Хотелось бы, однако, чтобы литература о кошмарах давала только положительный эффект для психики.

Литература

1. Кинг С. Избранные произведения в 3 томах. СПб.: Нева-Лад, 1992.
2. Кинг С. Мизери. СПб.: ИМА-пресс-реклама, 1992,
3. Кинг С. Кэрри. М.: ТОО «С. Зяблов и сын», 1993.
4. Кинг С. Темная половина. Жуковский: КЭДМЭН, 1993.
5. Кинг С. Необходимые вещи. Хронос, 1993.
6. Кинг С. Лангольеры. Жуковский: КЭДМЭН, 1993.

БИБЛИОГРАФИЯ

Татьяна Добрусина

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ФАНТАСТИКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ. 1993 г. Часть 4. (У — Э)

281. Уайт (White) Т. Х. Король былого и грядущего: Тетралогия. Т. 2. Кн. 3. Рыцарь, совершивший проступок; Кн. 4. Свеча на ветру /Пер. С. Ильин. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 479 с. 200 000 экз.

282. Узники неба: Романы /Пер. В. Черных, Е. Красильников, М. Астафьев; Сост. Н. Резанов. — Н. Новгород: ГИПП «Нижеполиграф», 1993. - 432 с. — (Фантастика. Приключения. Детектив). 50 000 экз.

Содерж.: М. Муркок. Ритуалы бесконечности; Дж. Ренкин. Операция «Яманак»; К. Мак-Апп. Узники неба.

283. Уилсон (Wilson) К. Мир пауков: Фантаст. — приключ. сага: В 5 кн. Кн. 3: Маг /Пер. А. Шабрин. — СПб.: ОРИС, 1993. - 317 с. 80 000 экз.

284. Уильямс (Williams) Дж. Герои ниоткуда; Ле Гуин У. К. Волшебник Земноморья /Пер. В. Кан, А. Ставиская. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 383 с. 200 000 экз.

285. Уильямс (Williams) У. Д. Бриллианты Имперской короны; Фостер А. Д. Око разума /Пер. Е. Гладкова. — М. — ГРИФ-Ф, 1993. - 416 с. — (Коллекционная фантастика). 15 000 экз.

286. Уильямсон (Williamson) Дж. Легион пространства: Тетралогия /Пер. В. Лепилин. — Новосибирск: Фирма «Тимур», 1993. - 529 с. — (Шедевры фантастики). 50 000 экз.

Содерж. Трое из легиона; Кометчики; Один против легиона; Край света.

287. Уильямсон Дж. Легионеры космоса: Романы /Сост., авт. послесл. Э. Степанов. — М.: АГРА & Инрезерв, 1993. - 478 с. — (Фантастический боевик). 100 000 экз.

Содержание: Космический легион; Кометчики; Один против легиона; Край света.

288. Уильямсон Дж. Один против легиона: Романы. — Смоленск: Фирма «Русич»; Таллинн. Мелор, 1993. - 526 с. — (Сокровища боевой

фантастики и приключений). 100 000 экз.

Содерж.: Легион пространства; Кометчики; Один против легиона; На задворках Вселенной.

289. Уиндем (Wyndham) Дж. День триффидов; Отклонение от нормы: Романы /Пер. С. Бережков, Ф. Сарнов. — Екатеринбург: Сред. — Урал. кн. изд-во., 1993. - 368 с. — (Фантастика). 100 000 экз.

290. Уоллес (Wallis) Э., Купер М., Делос Л. Кинг Конг; Смит Г. Н. Крабы-убийцы; Льюис Р. Пауки. — М.: РИПОЛ; Пермь: Урал-Пресс, 1993. - 400 с. 150 000 экз.

291. Уэллс (Wells) Г. Дж. Спящий пробуждается: Романы /Пер. М. Зенкевич, М. Шишмарева, Э. Пименова. — Иркутск: Вост. — Сиб. кн. изд-во, 1993. - 506 с. 50 000 экз.

Содерж.: Война миров; Первые люди на Луне; Спящий пробуждается.

292. Уэллс Г. Дж. Человек-невидимка: Романы. — Иркутск: Вост. — Сиб. кн. изд-во, 1993. - 346 с. 50 000 экз.

Содерж.: Машина Времени; Остров доктора Моро; Человек-невидимка.

293. Фармер (Farmer) Ф. Ж. Восстаньте из праха: Сага о Мире Реки /Пер. М. Нахмансон. — М.: Росич, Джокер; М.; СПб.; Саратов: Тролль; СПб.: Ювента, 1993. - 420 с. — (Меч и посох: коллекция фантаст, эпопеи. Т.11). — Библиогр.: С. 415-419. 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Восстаньте из праха¹; Сказочный корабль.

294. Фармер ФЖ Дейр: Романы, повесть. — М.: Центрполиграф, 1993. - 608 с. — (Осирис; Вып. 14). 60 000 экз.

Содерж.: Романы: Влюбленные; Дейр; Врата времени; Пробуждение Каменного Бога; Повесть: Обладатели пурпурных купюр.

295. Фармер ФЖ. Многоярусный мир: Романы. — М.: Центр-полиграф, 1993. - (Осирис; Вып. 15). 60 000 экз.

Содерж.: Создатель Вселенной; Врата мироздания; Личный космос; За стенами Земли.

296. Фармер ФЖ. Пир потаенный: Романы. /Пер. О. Артамонова; Авт. предисл. Т. Старджон. — М.: АМЕХ, Ltd. — АО «ЛОРИС», 1993. - 478 с. — (Новинки Science Fiction & Fantasy). - 75 000 экз.

Содерж.: Пир потаенный; Повелитель деревьев.

297. Фостер (Foster) А. Д. Воины Света; Тайна Кранга: Романы. — Екатеринбург: МП «Виктори», 1993. — 368 с. 100 000 экз.

298. Фостер А. Д. Звездные войны: Романы. — М.: ТОО «Амальтея»: НПП «Биокод», 1993. - 399 с. — (Кронос). 100 000 экз.

Содерж.: Звездные войны; Империя наносит ответный удар; Возвращение Джедая.

299. Фостер А. Д. Чужой; Чужие; Чужой-3: Романы. — М.: МИК АП; СПб.: ЛЮКСИ, 1993. - 544 с. — (Клуб любителей фантастики). 40 000 экз.

300. Фостер А. Д. Чужой; Чужие; Чужой-3: Романы. — М.: Фирма «МИКАП», 1993. - 544 с. — (Video звезда). 75 000 экз.

301. Фостер А. Д. Чужой; Дик Ф. К. Бегущий по лезвию бритвы; Вспомнить все: Романы. — Рига: Gvi Do, 1993. — 430 с. — (Бестселлеры Голливуда). 150 000 экз.

302. Фрейкс Р., Вишер В. Х. Терминатор I; Фрейкс Р. Терминатор II /Пер. И. Карауш. — М.: Арктос, 1993. - 301 с. — (Зарубежный фантаст. роман). 100 000 экз.

303. Фрейкс Р., Вишер В. Х. Терминатор I; Фрейкс Р. Терминатор II /Пер. Н. Иванов, В. Постников, Т. Шишов. — М.: МП «ЭКСМО», 1993. - 514

с. 100 000 экз.

304. Фрейкс Р., Вишер В. Х. Терминатор I; Фрейкс Р. Терминатор II; Судный день. /Пер. Н. Иванов и др. — Самара: Изд. группа «Индекс», 1993. - 416 с. 100 000 экз.

305. Хайнлайн (Heinlein) Р. Собрание сочинений. Т.1 /Сост.

А. Чертков; Авт. предисл. и коммент. А. Балабуха. — СПб.: Terra Fantastica компании «Корвус», 1993. - 512 с. 50 000 экз.

Содерж.: Человек, который продал Луну; Линия жизни; Да будет свет!; Дороги должны катиться; Взрыв всегда возможен; Человек, который продал Луну; Реквием; Зеленые холмы Земли: Далила и космический монтажник; Космический извозчик; Долгая вахта; Присаживайтесь, джентльмены!; Темные ямы Луны; Как здорово вернуться!; А еще мы выгуливаем собак; Испытание космосом; Зеленые холмы Земли; Логика- Империи.

306. Хайнлайн Р. Собрание сочинений. Т.2 /Пер. Ю. Михайловский и др.; Сост. А. Чертков; Авт. предисл. и коммент. А. Балабуха. — СПб.: Terra Fantastica компании «Корвус», 1993. - 560 с. 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Революция в 2100 году; Дети Мафусаила; Пасынки Вселенной.

307. Хайнлайн Р. Собрание сочинений. Т.9 /Пер. А. Корженевский и др. Сост. А. Чертков; Авт. предисл. и коммент. А. Балабуха, — СПб.: Terra Fantastica компании «Корвус», 1993. - 607 с. 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Кукловоды; Звездный двойник; Дверь в Лето.

308. Хайнлайн Р. Собрание сочинений. Т.14 — Сост. А. Чертков; Авт. предисл. и коммент. А. Балабуха. — СПб.: Terra Fantastica компании «Корвус», 1993. - 703 с. 50 000 экз. Содерж.: Романы: Дорога доблести; Луна жестко стелет.

309. Хайнлайн Р. Миры Роберта Хайнлайна: Кн.4 /Пер. А. Киракозов, Ю. Зарахович. — Рига: Изд. фирма «Полярис», 1993. - 495 с. 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Свободное владение Фарнхэма; Пасынки Вселенной.

310. Хайнлайн Р. Миры Роберта Хайнлайна: Кн.6 /Пер. С. Барсов, М. Муравьев, И. Почиталин. — Рига: Изд. фирма «Полярис», 1993 — 431 с. 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Марсианка Подкейн; Космический патруль.

311. Хайнлайн Р. Миры Роберта Хайнлайна: Кн.12 /Сост. В. Быстров — Рига: Изд. фирма «Полярис», 1993. - 448 с. 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Шестая колонна; Дети Мафусаила.

312. Хайнлайн Р. Миры Роберта Хайнлайна: Кн.15 /Пер. Н. Сососновская. — Рига- Изд. фирма «Полярис», 1993. -463 с. 50 000 экз.

Содерж.: Роман: Меня зовут Фрайди.

313. Хайнлайн Р. Миры Роберта Хайнлайна: Кн.16 /Пер. Е. Старцев. — Рига: «Полярис», 1993. - 558 с. 100 000 экз. Содерж.: Роман: Не убоюсь зла.

314. Хайнлайн Р. Время звезд: Романы /Пер. Н. Пчелинцев, Ю. Зарахович. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 607 с. 200 000 экз.

Содерж.: Романы: Астронавт Джонс; Время звезд; Пасынки Вселенной.

315. Хайнлайн Р. Звездный зверь /Авт. предисл. Н. Науменко; Сост. С. Герцев, Н. Науменко. — М. — Творч. кооп. об-ние «АСТ», 1993. - 576 с. — (Координаты чудес: Современная фантастика; 2). 100 000 экз.

Содерж.: Романы Звездный зверь; Туннель в небе; Гражданин

Галактики.

316. Хайнлайн Р. Луна жестко стелет: Роман /Пер. А. Г. Цербаков. — СПб.: Terra Fantastica компании «Корвус», 1993. -604 с. — (Библиотека фантастики «Оверсан»). 50 000 экз.

317. Хайнлайн Р. Мастер перевоплощений' Романы /Пер. и сост. П. Киракозов. — СПб.: Лениздат, 1993. - 384 с. 100 000 экз.

Содерж.: Мастер перевоплощений; Исход.

318. Хайнлайн Р. Пришелец в земле чужой: Роман /Пер. С. Миролубов. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 448 с. — (Науч. фантастика). 50 000 экз.

319. Хайнлайн Р. Пятница, которая убивает; Магия, Инкорпорейтед: Романы /Пер. Ф. Сарнов, В. Подбельский. — М.: Фабула, 1993. - 383 с. — (Мастера амер. фантастики). 50 000 экз.

320. Хайнлайн Р. Чужой в стране чужих: Роман. — Н. Новгород: Флокс, 1993. - 447 с. — (Фантастика. Приключения. Детектив). - (Библиотека зарубежной фантастики). 100 000 экз.

321. Херберт (Herbert) Ф. Бог-император Дюны: Роман /Пер. А. Бергер. — М.: Скарабей; Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. -479 с. — (Имперская серия). - 4-я кн. сер. романов. Продолж. романа «Дети Дюны». 100 000 экз.

322. Херберт Герберт Ф. Дюна: Роман. Кн.1-3 /Пер. А. Новый. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 672 с. — (Науч. фантастика). 50 000 экз.

323. Херберт Ф. Еретики Дюны: Романы /Пер. А. Бергер. — М.: ТОО «ТЕКС»; ИЧП «Скарабей», 1993. — 512 с. — (Имперская серия). 60 000 экз.

324. Херберт Ф. Звезда под бичом: Романы /Пер. Н. Роднова. — Ангарск: Амбер, Лтд; М.: Сигма-Пресс, 1993. — 523 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 100 000 экз.

Содерж.: Звезда под бичом; Зеленый мозг; Глаза Гейзенберга.

325. Херберт Ф. Звезда под бичом; Зеленый мозг: Романы /Пер. Н. Роднова. — Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. - 351 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

326. Херберт Ф. Мессия Дюны; Дети Дюны: Романы. — М.: Скарабей, 1993. - 608 с. — (Имперская серия). — Продолж. романа «Дюна». 100 000 экз.

327. Херберт Ф. Муравейник Хеллстрома; Фаст Г. Разум Божий /Пер. Ю. Копцов. — М.: AMEX, Ltd; АО «ЛОРИС», 1993. - 432 с. — (Новинки Science Fiction & Fantasy). 50 000 экз.

Содерж.: Роман: Ф. Херберт. Муравейник Хеллстрома; Рассказы Г. Фаст: Разум Божий: Без единого звука; SERPHES 5; Яйцо; Разум Божий; Дыра в полу; Обруч; НЛО; Обоснование; Все дело в размерах; Талант Гарви.

328. Цитадель бога смерти: Романы /Сост. М. Молокин. — Новосибирск- Тимур, 1993. - 542 с. — (Шедевры фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Дж. Коулсон. Цитадель бога смерти; Э. Бойе. Меч и сумка.

329. Чандлер (Chandler) Б. Наемники космоса: Сборник /Пер. Т. Романова; Сост. К. Андронкин. — М.: РИПОЛ; Вече, 1993. - 319 с. — (Joker book). 100 000 экз.

Содерж.: Забытое искусство; Наемники космоса; Долгий путь.

330. Чародей /Пер. И. Маныч. — СПб.: Фирма «НЭЛИ», 1993. -176 с. — (Б-ка фантастического романа). 25 000 экз.

Содерж.: Л. Спрэг де Камп, Ф. Пратт. Чародей, или Магические

злоклучения Гарольда Ши: Кн. 1: Ревущая труба; Р. Говард: Рассказы: Исчезнувшая раса; Короли ночи.

331. Чародей /Пер. И. Маныч. — СПб.: Фирма «НЭЛИ», 1993. -176 с. — (Б-ка фантастического романа). 25 000 экз.

Содерж.: Л. Спрэг де Камп, Ф. Пратт. Чародей, или Магические злоклучения Гарольда Ши: Кн.2. Математика Магии; Р. Говард. Рассказ: Мечи Северного моря.

332. Черри (Cherryh) К. Дж. Район Змеи: Романы /Пер. Н. Гузников, В. Иванов; Сост. И. Кузовлев. — Екатеринбург: Крок-центр, 1993. - 574 с. — (Иноземье). 75 000 экз.

Содерж.: Район Змеи; Ангел с мечом.

333. Черри К. Эльфийский Камень Сна: Трилогия /Пер. М. Ланина. — СПб.: Библиополис, 1993. - 443 с. — (ORION). 50 000 экз.

Содеж.: Граги; Ши; Древа Мечей и Камней.

334. Шекли (Sheckley) Р. Собрание сочинений: Т.1. /Сост. А. Корженевский. — М.: Фабула, 1993. - 448 с. — (Мастера амер. фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Сборник: Где не ступала нога человека: Чудовище; Стоимость жизни; Алтарь; Форма; Травмированный; Где не ступала нога человека; Страж-птица; Теплее; Специалист; Седьмая жертва; Сборник: Гражданин в космосе: Безымянная гора; Бухгалтер; Охота; Вор во времени; Самый счастливый человек в мире; Руками не трогать; Кое-что задаром; Билет на планету Транай; Битва; Ордер на убийство; Я и мои шпики; Верный вопрос; Сборник: Паломничество на Землю: Паломничество на Землю; Ловушка; Тело; Опытный образец; Служба ликвидации; Бремя человека; Ночной кошмар; Терапия; Опекa; Земля, воздух, огонь, вода; Заяц; Академия; Рейс молочного фургона; Мятёж шлюпки.

335. Шекли Р. Координаты чудес: Романы, рассказы. /Сост. С. Герцев, Н. Науменко. — М.: ТКО «АСТ», ТОО «ПРОК», 1993. - 512 с. — (Соврем. фантастика). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Координаты чудес; Цивилизация статуса; Обмен разумов; Рассказы: Поднимается ветер; Травмированный; Ритуал; Опытный образец; Демоны; Терапия; Мусорщик на Лорее; Индетерминированный ключ; Рейс молочного фургона; Запах мысли; Охота; Необходимая вещь; Вор во времени; Ловушка; Кое-что задаром; Абсолютное оружие; Похмелье; Рыболовный сезон.

336. Шекли Р. Координаты чудес: Романы, повести /Пер. Л. Жураховский, Г. Гуревич, В. Бабенко и др.; Сост. Г. Белов. — СПб. Северо-Запад, 1993. - 639 с. 100 000 экз.

Содерж.: Координаты чудес; Корпорация «Бессмертие»; Хождение Джоэниса; Билет на планету Транай; Обмен разумов; Четыре стихии.

337. Шоу (Shaw) Б. Человек из двух времен; Дворец вечности; Миллион завтра: Романы. — М.: Топикал, 1993.

415 с. — (Любителям фантастики. Клуб «Золотое перо»; Вып.13). 100 000 экз.

338. Эддингс (Eddings) Д. Алмазный трон: Роман /Пер. В. Мещеряков, А. Сурогин. — М.: Альтруист; Иркутск: Иркут. Дом печати, 1993. - 464 с. 50 000 экз.

339. Эддингс Д. Рубиновый рыцарь: Роман /Пер. В. Мещеряков, А. Сурогин. — М.: МП «Фоском»; СПб.: Библиополис, 1993. -399 с. 50 000 экз. — 2-й роман трилогии «Эленея». Продолжение романа

«Алмазный трон».

340. Энтони (Anthony) П. Голубой Адепт: Роман /Пер. С. и И. Коноплевы. — М.: Змей Горыныч, 1993. - 432 с. — (Жемчужины авантюры, романа). 50 000 экз.

341. Энтони П. Расколота бесконечность /Пер. С. и И. Коноплевы. — М.: Змей Горыныч, 1993. - 398 с. — (Жемчужины авантюры, романа). — Библиогр.: С. 396-398. 50 000 экз.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЮБИЛЕИ 1994 ГОДА

В первом юбилейном номере «Сверхновой» мы рады еще раз вспомнить классиков нашего жанра, чьи круглые даты пришлись на 1994-й год. К сожалению, многих из них уже нет в живых, но творческое наследие юбиляров продолжает радовать читателей и вдохновлять последователей. Итак, в 1994 году исполняется:

185 лет со дня рождения *Эдгара Аллана ПО* — одного из основоположников фантастического жанра в мировой литературе;

135 лет со дня рождения *Артура КОНАНА ДОЙЛА* — автора настолько великого детективного цикла о Шерлоке Холмсе, но и «Затерянного мира», «Маракотовой бездны» и других фантастических книг.

100 лет со дня рождения *Олдоса ХАКСЛИ* — автора эпохальной утопии XX века — «О дивный новый мир!»

100 лет со дня рождения *Джона Бойнтона ПРИСТЛИ*, плодотворно работавшего в жанре фэнтези — повесть «31-е июня», роман «Дженни Вильерс» и тд.

90 лет со дня рождения *Клиффорда Дональда САЙМАКА* — автора романов «Пересадочная станция», «Город», «Вся плоть — трава», «Космические инженеры», «Снова и снова», «Кольцо вокруг Солнца», «Заповедник гоблинов» и многочисленных рассказов, начиная с 60-х годов переводившихся на русский язык и любимых нашим читателем.

90 лет со дня рождения *Эдмунда ГАМИЛЬТОНА* — основателя жанра «космической оперы», автора «Звездных королей», цикла о Капитане Футуре, «Города на краю света», «Молота Валькаров» и еще многих романов, повестей и рассказов, с которыми с 90-х годов познакомился и русский читатель.

80 лет со дня рождения *Генри. КАТТНЕРА* — автора не только давно знакомых по «мировскому» сборнику «Робот-зазнайка» рассказов о Хогбенах, об изобретателе Гэллегере, но и романов-фэнтези «Темный мир», «Колодец миров», эпопеи «Ярость» и других произведений.

Кроме того, «Сверхновая» поздравляет тех писателей, кто продолжает свою «фантастическую» деятельность на радость читателями и почитателям и в этом году празднует свой юбилей:

75 лет исполняется *Фредерику ПОЛУ* — автору многочисленных рассказов, неоднократно издававшихся в СССР и России, соавтору Сирила Корнблата по роману «Торговцы космосом». Среди вышедших в последние годы книг авторские тома Ф. Пола также занимают существенную часть.

75 лет исполняется *Филипу Жозе ФАРМЕРУ*. В последние годы русский читатель имел возможность познакомиться с многочисленными сериалами Ф.Ж Фармера — «Мир реки», «Многоярусный мир», романами «Врата времени», «Пробуждение каменного бога», «Плоть», «Летающие киты Измаила» и т. д.

65 лет исполняется *Урсуле ЛЕ ГУИН* — замечательному философу, сказочнице, автору известных в России романов «Планета изгнания», «Левая рука Тьмы», «Имя миру — Лес», «Планета Роканнона», «Город иллюзий», «Порог», «Обездоленные», тетралогии о Земноморье и множества рассказов, публиковавшихся в сборниках и периодике с 80-х годов.

Все эти авторы в разное время публиковались на страницах F&SF, и со временем еще неизданные их рассказы увидят свет в «Сверхновой».

HAPPY BIRTHDAY!

Подборка подготовлена по материалам КЛФ «Туннель в небе»

FB2 created by
mefysto

Комментарии

1

Хотя пуританский ригоризм, господствовавший в период создания английских колоний в Америке, уже в значительной мере ослабел, в местных обычаях и законах все еще встречаются его своеобразные черты.

В 1792 году, в то самое время, когда начала свое эфемерное существование Французская республика, порождение Антихриста, законодательное собрание штата Массачусетс утвердило закон, преследовавший цель заставить граждан соблюдать воскресенье. Привожу преамбулу и основные статьи данного закона, вполне

заслуживающие пристального внимания читателя: «Ввиду того что соблюдение воскресенья является делом общественной важности, ибо оно требует полезного прекращения трудовой деятельности с тем, чтобы человек мог поразмышлять о смысле земной жизни и о слабостях рода человеческого, склонного постоянно заблуждаться, и поскольку оно позволяет людям в уединенном и публичном местах возблагодарить Господа нашего, Творца и Вседержателя Вселенной, и посвятить себя благотворительной деятельности, которая является украшением и благостью христианского сообщества; ввиду того что неверующие и легкомысленные личности, забывая свои обязанности по соблюдению воскресенья и о связанной с этим общественной пользе, оскверняют его святость, позволяя себе в этот день развлекаться или же трудиться, и таким образом выступают против своих собственных христианских интересов; а также поскольку подобное отношение расстраивает тех, кто не следует их примеру, и приносит реальный вред всему обществу, так как знакомит его с распущенными и разнузданными привычками, сенат и палата представителей постановляют следующее:

1. В воскресный день никому не будет позволено держать открытыми свои магазины или свои мастерские. В этот день никто не должен работать или заниматься какими бы то ни было делами, посещать концерты, балы или любые зрелища, а также под угрозой штрафа никто не должен заниматься какой бы то ни было охотой, развлекаться или играть. Размер штрафа будет не менее 10 и не более 20 шиллингов за каждое нарушение закона.

2. Всякий путешественник, ездовой или извозчик, за исключением случаев крайней необходимости, не должен путешествовать по воскресеньям под угрозой такого же штрафа.

3. Владельцы таверн, гостиниц и различные торговцы должны следить за тем, чтобы никакой житель их города не посещал их заведения в воскресный день для приятного или же делового времяпрепровождения. В случае несоблюдения данного закона и владелец гостиницы и его постоялец подвергнутся штрафу. А владелец гостиницы, кроме того, может быть лишен лицензии.

4. Лица, находящиеся в полном здравии и без достаточных на то оснований пропускающие в течение трех месяцев публичные богослужения, будут оштрафованы на 10 шиллингов.

5. Лица, ведущие себя в храме неподобающим образом, могут быть оштрафованы на сумму от 3 до 40 шиллингов.

6. Контроль за соблюдением настоящего закона возложен на городских судебных исполнителей. Они наделяются правом по воскресеньям входить в любые помещения гостиниц или иных общественных мест. Владелец, отказавшийся предоставить судебному исполнителю доступ в свою гостиницу, только за это нарушение штрафуется на сумму до 40 шиллингов.

Судебные исполнители обязаны останавливать путешественников и выяснять у них причины, побудившие их в воскресенье находиться в пути. Лица, отказавшиеся ответить, должны быть оштрафованы на сумму, не превышающую 5 фунтов стерлингов.

Если объяснения, данные путешественником, не покажутся судебному исполнителю убедительными, он возбуждает против него судебный иск, обратившись к мировому судье округа». Закон от 8 марта 1792 года. — Общее право штата Массачусетс, т. I, с. 410.

11 марта 1797 года был принят новый закон, увеличивший суммы штрафов, причем половина из них предназначалась лицу, обвинявшему нарушителя. См. указанное издание, т. 1, с. 525.

Закон от 16 февраля 1816 года подтвердил применение тех же санкций. См. указанное издание, т. II, с. 40

Аналогичные пункты содержались в законах штата Нью-Йорк, пересмотренных в 1827 и 1828 годах. (См Поправки к законам, ч. I, гл. XX, с. 675.) В них запрещается охотиться, ловить рыбу, играть и посещать заведения, в которых по воскресеньям продаются спиртные напитки. Никто не имеет права путешествовать без крайней на то необходимости.

Это не единственный след, который глубокая религиозность и суровый нрав первых переселенцев оставили в американских законах.

В первом томе Поправок к законам штата Нью-Йорк на с. 662 содержится следующая статья: «Если в течение двадцати четырех часов кто-то выигрывает или проигрывает в азартные игры или на пари сумму в 25 долларов (около 132 франков), то тем самым он совершает судебное наказуемый проступок и в случае доказанности вины должен быть оштрафован на сумму, превосходящую по меньшей мере пятикратно размер его проигрыша или выигрыша; указанная сумма штрафа должна быть передана инспектору той службы, которая отвечает за помощь городской бедноте.

Лицо, проигравшее 25 или более долларов, может обратиться с иском о возврате своих денег в судебном порядке. Если же потерпевший в суд не обращается, инспектор службы помощи городской бедноте имеет право сам выступить истцом на процессе о взыскании с выигравшего данной суммы в четырехкратном размере в пользу бедных».

Процитированные законы были приняты совсем недавно, но кто может понять их, не возвращаясь мысленно в прошлое, в то самое время, когда колонии только зарождались? Я не сомневаюсь, что в наши дни карательные меры, предусмотренные данными законами, применяются крайне редко; законы сохраняют свою нерушимость даже тогда, когда нравы уже уступают веяниям времени. Тем не менее соблюдение воскресенья в Америке — это один из тех обычаев, которые больше всего удивляют иностранцев.

Есть в Америке один большой город, в котором общественная жизнь с субботнего вечера как бы совершенно замирает. Пройдя по его улицам в тот час, когда взрослые люди обычно спешат по своим делам, а молодежь бродит в поисках развлечений, вы обнаружите, что прогуливаетесь в полном одиночестве. Люди не только не работают, но кажется, будто город вымер. Вы не слышите ни звуков, сопутствующих хозяйственной деятельности, ни голосов отдыхающих людей, не слышите даже того приглушенного шума, который беспрестанно рождается в недрах любого большого города. На церковных воротах цепи; полузакрытые ставни на окнах как бы нехотя позволяют солнечному лучу проникать внутрь жилых домов. Лишь изредка вы увидите вдаль одинокого человека, бесшумно пересекающего перекресток или скользящего вдоль пустынной улицы.

На рассвете следующего дня вы вновь слышите стук колес повозок, удары молотов, крики людей. Город просыпается, и беспокойная толпа устремляется в конторы и на фабрики. Все вокруг вас теснится, движется, волнуется. Своего рода летаргическое оцепенение сменяется лихорадочной активностью; можно предположить, что в распоряжении каждого человека остался лишь один-единственный день, в течение

которого он имеет возможность накопить богатство и насладиться его обладанием.

2

Нет надобности предупреждать, что в данной главе я не намеревался написать всю историю Америки. Единственная моя цель заключалась в том, чтобы дать читателю возможность самому оценить то влияние, которое воззрения и нравы первых переселенцев оказали на судьбы различных колоний и Соединенных Штатов в целом. Поэтому я должен был ограничиться цитированием отдельных разрозненных фрагментов.

Быть может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что, пойдя по лишь намеченному мною здесь пути, можно написать такую картину младенчества американский колоний, которая привлекла бы внимание широкой публики и, без сомнения, предоставила бы государственным деятелям богатый материал для размышлений. И поскольку я сам не имею возможности взяться за эту работу, мне хотелось бы по крайней мере несколько облегчить ее для других. Поэтому я считаю своим долгом дать здесь краткий перечень и беглый анализ тех работ, которые представляются мне наиболее ценными в качестве источников.

Из документов общего характера, которые вполне могут послужить полезным справочным материалом, в первую очередь, я бы назвал публикацию, озаглавленную «Историческое собрание государственных бумаг и других подлинных документов, подготовленных в качестве материалов для истории Соединенных Штатов Америки Эбenezером Хэзардом».

Первый том этой коллекции, опубликованный в Филадельфии в 1792 году, содержит точные тексты всех грамот, выданных эмигрантам английскими монархами, а также всех основных законов, принятых властями колоний в первый период их существования. В числе прочих в книгу вошло много подлинных документов из жизни Новой Англии и Виргинии в течение данного периода.

Второй том почти полностью состоит из законодательных актов конфедерации 1643 года. Этот союзный договор, заключенный между колониями Новой Англии с целью организации борьбы против индейцев, явился первым прецедентом объединения англоамериканцев. Вслед за этим союзом еще несколько аналогичных договоров заключались вплоть до 1776 года, когда молодые колонии провозгласили свой суверенитет.

Один экземпляр сборника исторических документов, опубликованного в Филадельфии, хранится в Королевской библиотеке Франции.

Каждая из колоний имеет свои собственные исторические памятники письменности; многие из них очень ценные. Начну свой обзор с Виргинии, так как этот штат был заселен англичанами ранее всех других штатов.

Первым из всех историков Виргинии является ее основатель — капитан Джон Смит. Капитан Смит оставил нам книгу размеров 1/4 долю листа, озаглавленную «Общая история Виргинии и Новой Англии, написанная капитаном Джоном Смитом, бывшим одно время губернатором этих местностей и адмиралом Новой Англии», напечатанную в Лондоне в 1627 году (экземпляр этой книги имеется в

фонде королевской библиотеки). Работа Смита иллюстрирована картами и чрезвычайно любопытными гравюрами, относящимися ко времени издания книги. Повествование хронологически охватывает промежуток времени с 1584 по 1626 год. Репутация книги Смита заслуженно высока. Ее автор — один из самых прославленных искателей приключений, живший в конце того авантюрного века, который дал миру столь многих из них; от самой этой книги веет жаждой открытий, тем духом предприимчивости, который был столь характерен для людей той эпохи. В книге рыцарский кодекс чести уживается с коммерческим духом, и оба они преследуют цель обогащения.

Но самой замечательной особенностью сочинения капитана Смита является то, что в его личности достоинства его современников сочетаются с теми качествами, которые остались чуждыми большей части из них; его слог прост и ясен, все его рассказы несут на себе печать правдивости, а его описания безыскусны.

Этот автор сообщает редкие сведения о состоянии индейцев в эпоху открытия Северной Америки.

Второй достойный внимания историк — Беверли. Сочинение Беверли было переведено на французский язык и в виде книги размером в 1/12 долю листа напечатано в Амстердаме в 1707 году. Автор начинает свое повествование с 1585 года и заканчивает его 1700-м. В первой части его книги опубликованы собственно исторические документы, относящиеся к периоду колонизации; вторая часть содержит любопытные картины жизни индейцев того далекого времени. Третья часть дает очень четкие представления относительно нравов, социального устройства, законов и политических институтов современной автору Виргинии.

Беверли был уроженцем Виргинии, и потому он с самого начала писал, что «молит читателей не судить его работу по слишком строгим критическим меркам, ибо, родившись в Вест-Индии, он не стремился к чистоте своего языка». Несмотря на подобные проявления колониальной скромности, автор на протяжении всей своей книги обнаруживает нежелание мириться с идеей превосходства метрополии. В сочинении Беверли содержатся также многочисленные свидетельства того духа гражданской свободы, которым в то время были воодушевлены жители британских колоний в Северной Америке. В работе нашли отражение те разногласия, которые в течение долгого времени существовали в среде колонистов, значительно отсрочив обретение ими политической независимости. Своих соседей, католиков из Мериленда, Беверли ненавидит даже сильнее, чем английское правительство. Стиль этого автора прост, его повествование часто вызывает неподдельный интерес и доверие. Французский перевод истории Беверли имеется в Королевской библиотеке.

Еще одну заслуживающую внимания работу я видел в Америке, но не смог найти ее во Франции; эта книга, озаглавленная «История Виргинии, написанная Уильямом Ститом». В ней имеются интересные подробности, но в целом она показалась мне растянутой и многословной.

Самым ранним и надежным источником сведений по истории обеих Каролин является маленький том в 1/4 долю листа, опубликованный в Лондоне в 1718 году под названием «История Каролины, написанная Джоном Лоусоном».

Сочинение Лоусона начинается с описания экспедиции, организованной и предпринятой для исследования западной части

Каролины. Отчет о ней дан в форме дневниковых записей; авторское повествование сбивчиво, а наблюдения — чрезвычайно поверхностны. Однако в книге встречаются удивительные описания тех страшных опустошений, которые производили оспа и виски среди дикарей той эпохи, а также дана любопытная картина поразившей их нравственной порчи, которая лишь усугублялась присутствием европейцев.

Вторая часть работы Лоусона посвящена описанию физической географии Каролины, ее природных ресурсов и производительных сил.

В третьей части автор дает интересное описание нравов, обычаев и форм правления, господствовавших у индейцев того времени.

Этот раздел самый оригинальный, в нем часто обнаруживается здравый смысл автора.

«История» Лоусона кончается сценой вручения грамоты представителям Каролины во времена правления Карла II.

Общая тональность этой работы определяется непринужденностью, часто граничащей с непристойностью, что являет собой полную противоположность глубокомысленным и серьезным сочинениям, опубликованным в этот же период в Новой Англии.

«История» Лоусона в Америке — настоящая библиографическая редкость, и в Европе ее раздобыть просто невозможно. Тем не менее в Королевской библиотеке имеется один экземпляр этой книги.

От самых южных районов Соединенных Штатов я перехожу непосредственно к самым северным. Территория, простирающаяся между ними, была заселена позднее.

Прежде всего я должен отметить очень интересную компиляцию, озаглавленную «Собрание Массачусетского исторического общества», впервые напечатанную в Бостоне в 1792 году и переизданную в 1806 году. Этой книги нет ни в Королевской, ни в какой другой, я полагаю, французской библиотеке.

Это «Собрание» представляет собой продолжающееся издание и содержит множество очень интересных документов, относящихся к истории различных штатов Новой Англии. Среди них — не издававшиеся прежде переписки и подлинные материалы, которые были обнаружены в провинциальных архивах. В него вошел полный текст сочинения Букина об индейцах.

В той главе, к которой относится данное примечание, я уже много раз ссылался на работу Натаниела Мортонна «Мемориал Новой Англии». Сказанного мною о ней вполне достаточно для того, чтобы убедить читателя в достоинствах этой книги, которая должна привлечь внимание всякого человека, желающего изучить историю Новой Англии. Эта работа Натаниела Мортонна вышла в виде книги в 1/8 долю листа и переиздана в Бостоне в 1826 году. В Королевской библиотеке нет ни одного ее экземпляра.

Самой авторитетной и значительной книгой по истории Новой Англии считается работа преподобного Коттона Мэзера «Великие деяния Христа в Америке, или Церковная история Новой Англии, 1620–1698», переизданная в Хартфорде двухтомником в 1/8 долю листа в 1820 году. Я не думаю, что эта книга имеется в Королевской библиотеке.

Автор разделил свое сочинение на семь книг.

В первой книге дана предыстория — все то, что подготавливало и способствовало основанию Новой Англии.

Во вторую книгу вошли жизнеописания первых губернаторов и

крупнейших должностных лиц, управляющих поселениями этого региона.

Третья посвящена жизни и деятельности евангелических проповедников, в тот же самый период заботившихся о душах колонистов.

В четвертой книге автор знакомит с основанием и последующим становлением Гарвардского университета в Кембридже (штат Массачусетс).

В пятой описываются принципы и устав церковных организаций Новой Англии.

Шестая книга посвящена рассказам о тех вполне определенных событиях, которые, по мнению Мэзера, доказывали соучастие божественного Провидения в делах жителей Новой Англии.

И наконец, в седьмой книге автор знакомит нас с теми ересями и всякого рода невзгодами, против которых пришлось бороться церковным организациям Новой Англии.

Коттон Мэзер был евангелическим священнослужителем, родившимся и прожившим всю свою жизнь в Бостоне.

Все то рвение и все те религиозные страсти, которые в свое время привели к созданию колоний Новой Англии, одухотворяют и оживляют его повествование. Его писательская манера не безупречна, в ней часто проявляется недостаток хорошего вкуса, однако он захватывает внимание своим энтузиазмом, который в конечном счете передается читателю. Автор часто нетерпим, а еще чаще — легковверен, но вы никогда не почувствуете в нем сознательного желания обмануть. В его сочинении иногда даже встречаются великолепные пассажи и глубокие, правдивые мысли, как, например, нижеследующие.

«До прибытия пуритан, — пишет он (т. I, гл. IV, с. 61), — англичане много раз пытались заселить страну, в которой мы живем. Однако поскольку они не ставили перед собой никакой более высокой цели, чем сугубо материальный успех, то, встречая препятствия, они тотчас же отчаивались. Так бывало до тех пор, пока в Америку не прибыли люди, которыми двигала, придавая им силы, высокая религиозная идея. И хотя у них оказалось больше врагов, чем, возможно, у основателей всех других колоний, им удалось воплотить свой замысел, и созданные ими поселения просуществовали вплоть до наших дней».

Свое суровое повествование Мэзер иногда смягчает образами, полными доброты и нежности. Рассказав, например, об одной английской даме, которая, подчиняясь религиозным убеждениям, последовала за своим мужем в Америку и, однако, вскоре угасла, не сумев перенести тягот и лишений добровольного изгнания, он добавляет: «Что же касается ее достойного супруга, Айзека Джонсона, то он попытался жить без нее, не смог и умер» (т. I, с. 71).

Книга Мэзера чудесным образом передает ощущение того времени и тех мест, которые он стремился описать.

Желая нам объяснить, какими мотивами руководствовались пуритане, когда пытались найти себе убежище по другую сторону океана, Мэзер пишет: «Господь Всевышний воззвал к тем из своих сыновей, которые обитали в Англии. Он заставил сразу тысячи людей, никогда прежде не видевших друг друга, услышать слово Божие и наполнил их сердца желанием оставить свою полную удобств жизнь на родине, дабы переплыть грозный океан и обосноваться среди еще более грозной пустыни с одной-единственной целью — беспрепятственно следовать его заветам.

Теперь, прежде чем мы пойдем дальше, — добавляет он, — нелишне будет сказать о причинах этого начинания, с тем чтобы они были должным образом восприняты нашими потомками: особенно важно напомнить о них нашим современникам, дабы они, не утратив той цели, за которой упорно шагали их предки, не стали пренебрегать подлинными интересами Новой Англии. Поэтому я привожу здесь то, что было найдено в одной из старых рукописей, объясняющий некоторые из этих мотивов.

Во-первых, было бы великой заслугой перед Церковью распространить Евангелие в этой части света (в Северной Америке), дабы возвести здесь оплот, способный защитить верующих от происков Антихриста, стремящегося основать свое царство во всей вселенной.

Во-вторых, все другие Церкви Европы постигло запустение, и существует опасность, что Господь уже вынес этой нашей Церкви свой приговор. Кто знает, не предназначил ли Он место сие (Новую Англию) в качестве убежища для всех тех, кого Он хотел бы спасти от всеобщего уничтожения?

В-третьих, те страны, в которых мы живем, кажутся уставшими от количества своего народонаселения; человек — самое ценное из всех творений, ценится здесь меньше той земли, по которой он ходит. Дети, соседи, друзья, особенно бедные, считаются здесь тяжким бременем, и люди отвергают то, что при нормальном порядке вещей доставляет высшие радости жизни.

В-четвертых, мы так охвачены страстями, что уже никакое богатство не позволяет человеку поддерживать свой престиж среди равных себе. Однако того, кто не достигает богатства, презирают, и поэтому люди всех профессий стремятся обогащаться незаконными путями, вследствие чего человеку честному становится трудно избежать лишений и бесчестья.

В-пятых, школы, где обучают наукам и вере, столь коррумпированы, что большинство детей, причем часто лучшие, наиболее способные из них, на которых возлагались самые обоснованные надежды, оказываются совершенно испорченными из-за множества виденных ими дурных примеров, а также по причине распущенности их окружения.

В-шестых, разве не вся Земля являет собою сад Господень? Разве не дана она детям Адама для того, чтобы они обрабатывали и украшали ее? Отчего же должны мы здесь утесняться, испытывая нехватку земли, тогда как огромные территории, равным образом пригодные для жизни людей, остаются необжитыми и невозделанными?

В-седьмых, какое деяние может быть благороднее, прекраснее и достойнее христианина, нежели создание Реформированной Церкви и поддержание ее в период младенчества, объединение наших сил с силами верных людей, чтобы укрепить ее, содействовать ее процветанию, защитить от напастей, а может, и спасти от полного разрушения?

И в-восьмых, если бы известные своей набожностью люди, жизнь которых окружена здесь (в Англии) богатством и счастьем, оставили все эти земные блага ради того, чтобы основать эту Реформированную Церковь, и согласились разделить с нею неопределенность положения и тяготы судьбы, это было бы великим, полезным примером, который воодушевил бы верующих в их молитвах за колонии и вдохновил бы многих других людей последовать их начинанию».

Далее, освещая позиции Церкви Новой Англии в вопросах морали, Мэзер яростно обрушивается на обычай произносить за столом тосты за здоровье, который он называет языческим и богомерзким.

С аналогичной суровостью он запрещает все те украшения, которые только могут женщины носить на голове, и безжалостно осуждает распространившуюся, по его словам, среди них моду оголять шею и руки.

В другом разделе своей работы он подробно рассказывает о многочисленных фактах колдовства, устранившего тогда Новую Англию. Несомненно, что прямое, явное вмешательство дьявола в дела сего мира представлялось ему неоспоримой, вполне доказанной истиной.

Во множестве мест этой же книги проявляет себя дух гражданской свободы и политической независимости, который был столь свойственен современникам автора. Их принципы управления обществом проявляются на каждом шагу. Так, например, мы узнаем, что жители Массачусетса в 1630 году, то есть всего через десять лет после основания Плимута, собрали 400 фунтов стерлингов для создания собственного университета в Кембридже.

Если от работ, освещающих общую историю всей Новой Англии, перейти к тем сочинениям, которые посвящены отдельным штатам данного региона, я бы в первую очередь отметил книгу под названием «История колонии Массачусетс, написанная Хатчинсоном, губернатором Массачусетской провинции» — двухтомник в 1/8 долю листа. Один экземпляр этой книги имеется в Королевской библиотеке: второе издание, выпущенное в Лондоне в 1765 году.

В «Истории» Хатчинсона, много раз цитировавшейся мною в главе, к которой относится данное примечание, описываются события, начиная с 1628-го и кончая 1750 годом, все сочинение пронизано духом правдивости, слог прост и естественен Эта «История» очень богата деталями.

Лучшей историей Коннектикута является книга Бенджамина Трамбулла «Полная общественная и церковная история Коннектикута, (1630-1764)», два тома которой в 1/8 долю листа были опубликованы в Нью-Хейвене в 1818 году. Я не думаю, что в Королевской библиотеке имеется экземпляр сочинения Трамбулла.

Данная история представляет собой ясное и беспристрастное описание всех событий, которые произошли в Коннектикуте за период времени, указанный в заглавии. Автор черпает материалы из лучших источников, и его рассказ несет на себе печать истины. Все, что он пишет о ранних временах Коннектикута, чрезвычайно любопытно. Обратите особое внимание на изложение Конституции 1639 года в его работе (т. I, гл. IV, с. 100), а также на «Уголовные законы Коннектикута» (т. I, гл. VII, С. 123).

С полным на то основанием авторитетной считается работа Джереми Белнепа «История Нью-Гэмпшира», два тома в 1/8 долю листа, опубликованная в Бостоне в 1792 году. Специально посмотрите в работе Белнепа главу III первого тома, в которой автор приводит чрезвычайно ценные подробности относительно политических и религиозных воззрений пуритан, причин их эмиграции и принятых ими законов. Здесь же приводится любопытная цитата из проповеди, прочитанной в 1663 году: «Необходимо, чтобы Новая Англия постоянно помнила, что она была основана с религиозной, а отнюдь не с коммерческой целью. Обязанность соблюдать чистоту вероучения, богослужения и церковного устройства начертана на ее челе. Поэтому торговцам и всем тем, кто копит монету за монетой, не следует забывать, что целью основания этих поселений была религия, а не нажива. И если кто-то среди нас делам мирским уделяет ровно столько же заботы или даже чуть больше, чем религии, такой

человек по духу своему не является истинным сыном Новой Англии». У Белнепа читатель найдет больше общих идей и большую силу мысли, чем у любого другого из известных нам американских историков.

Не знаю, имеется ли эта книга в Королевской библиотеке?

Из числа тех центральных штатов Америки, которые были основаны уже относительно давно и которые заслуживают нашего внимания, в первую очередь выделяются штаты Нью-Йорк и Пенсильвания. Лучшая из имеющихся у нас книг по истории штата Нью-Йорк так и называется «История Нью-Йорка». Она была написана Уильямом Смитом и издана в Лондоне в 1757 году. Имеется она и во французском переводе, опубликованном также в Лондоне в 1767 году в виде однотома в 1/12 долю листа. Смит представил нашему вниманию полезные подробности о войнах между французами и англичанами в Америке. Из американских историков он был лучше всех осведомлен о знаменитой конфедерации ирокезских племен.